

ISSN 2309-4281

# ПОВОЛЖСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2019

Том 7, № 2 (23)

Самарский государственный социально-педагогический университет  
[www.sgspu.ru](http://www.sgspu.ru)

# Поволжский педагогический вестник

Основан в 2013 году

Том 7, № 2 (23)  
2019

ISSN 2309-4281

Научный журнал  
Выходит ежеквартально  
Электронная версия:  
<http://elibrary.ru>

**Учредитель** – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет»

## Главный редактор

*Игорь Владимирович Вершинин,*  
доктор филологических наук, профессор, президент (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия)

## Заместитель главного редактора

*Оксана Константиновна Позднякова,*  
доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор кафедры педагогики и психологии (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия)

## Ответственный секретарь

*Инесса Юрьевна Яковлева,*  
кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия)

Тел.: 8(846)207-41-41

E-mail: [inessayakovleva2013@mail.ru](mailto:inessayakovleva2013@mail.ru)

**Адрес учредителя, редколлегии и редакции:**  
443099, Россия, г. Самара,  
ул. М. Горького, 65/67.  
Тел.: 8(846)207-43-60  
E-mail: [red\\_izd@sgspu.ru](mailto:red_izd@sgspu.ru)

Начальник РИО  
*О.И. Сердюкова*

Технический контроль  
и размещение  
в библиографических  
базах данных  
научных публикаций  
*А.С. Яицкий*

Сайт: <http://sgspu.ru>

Подписано в печать 22.05.2019  
Выход в свет 01.06.2019  
Формат 60\*84 1/8  
Печать оперативная  
Усл. п.л. 15,75  
Тираж 500 экз. Заказ \_\_\_\_\_

© Самарский государственный  
социально-педагогический университет, 2019

Свободная цена

Издательство  
Самарского государственного  
социально-педагогического  
университета  
443099, Россия, Самара,  
ул. М. Горького, 61/63

Отпечатано в типографии  
СГСПУ

# Сведения о членах редколлегии

---

## Главный редактор

*Вершинин Игорь Владимирович*, доктор филологических наук, профессор, президент (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

## Заместитель главного редактора

*Позднякова Оксана Константиновна*, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор кафедры педагогики и психологии (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

## Члены редколлегии

*Акопов Гарник Владимирович*, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

*Алехин Игорь Алексеевич*, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой педагогики (ФГКВБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия).

*Андронов Владимир Петрович*, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии (ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск, Россия).

*Бездухов Владимир Петрович*, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор кафедры педагогики и психологии (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

*Буранок Олег Михайлович*, доктор педагогических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

*Васильева Дарина Георгиевна*, доктор социологии искусства, профессор теории воспитания и дидактики, заведующий кафедрой музыкальной эстетики, музыкального воспитания и исполнительства (Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, г. Варна, Болгария).

*Виноградова Галина Александровна*, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии (ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти, Россия).

*Доброзракова Галина Александровна*, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью (ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Россия).

*Догнал Йозеф*, доктор филологических наук, доцент (Университет им. Масарика, г. Брно, Чехия).

*Енгальчев Вали Фатехович*, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и юридической психологии (ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия).

*Каньо Юдита*, доктор, научный сотрудник (Педагогический Университет, г. Людвигсбург, Германия).

*Каравашкин Андрей Витальевич*, доктор филологических наук, профессор кафедры истории России Средних веков и Нового времени, профессор кафедры истории русской классической литературы (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия).

*Карасик Владимир Ильич*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания (ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», г. Москва, Россия).

*Колобова Лариса Владимировна*, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка (ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия).

*Кострова Ольга Андреевна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

*Которова Елизавета Георгиевна*, доктор филологических наук, профессор института германистики (Зеленогурский университет, г. Зелёна-Гура, Польша).

*Латас Фернандо Магелланес*, доктор, профессор (Университет, г. Севилья, Испания).

*Лелакова Ева*, магистр, доктор, заместитель декана по международным связям и связям с общественностью, заместитель заведующего кафедрой английского языка и литературы (Жилинский университет, г. Жилин, Словакия).

*Лельчицкий Игорь Давыдович*, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, директор института педагогического образования (ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия).

*Леонов Николай Ильич*, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии и конфликтологии (ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск, Россия).

*Литвиненко Наталья Валерьевна*, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики дошкольного и начального образования (ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия).

*Михалак Рената*, доктор наук (Университет им. А. Мицкевича, г. Познань, Польша).

*Мкртумян Мельс Паргегович*, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории психологии (Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна, г. Ереван, Армения).

*Невиши Мона*, профессор кафедры немецкого языка (Каирский университет, г. Каир, Египет).

*Николина Вера Викторовна*, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и андрогогики (ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», г. Нижний Новгород, Россия).

*Ощепкова Виктория Владимировна*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации (ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», г. Москва, Россия).

*Павлова Анна*, доктор, научный сотрудник кафедры славянских языков (Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга, г. Майнц, Германия).

*Пашикуров Алексей Николаевич*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы института филологии и межкультурной коммуникации (ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Россия).

*Савицкий Владимир Михайлович*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

*Самсонова Надежда Владиславовна*, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта института рекреации, туризма и физической культуры (ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта», г. Калининград, Россия).

### **Ответственный секретарь**

*Яковлева Инесса Юрьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Тел.: 8(846) 207-41-41.

# Содержание

## Лица. События

Славянские языки в XXI веке: Современные аспекты исследования. Об итогах I международной научно-практической конференции (Е.Ю. Долгова) .....	8
--	---

## Межславянские языковые связи: история и современность

<i>Гасек Б.</i> Kilka uwag o pozornych ekwiwalentach frazeologicznych (na materiale współczesnego języka rosyjskiego i polskiego) (Несколько замечаний о мнимых фразеологических эквивалентах (на материале современного русского и польского языков)) .....	13
<i>Лунина Т.П.</i> К вопросу о распространении славянской письменности .....	20
<i>Мордань М.</i> Современные фамилии польско-восточнославянского пограничья, образованные семантическим способом от христианских личных имен .....	25
<i>Сергиенко Н.А., Литовченко А.С.</i> Лингвокогнитивная категоризация и концептуализация лингвоментальной субсферы <i>радость</i> в русской и украинской лингвокультурах .....	33

## Актуальные проблемы русистики

<i>Алимпиева Л.В.</i> Аксессуары принципы кодификации лексических единиц .....	38
<i>Баженова Т.Е.</i> Лексика самарских говоров на общеславянском фоне: наименования построек и сооружений для сушки снопов .....	44
<i>Бакалова З.Н., Краснова Е.А., Денисова В.С.</i> Художественные функции описаний природы в рассказах В.М. Шукшина .....	52
<i>Гурова И.В.</i> Лексикографическая презентация <i>гейт</i> -производных .....	59
<i>Иванян Е.П., Иванова П.С.</i> Корреляция между семами 'живое' – 'неживое' и гедонистической оценкой сравнений в результатах ассоциативного эксперимента .....	65
<i>Карякина В.Л., Гладышева А.С.</i> Отражение особенностей национальной картины мира в русских пословицах и поговорках ...	71
<i>Максакова К.В.</i> Актуальные вопросы изучения медицинского дискурса .....	75
<i>Миронова Е.А.</i> Особенности реализации праславянских рефлексов *dj в Часословах середины XVII века .....	82
<i>Моргунова А.Н.</i> Стилистические функции местоимения <i>ОНО</i> .....	86

<i>Осипова Н.Д.</i>	
Кто она, «Му-му» в прагматонимах? .....	92
<i>Починяева (Ананьева) О.А.</i>	
Оппозиция определенности-неопределенности в семантической структуре разделительных предложений .....	98
<i>Соколова М.Г.</i>	
Семантическое своеобразие тропов «дерево – животное» в русской лирике XIX–XX веков ....	106

### **Актуальные вопросы методики обучения русскому языку**

<i>Белкина Ю.А.</i>	
Комментирование текстов на старославянском языке как часть подготовки школьников к олимпиаде по русскому языку ( <i>из опыта работы</i> ) .....	111
<i>Махмудов Ш.А., Уваровская Н.В.</i>	
Об организации исследования профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному .....	114
Наши авторы .....	119

# Contents

## Faces. Events

Slavic Languages in the 21st Century: Modern Aspects of Research and Practice Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference ( <i>E.Yu. Dolgova</i> ) .....	8
--	---

## Interslavic Language Bonds: Past and Present

<i>Gasek B.</i> A Few Ideas on False Phraseological Equivalents ( <i>as Presented in the Modern Russian and Polish Languages</i> ) .....	13
<i>Lunina T.P.</i> On the Slavic Writing Spread .....	20
<i>Mordan M.</i> Modern Surnames as Semantic Derivations of Forenames of Christian Origin in the Area of Polish and Eastern Slavic Borderland .....	25
<i>Sergienko N.A., Litovchenko A.S.</i> Linguo-Cognitive Categorization and Conceptualization of Linguo-Mental Sub-Sphere <i>Joy</i> in the Russian and Ukrainian Linguo-Cultures .....	33

## Challenging Issues in Russian Studies

<i>Alimpieva A.V.</i> The Accessory Principles of Lexical Units Codification .....	38
<i>Bazhenova T.E.</i> Samara Dialects against General Slavic Background: Names of Buildings and Constructions to Dry Sheaves In .....	44
<i>Bakalova Z.N., Krasnova E.A., Denisova V.S.</i> Expressive Functions of Nature Descriptions in V.M. Shukshin's Short Stories .....	52
<i>Gurova I.V.</i> Lexicographical Presentation of Gate-Derivatives .....	59
<i>Ivanyan E.P., Ivanova P.S.</i> The Correlation between Semes 'Living' – 'Non-Living' and a Hedonistic Evaluation when Comparing as Presented in the Results of the Associative Experiment .....	65
<i>Karyakina V.L., Gladysheva A.S.</i> National Concepts in Russian Proverbs and Sayings .....	71
<i>Maksakova K.V.</i> Challenging Issues In Medical Discourse Studies .....	75
<i>Mironova E.A.</i> Proto-Slavic Reflexes * <i>Dj</i> in the Books of Hours of the Middle of the 17th Century .....	82
<i>Morgunova A.N.</i> Stylistic Functions of the Pronoun <i>ОНО</i> .....	86
<i>Osipova N.D.</i> Who Is She – "Mumu" in Pragmatonyms? .....	92

<i>Pochinyaeva (Ananieva) O.A.</i>	
The Opposition of Certainty/Uncertainty in the Semantic Structure of the Disjunctive Sentences .....	98
<i>Sokolova M.G.</i>	
Semantic Features of the Tropes “Tree – Animal” in Russian Poetry of the 19th –20th Centuries .....	106

### **Challenging Issues in the Russian Language Teaching Methodology**

<i>Belkina J.A.</i>	
Giving a Comment on a Text in the Old Slavic Language as Part of Training Schoolchildren for the Russian Language Olympiad ( <i>Sharing the Experience</i> ) .....	111
<i>Makhmudov Sh. A., Uvarovskaya N.V.</i>	
Research on Features of Vocational Training Learners of Russian as a Foreign Language .....	114
Our Authors .....	121



# Лица. События

## Faces. Events

---

### СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В XXI ВЕКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБ ИТОГАХ I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

### SLAVIC LANGUAGES IN THE 21<sup>ST</sup> CENTURY: MODERN ASPECTS OF RESEARCH AND PRACTICE

PROCEEDINGS OF THE 1<sup>ST</sup> INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

17 мая 2019 г. в стенах ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» состоялась I международная научно-практическая конференция «Славянские языки в XXI веке: современные аспекты исследования», приуроченная к традиционному празднованию на филологическом факультете СГСПУ Дня славянской письменности и культуры.

Организаторами конференции выступили Центр изучения славянских языков и культур, созданный на базе СГСПУ, и кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ.

В конференции приняли участие ученые из Польши (г. Белостока, г. Вроцлава), Белоруссии (г. Витебска), Киргизии (г. Бишкека) и России (г. Липецка, г. Оренбурга, г. Самары, г. Сургута, г. Тольятти).

Цель конференции состояла в обсуждении перспектив изучения фактов исторического развития и современного состояния славянских языков. Основными направлениями работы были заявлены следующие:

1. Активные процессы в славянских языках на рубеже XX–XXI веков.

2. Славянские литературные языки в историческом развитии.

3. Славянская диалектология и лингвострановедение: история и современность.

4. Исследования в области этнолингвистики в славянских странах.

5. Актуальные проблемы славянской лексикографии.

6. Кирилло-мефодиевское наследие славян.

7. Языковая картина мира славян.

8. Современное состояние межславянских языковых, литературных и культурных связей.

9. Сопоставительные исследования славянских и неславянских языков.

В президиум конференции вошли: проректор по научно-исследовательской работе СГСПУ, доктор исторических наук, профессор Александр Иванович Репинецкий; декан филологического факультета СГСПУ, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Светлана Евгеньевна Подлесова; заместитель декана филологического факультета, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Татьяна Евгеньевна Баженова; заведующий кафедрой русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ, кандидат филологических наук, доцент Ольга Ивановна Кальнова; профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Международной академии наук педагогического образования Елена Павловна Иванян.

Конференцию предваряла торжественная часть, в рамках которой прошла

демонстрация фильма о просветителях славян Кирилле и Мефодии, судьбе славянской азбуки, родстве славянских языков; прозвучали стихотворения и песни на славянских языках в исполнении студентов филологического факультета и вокальной группы «Соловій».

Перед началом конференции были подведены итоги внутривузовский конкурса научных студенческих работ «Лингва», который ежегодно проводится в СГСПУ кафедрой русского языка, культуры речи и методики их преподавания и результаты которого традиционно объявляются в День славянской письменности и культуры. Председатель жюри профессор Елена Павловна Иванян вручила дипломы победителям конкурса «Лингва-2019», поблагодарила студентов, магистрантов и аспирантов за активную научно-исследовательскую деятельность.

В рамках конференции было проведено пленарное заседание, работали секции «Когнитивные модели славянского языкового сознания» и «Актуальные процессы в славянских языках начала XXI века», состоялся круглый стол «Современное состояние межславянских языковых, литературных и культурных связей».

В приветственном слове заведующий Центром изучения славянских языков и культур, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Елена Юрьевна Долгова отметила, что конференция посвящена актуальным проблемам и достижениям славистики, в том числе в области изучения кирилло-мефодиевского наследия, что активные процессы в славянских языках на рубеже XX–XXI веков требуют от славистов глубокого осмысления и многоаспектного научного анализа. В связи с этим организаторы конференции выразили надежду на дальнейшее продолжение на базе СГСПУ международных встреч специалистов в области славистики и русистики.

Е.Ю. Долгова зачитала приветственное письмо проректора по учебно-методической работе и качеству образова-

ния СГСПУ, кандидата филологических наук, доцента Натальи Николаевны Кисловой, в котором она пожелала участникам конференции плодотворной работы, а организаторам – успешного проведения.

С приветственным словом выступили члены президиума С.Е. Подлесова, Т.Е. Баженова и О.И. Кальнова.

На пленарном заседании прозвучал доклад Михала Мордана, представляющего кафедру исследований языка пограничья Института восточнославянской филологии Университета в Белостоке. В докладе шла речь о влиянии христианского наследия на современную антропонимическую систему польско-восточнославянского пограничья. Внимание исследователя было сосредоточено на фамилиях, образованных семантическим способом от полных форм личных имен – официальных (*Chariton, Daniel, Firs, Gierman, Kondrat, Roch*) и разговорных (*Anchim, Dzienis, Egierd, Gmitter, Kuźma, Marchel; Danilo, Mateja*), а также от их производных, возникших в результате усечения словообразовательной основы (*Filim, Fronc, Hnat, Kudin, Owsiej, Siegień*).

Логическим продолжением темы личных имен в славянских языках стал совместный доклад доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Елены Павловны Иванян и студентки 1 курса филологического факультета СГСПУ, дипломанта конкурса «Лингва-2019» Юлии Павловны Люленковой «“Хмуриться не надо, Лада!” Вокативы XXI века в славянских языках».

В рамках направления «Славянская диалектология и лингвогеография: история и современность» с докладом «Славянские названия ящерицы» выступила Т.Е. Баженова, которая на примере языковой репрезентации наименований ящерицы подробно и всесторонне рассмотрела специфику славянской диалектной языковой картины мира. Особое внимание в докладе было уделено выявлению релевантных признаков, влияющих на процесс номинации, а также семантическим вариантам диалектных слов.

На пленарном заседании прозвучал также доклад кандидата филологических наук, старшего преподавателя кафедры дошкольного образования СГСПУ Ирины Владимировны Гуровой «Дериваты с компонентом *-гейт* в славянских и неславянских языках: сопоставительный аспект», в котором *гейт*-производные (слова с интернациональным компонентом *-гейт* в значении 'скандал', выполняющим функции одного из членов межуровневого оморяда *гейт/-гейт*) были рассмотрены в лексикографическом аспекте.

На секционных заседаниях были рассмотрены проблемы когнитивных моделей славянского языкового сознания и актуальные процессы в славянских языках начала XXI века.

Работу секции «Когнитивные модели славянского языкового сознания» открыл подготовленный в соавторстве с профессором Е.П. Иванян доклад студента пятого курса филологического факультета СГСПУ Полины Сергеевны Ивановой «Корреляция между семами 'живое' – 'неживое' и гедонистической оценкой сравнений ольфакторного модуса перцепции в результатах ассоциативного эксперимента». Особый интерес вызвали представленные докладчиком результаты количественного и качественного анализа данных проведенного ассоциативного эксперимента.

О дериватах с компонентами *царь-*, *чудо-*, *горе-* в русской языковой картине мира шла речь в докладе кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Натальи Викторовны Гонновой. Автор рассмотрел дериваты, построенные по модели «слово + слово» (*царь-пушка*, *царь-колокол*, *царь-книга*; *чудо-дети*, *чудо-порошок*, *чудо-чай*, *горе-исследователь*, *горе-строитель*, *горе-отец* и др.), в качестве культурно маркированных единиц, обладающих коннотативным компонентом и предполагающих наличие фоновых знаний у носителей языка. В докладе было подчеркнута, что оценка – часть картины мира человека, а оценочность как языковое средство выраже-

ния общей категории оценки является составляющей языковой картины мира носителя языка.

Проблемы языковой картины мира касался и доклад Валентины Леонидовны Каряжиной, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ, о репрезентации в русских пословицах и поговорках народных представлений о правде и счастье. Особый интерес у участников конференции вызвали представленные в исследовании ассоциативные связи и основания для выявленных ассоциаций.

Особенности реализации рефлексов праславянских сочетаний *\*dj* в Часословах середины XVII века были рассмотрены в докладе ассистента кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета Екатерины Александровны Мироновой. Докладчик убедительно доказал, что внедрение и закрепление жд<*\*dj* в системе русского языка не соотносится с так называемым «вторым южнославянским влиянием», а становится следствием правки богослужебной литературы в период церковной реформы середины XVII века.

Секцию «Актуальные процессы в славянских языках начала XXI века» открыл доклад о художественных функциях описания природы в рассказах В.М. Шукшина, ставший результатом совместного научного творчества студента шестого курса заочной формы обучения филологического факультета СГСПУ Викторией Сергеевны Денисовой, кандидата филологических наук, доцента кафедры лингвистики Самарского государственного университета путей сообщения Елены Александровны Красновой и доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Зинаиды Николаевны Бакаловой. Основными задачами авторов доклада были анализ художественного текста в прагматическом ключе, выявление его языковой специфики,

направляющей восприятие читателя и осознание им авторских интенций.

Работа секции продолжилась докладами об актуальных процессах в лексике и синтаксисе славянских языков. Так, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ О.И. Кальнова представила доклад об экзотизмах как элементах русского и польского текста, а кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Ольга Анатольевна Починяева рассмотрела на материале русского языка оппозицию определенности-неопределенности в семантической структуре разделительных предложений.

Вопросы методики преподавания русского языка поднимались в докладе кандидата педагогических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Юлии Алексеевны Белкиной («Комментирование текста на старославянском языке как часть подготовки школьников к олимпиаде по русскому языку. Из опыта работы») и совместном докладе магистранта СГСПУ Натальи Вячеславовны Уваровской и доктора педагогических наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Шамиля Ахмедовича Махмудова «Профессиональная направленность преподавания русского языка как иностранного».

Заочное участие в работе конференции приняли ученые из Вроцлавского университета (Польша), Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Белоруссия), Международного университета Ала-Тоо (Киргизия), Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского и Тольяттинского государственного университета (Россия).

Исследование кандидата филологических наук Богумила Гасека, представляющего Институт славянской филологии Вроцлавского университета, было посвящено вопросу о мнимых фразеологических

русско-польских эквивалентах, понимаемых как пары фразеологизмов двух языков, которые при внешнем сходстве различаются семантикой или особенностями функционирования в речи.

Ранний период распространения славянской письменности был освещен в работе Татьяны Петровны Луниной, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка как иностранного Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Целью исследования кандидата филологических наук, доцента Международного университета Ала-Тоо Ларисы Владимировны Алимпиевой явилось определение состава основных аксессуарных принципов кодификации лексических единиц.

В работе кандидата педагогических наук, доцента Тольяттинского государственного университета Марины Геннадьевны Соколовой тропы, составляющие образную парадигму «дерево – животное», были рассмотрены как средство репрезентации эстетически значимых семантических признаков дендронимов в поэтическом языке.

Завершил работу конференции круглый стол «Современное состояние межславянских языковых, литературных и культурных связей», модератором которого выступила Е.Ю. Долгова. К обсуждению актуальных вопросов межславянских контактов были приглашены коллеги из Польши, Чехии, Самарской городской общественной организации «Поляки Самары “Потомэк” (“Потомок”)), Самарской областной общественной организации белорусов и выходцев из Беларуси «Русско-Белорусское Братство 2000».

Модератором круглого стола был обозначен главный проблемный вопрос: «Какой опыт и какие перспективы межславянского научного и культурного взаимодействия имеются в Самарской области и как этот опыт может быть использован Самарским государственным социально-педагогическим университетом для развития разноаспектных межславянских связей?»

Председатель Самарской городской общественной организации «Поляки Самары “Потомэк”» Надежда Евгеньевна Воскресенская рассказала о направлениях, осуществляемой культурно-просветительской работы, выразила надежду на установление стабильного сотрудничества с созданным в СГСПУ Центром изучения славянских языков и культур и пригласила участников конференции на I международный культурно-просветительский форум «Диалоги о польском». Михал Мордань (Университет в Белостоке) и Е.Ю. Долгова посетили форум 18 мая 2019 года и обратились к его участникам с приветственным словом.

Е.Ю. Долгова рассказала о культурно-просветительской и научной работе, начатой Центром изучения славянских языков и культур СГСПУ. Так, 6 апреля 2018 года прошло открытое заседание дискуссионного клуба «Открытый разговор» на тему «Россия и Чехия: какими мы видим друг друга?», на который в качестве экспертов были приглашены магистр Университета им. Маса-рика Збынек Михалек (г. Брно) и преподаватель чешского языка Михаил Александрович Паницкий. 22 ноября 2018 года состоялась первая открытая лекция по истории русского языка «О чем рассказали древние берестяные грамоты?». В апреле 2019 года студенты 4 курса филологического факультета приняли участие в международном конкурсе «Польша и Россия: диалог поколений», заняв призовые места в нескольких номинациях.

Е.П. Иванян рассказала о направлениях научного взаимодействия со славянскими странами на уровне магистратуры «Русский язык в общем среднем и высшем образовании».

В завершение круглого стола участники высказали мнение о необходимости развития традиционных направлений межславянского научного и культурного взаимодействия и создания новых связей как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры и аспирантуры. В частности, было принято решение о проведении ежегодных

научных конференций, посвященных актуальным проблемам славистики, и форумов культурно-просветительской направленности, в качестве площадок для которых поочередно будут выступать Центр изучения славянских языков и культур СГСПУ, Самарская городская общественная организация «Поляки Самары “Потомэк” (“Потомок”»)), Самарская областная общественная организация белорусов и выходцев из Беларуси «Русско-Белорусское Братство 2000».

Подводя итоги работы, заведующий Центром изучения славянских языков и культур ГСПУ Е.Ю. Долгова напомнила участникам конференции слова известного российского лингвиста, специалиста в области славянского языкознания, истории, лексикологии и лексикографии русского и украинского языков Александра Михайловича Молдована: «Славянские культуры являются неотъемлемой составляющей частью мировой культуры. Они обладают своей собственной историей, особым складом и особым потенциалом. Общность происхождения и языковое родство славян отражаются во всей их культурной истории со времени их появления до современного состояния. В силу этого изучение различных аспектов славистики является фундаментальной задачей в области познания существенной части мировой истории» (Молдован А.М. Пути славистики в современном мире: XIV междунар. съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. М. : Миксмедия, 2008. 44 с).

Е.Ю. Долгова выразила уверенность, что I международная научно-практическая конференция «Славянские языки в XXI веке: современные аспекты исследования» начнет ряд планируемых организаторами конференции международных встреч специалистов в области славистики и русистики. II международная научно-практическая конференция, посвященная актуальным проблемам славистики, состоится в мае 2020 года и традиционно будет приурочена к празднованию Дня славянской письменности и культуры.

*Е.Ю. Долгова*

# Межславянские языковые связи: история и современность

## Interslavic Language Bonds: Past and Present

---

УДК 10.02.20

**KILKA UWAG O POZORNYPH EKWIWALENTACH FRAZEOLICZNYCH**  
(*NA MATERIALE WSPÓLCZESNEGO JĘZYKA ROSYJSKIEGO I POLSKIEGO*)

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О МНИМЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТАХ**  
(*НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ*)

**A FEW IDEAS ON FALSE PHRASEOLOGICAL EQUIVALENTS**  
(*AS PRESENTED IN THE MODERN RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES*)

© 2019

B. Gasek

Б. Гасек

B. Gasek

В настоящей статье рассматривается вопрос о мнимых фразеологических русско-польских эквивалентах, понимаемых как пары фразеологизмов двух упомянутых языков, которые при внешнем сходстве различаются семантикой или особенностями функционирования в речи. Автор ссылается на известные работы в данной области, прежде всего на монографию Изабеллы Дашинской «Rosyjsko-Polskie Pozorne Ekwiwalenty Frazologiczne», после чего проводит собственный сопоставительный анализ, основанный на материале «Современного словаря русской фразеологии» А.В. Жукова и М.Е. Жуковой. Предметом сопоставления с единицами польского языка являются русские фразеологизмы, снабженные в упомянутом словаре пометой *новое*. Было установлено, что при общем количестве более 1800 словарных статей и 181 фразеологизмов с пометой *новое* в отношении ложной русско-польской фразеологической эквивалентности вступают, по подсчетам автора, 3 единицы. В дальнейшем приводится описание выделенных фразеологизмов русского и польского языков с учетом явления полисемии и особенностей их использования в конкретных контекстах со ссылкой на фразеологические словари русского и польского языка, а также – на данные Национального корпуса русского языка, Национального корпуса польского языка и прессы. Изученный материал позволяет сформулировать выводы относительно значения рассматриваемого явления с точки зрения переводоведения и методики преподавания русского языка как иностранного.

**Ключевые слова:** переводоведение; русско-польские фразеологические соответствия; мнимые русско-польские фразеологические соответствия; эквиваленты; новая русская фразеология; языковые новации; лексикография.

The article analyses false Russian and Polish idioms that share the same form but have different meanings. The author refers to the works in the given area, first of all, to Izabella Dashinska's monography „Rosyjsko-polskie pozorne ekwiwalenty frazeologiczne” which is followed by the comparative analysis based on A.V. Zhukov and M.E. Zhukova's “Modern Dictionary of Russian Phraseology”. Russian phraseological units marked in the dictionary as “new” are compared with the units of the Polish language. On analyzing more than 1800 entries and 181 phrases with the mark ‘new’ the author of the article found 3 units of Russian-Polish phraseological equivalents that can be considered as false ones. The author also describes the phrases of the Russian and Polish languages as examples of polysemy and comments on their use in particular contexts referring to phraseological dictionaries of the Russian and Polish languages, as well as – to the data of National Corpora of the Russian Language and National Corpora of the Polish language. The results of the research lead to the conclusions regarding the importance of the phenomenon in translation studies and methodology of teaching Russian as a foreign language.

**Keywords:** translation studies; Russian and Polish idiom equivalents; false phraseological Russian and Polish equivalents; new Russian idioms; language innovations; lexicography.

W przekładoznawstwie problem ekwiwalencji frazeologicznej zajmuje ważne miejsce i jest podejmowany w mniejszym lub większym stopniu w monografiach poświęconych problematyce przekładu – por., np. [1–4]. Nie mniejsze znaczenie dana problematyka ma w dydaktyce języka obcego i leksykografii – na materiale polsko-rosyjskim warto odwołać się do licznych prac Wojciecha Chlebdy np. [5].

Wymieniony badacz posługuje się terminami frazem i reпродукt. Kwestie terminologiczne wyjaśniam w dalszej części artykułu.

Jednym z bardzo szczegółowych zagadnień ekwiwalencji frazeologicznej jest problem zbieżności formy jednostek dwóch języków przy różnicy w ich znaczeniu/użyciu. W takim rozumieniu dana problematyka ma wiele wspólnego z pojęciem fałszywych przyjaciół tłumacza, jednak autorzy słowników homonimów rosyjsko-polskich [6–8] czy też prac rusycystycznych w nurcie homonimii międzyjęzykowej rozpatrują głównie relacje pomiędzy słowami dwóch języków. Do podobnego wniosku dochodzą P. Janikowski i J. Krzywdą po dokonaniu oglądu prac teoretycznych w j. angielskim, niemieckim, francuskim, hiszpańskim, rosyjskim i polskim: „Najczęściej jednak definiuje się fałszywych przyjaciół dość konkretnie, właśnie na poziomie leksemu” [9]. Warto jednak zauważyć, że zbieżność formy graficznej/fonetycznej przy całkowitej lub częściowej asymetrii semantyki i/ lub charakterystyki pragmatycznej ma odniesienie również do odtwarzalnych jednostek o strukturze wielokomponentowej. Dla potrzeb danego artykułu będę konsekwentnie stosował termin frazeologizm w możliwe szerokim znaczeniu, obejmującym różne ponadslowne jednostki odtwarzalne. Zastosowanie właśnie tego terminu wynika z faktu wyboru słownika frazeologicznego języka rosyjskiego jako źródła materiału badawczego, o czym w dalszej części artykułu.

Zgodnie ze znanym postulatem przekładoznawczym w miarę możliwości frazeologizm ze względu na jego obrazowość i ekspresję należy oddawać w tłumaczeniu frazeologizmem. Dość oczywiste jest, że ekwiwalenty frazeolog-

iczne mogą się różnić częściowo lub też nawet całkowicie swoją budową od jednostek wyjściowych. Jak słusznie odnotował W.S. Winogradow: «Переводчик обязан искать смысловое, экспрессивное и функционально-стилистическое соответствие фразеологизму оригинала, а не ломать голову над воспроизведением внутренней формы такой словесной единицы» [3, с. 185–6]. Trudno byłoby się również nie zgodzić ze S. Karolakiem, który we Wstępie do „Rosyjsko-polskiego słownika frazeologicznego” w następujący sposób definiował frazeologiczne odpowiedniki przekładowe: „Właściwymi odpowiednikami są tylko te wyrażenia języka polskiego, które mogą być użyte w kontekście odpowiadającym kontekstowi wyrażenia rosyjskiego, tzn. odpowiedniki operatywne, przekładowe właśnie” [10, с. 9]. Zewnętrznoformalne podobieństwo międzyjęzykowe ułatwia pracę tłumacza wówczas, gdy ma on do czynienia ze szczególnymi przypadkami użycia frazeologizmów – grą językową lub kalamburem. W językach blisko pokrewnych, jakimi są rosyjski i polski można odnotować pewną liczbę odpowiedników o niemal identycznej (w konfrontacji międzyjęzykowej pojęcie identyczności nosi charakter umowny) budowie i znaczną liczbę jednostek o budowie zbliżonej. Z drugiej jednak strony dla wymienionej pary języków słowiańskich charakterystyczne są także przypadki frazeologizmów, które przy zbieżności budowy różnią się semantyką i / lub charakterystyką pragmatyczną (rejestr stylistyczny i osobliwości użycia).

Na polskim gruncie językoznawczym dane zjawisko doczekało się obszernego opracowania monograficznego – I. Daszczyńska w pracy „Rosyjsko-polskie pozorne ekwiwalenty frazeologiczne” [11], analizując słowniki frazeologiczne i objaśniające języka rosyjskiego i polskiego oraz pojedyncze słowniki dwujęzyczne w poszukiwaniu tożsamości frazeologicznych (Rozumianych jako: „związki frazeologiczne o identycznym znaczeniu, identycznej strukturze wewnętrznej oraz identycznym składzie komponentów” [11, с. 8].), wyodrębniła 116 par pozornych ekwiwalentów frazeologicznych.

Przytoczmy autorskie wyjaśnienie danego terminu: „Istnieją w porównywanych językach związki frazeologiczne nie identyczne, lecz bardzo zbliżone ze względu na skład komponentów i wewnętrzną strukturę, a także różniące się znaczeniem. Wszystkie tego typu związki frazeologiczne, które ze względu na zewnętrzne podobieństwo mogą być potraktowane jako jednostki ekwiwalentne, postanowiłam nazwać pozornymi ekwiwalentami. W nauce rosyjskiej jest używany termin «ложные эквиваленты» [11, c. 8–9].

Zaliczyła do nich m.in. takie jednostki jak ros. i pol. *залезать в карман чей, к кому 'незаконно пользоваться чужим добром; обкрадывать кого-л.'* – znaleźć się [siedzieć] u kogo w kieszeni ‘być zależnym materialnie od kogo, zadłużyć się u kogo’”. W analizie porównawczej frazeologizmów uwzględniła ona polisemię i homonimię w jednostkach zestawianych języków, uzyskując przykłady całkowitej i częściowej rozbieżności semantyki frazeologizmów o zbliżonej budowie. Wszystkim przykładom towarzyszyły definicje słownikowe, bez sięgnięcia jednak po tekstowy materiał ilustracyjny.

Pojedyncze przykłady pozornych ekwiwalentów frazeologicznych przyniosła również monografia I. Daszczyńskiej i L. Iwaszko „Rosyjska i polska frazeologia marynistyczna ze słownikiem” [12], w której frazeologizmy zostały wyekscerpowane z konkretnego materiału tekstowego w postaci powieści marynistycznych.

Do danej tematyki nawiązał K. Kusal w monografii «Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема» [13, c. 120–126], a następnie na materiale frazeologii żargonowej – w artykule «Русско-польские семантические сближения в сфере субстандартной фразеологии» [14]. Autor wspomnianego artykułu zwrócił uwagę na sferę żargonu, która uległa w języku rosyjskim końca lat 80. i początku lat 90. znacznej aktywizacji. Przytoczył przy tym materiał ilustracyjny dwójakiego charakteru – relację pozornej ekwiwalencji frazeologicznej (np. *◇ В натуре «действительно, в самом деле» // В натуре «получать вознагражде-*

*ние; платить продуктами, товарми»* [14]) oraz konsekwencje ewentualnego dosłownego tłumaczenia frazeologizmów żargonowych (np. *Развесить весла «бездельничать» // Розвесить wiosła* [14]).

Wymiar praktyczny prac obydwóch wzmiankowanych badaczy potwierdzają także moje własne obserwacje poczynione w środowisku studentów i wykładowców języka rosyjskiego oraz tłumaczy. Zauważalne jest nieuświadomione utożsamianie rosyjskich i polskich jednostek o różnym znaczeniu frazeologicznym *белая ворона* – biały kruk ‘редкая книга’ oraz *язык не поворачивается* i *язык się płacze* ‘язык заплетается’, co już było przedmiotem opisu [zob. 15, c. 123–124]. Podobnie rzecz ma się z frazeologizmem *идти под гору*. W słowniku frazeologicznym Fiodorowa [16] jest on definiowany w następujący sposób: „1. разг. экспресс. Резко ухудшаться 2. Идти, приближаться к концу (о жизни)” [16]. Siła oddziaływania formy zewnętrznej jest na tyle duża, że dany frazeologizm bywa błędnie interpretowany nawet w opracowaniach dydaktycznych przeznaczonych dla rusycystów, jak: [17], gdzie przyporządkowano mu polską jednostkę *ić pod górę* [17, c. 181], chociaż w rzeczywistości jest ona odpowiednikiem rosyjskiego *идти в гору* w znaczeniu ‘wchodzić na górę’ (‘подниматься вверх’).

Z jednostek wcześniej nieodnotowanych w znanych mi źródłach zwróciłbym uwagę na jedną parę frazeologizmów: *принять на грудь* i *приjąć/взіąć/brać na klatę*. Obydwa frazeologizmy należą do wyrażen potocznych o dużym nacechowaniu emocjonalnym. Jednak ich znaczenia są różne. Porównajmy znaczenie rosyjskiego frazeologizmu ‘pić alkohol’ i typowy kontekst użycia: „1,8 промилле – это где-то 300 граммов водки, но судя по содержанию в моче он «принял на грудь» в два раза больше” [18] ze znaczeniem wspomnianego pol. Frazeologizmu: „przen. znieść po męsku obrazę lub przeciwność losu, odważnie stawić czoła wyzwaniu” [19] oraz typowym przykładem jego użycia: „Nie musi pani krzyczeć na całą



wieś. Może i mam, ale potrafię przyjąć krytykę na klatę” [20].

Próbie spojrzenia na daną problematykę z punktu widzenia najnowszych zasobów frazeologicznych ruszczyzny i polszczyzny oparłem na badaniu konkretnego opracowania frazeologicznego, jakim jest «Словарь современной русской фразеологии» А.В. Žukowa i М.Е. Žukowej [21]. Analiza tego słownika miała pozwolić na sformułowanie odpowiedzi na pytanie, czy zjawisko pozornych ekwiwalentów frazeologicznych ma odniesienie również do najnowszych zasobów frazeologicznych języka rosyjskiego i polskiego. Dane dzieło leksykograficzne zostało wybrane jako punkt wyjścia do badania właśnie ze względu na podjętą przez jego autorów próbę zaprezentowania stanu współczesnej frazeologii rosyjskiej, która przejawia się w szerokim podejściu do frazeologii oraz włączenia do siatki haseł szeregu jednostek obecnych w ruszczyźnie od zaledwie kilku- kilkunastu lat. Co istotne, zgodnie z deklaracją twórców słownika w ich dziele znalazły się «наиболее употребительные в современных газетных текстах и в других СМИ устойчивые обороты русского языка типа белый и пушистый, гнать (погнать) пургу (...)» [21, с. 3]. Frazeologizm został zdefiniowany w sposób dość konserwatywny – «воспроизводимое и семантически целостное (идиоматичное) образование, построенное по образцу словосочетания или (реже) предложения, а в смысловом и грамматическом плане соотносимое со словом» [21, с. 4], ale obok tak pojmowanych związków frazeologicznych do słownika trafiły również inne jednostki, m. in. stałe porównania, peryfrazy, sztampy prasowe, cytaty literackie, eufemizmy i żargonizmy frazeologiczne [21, с. 4]. W ten sposób dane dzieło leksykograficzne odnotowuje w zasadzie frazemy, a więc różnego rodzaju odtwarzalne jednostki języka przypisane do konkretnych sytuacji komunikacyjnych, czyli wielowyrzawce stanowiące jedną z zasadniczych jednostek przekładu.

Wśród ponad 1800 haseł słownikowych 158 zostało oznaczonych kwalifikatorem nowy

(новое). Pewnym mankamentem konstrukcyjnym jest tu brak wskazania kryteriów użycia określonych kwalifikatorów. Szczególnie zauważalne jest to w przypadku interesującego nas kwalifikatora nowy – wśród jednostek scharakteryzowanych w ten sposób odnajdziemy i takie jak: прораб перестройки и еще не вечер, a więc frazeologizmy funkcjonujące w ruszczyźnie od dziesięcioleci.

Ogląd podgrupy frazeologizmów oznaczonych wspomnianym kwalifikatorem pozwolił wyodrębnić trzy jednostki, które należy zaliczyć do pozornych ekwiwalentów frazeologicznych.

Omówmy je kolejno:

Zgodnie z definicją słownikową не вписаться в поворот to:

«нов. разг. употр. при подлежа. со знач. лица. Не суметь приспособиться к новым условиям, оказаться невостребованным» [21, с. 213]. Co istotne jednoznaczna interpretację tej jednostki ułatwia nie tylko materiał ilustracyjny, ale również wskazanie przez autorów słownika synonimu: выпасть (выпадать) из обоймы.

W języku polskim funkcjonują dwa frazeologizmy o bardzo zbliżonej strukturze. Pierwsze wyrażenie to:

Nie wyrobić na zakręcie. Analiza typowego kontekstu użycia, np. „Para nie dojechała jednak do celu, bowiem w miejscowości Malewszczyzna pod Krasnobrodem, osobowe volvo, którym kierował aktor nie wyrobiło na zakręcie i zjechało z drogi” [22] pozwala dojść do wniosku, że odpowiada ono znaczeniu dosłownemu frazeologizmu rosyjskiego, natomiast znacznie drugiego polskiego frazeologizmu jest inne: nie wyrabiać się na zakrętach – „neol. mieć kłopoty z jednoczesnym wykonywaniem licznych zajęć, czynności i obowiązków” [23]. W konkretnym kontekście frazeologizm może być użyty jak w poniższym przykładzie: „Widząc panią, która ma zmęczoną twarz, jest zaniedbana, ma duże odrosty i zniszczone włosy, mogę sądzić, że jest to osoba, która jest styrana życiem, nie wyrabia się na zakrętach i nie starcza jej czasu dla siebie. Trwalej już nie robię, więc śpię spokojnie.” [24].

Należy zwrócić uwagę, że tego typu relacje międzyjęzykowe mogą prowadzić do błędów szczególnie w procesie recepcji i/lub tworzenia tekstu obcojęzycznego, przy czym źródłem nieporozumień może być zarówno pierwsza, jak i drugą jednostka języka polskiego.

Następny frazeologizm rosyjski to:

«занимать (занять) свою нишу нов. Употр. при подлежащ. со значением лица. Определить, найти сферу своего существования, деятельности» [21, s. 123].

Nisza w języku polskim ma nieco węższe znaczenie niż nisza w rosyjskim. Jak podaje Wielki słownik języka polskiego [25] w czwartym znaczeniu (odnoszonym do rynku) jest to: „pozostawiony w jakiejś dziedzinie działalności człowieka, niezagospodarowany obszar, w którym może się rozwijać coś uzupełniającego, drugoplanowego” [25], podczas gdy ros. *ниша* w interesującym nas znaczeniu to: «Область, сфера деятельности, где кто-л. находит применение своим способностям и возможность устроить свою жизнь оптимальным образом. Найти свою нишу» [26]. Stąd też frazeologizmy z danym komponentem używane są w języku rosyjskim i polskim w różnych znaczeniach i nieznacznie różnią się swoją formą – por. *занять свою нишу* i *займа́т нисzę́*. Przykładowy rosyjski kontekst użycia: «Безупречная репутация, клиентоориентированность и инновационный подход к развитию бизнеса позволили компании не только твердо занять свою нишу на внутреннем рынке, но и успешно проводить мировую экспансию» [27].

Natomiast polski frazeologizm może pojawić się np. w takim kontekście: „Jednak znaczna część zachodnich marek wycofała się z Krymu. Natychmiast, jak grzyby po deszczu, wyrosły lokalne podróbki, które zajęły niszę” [28]. Ten ostatni odzwierciedla typowe użycie frazeologizmu w języku polskim, które można byłoby oddać za pomocą rosyjskiego «занять освободившиеся на рынке место».

Widoczna różnica w znaczeniu przy jednoczesnej zbieżności formy pozwala zaliczyć daną parę wyrażenia do kategorii pozomych ekwiwalentów frazeologicznych.

Niezwykle ciekawie w konfrontacji międzyjęzykowej prezentuje się frazeologizm: «Застегнутый на все пуговицы; застегнут на все пуговицы нов., опр. и сказ. Употр. при подлежащ. со значением лица. 1. Аккуратный, подтянутый. 2. Скрытый» [21, s. 124]. Jak widzimy, ma on dwa znaczenia (O różnych niuansach funkcjonowania danego frazeologizmu traktuje artykuł W.K. Lebediewa «**Застегнутый на все пуговицы**» [29]). Tymczasem słowniki frazeologiczne języka polskiego nie odnotowują wyrażenia „zapięty na wszystkie guziki”, jednak pojawia się ono w tekstach w języku polskim w co najmniej dwóch znaczeniach. W dosłownym przy opisie wyglądu zewnętrznego i ubioru człowieka, np. „Pan Świrski Wincenty miał lat około siedemdziesięciu. Był to człowiek wysoki, szczupły, zawsze wyprostowany, zapięty na wszystkie guziki. Nosił śpiczastą napoleonkę, śpiczaste wąsy i szpakowatą czuprynę. Mało mówił, prawie nigdy nie śmiał się, wszystkich traktował z góry i surowo” [30] oraz przenośnym: „Bo rzetelna Lone słuchała tylko logiki, sprawdzonej w przeszłości. Tego przecież nauczono ją w policyjnej szkole. Spłatanie figla związkowi przyczyny i skutku (związkowi równie poważnemu jak zapięty na wszystkie guziki szef policji) było dla niej nie do pomyślenia” [31]. To ostatecznie odpowiada w zasadzie znaczeniu pierwszemu rosyjskiego frazeologizmu, natomiast frazeologizm w znaczeniu drugim («*скрытый*») tworzy z polskim wyrażeniem parę pozomych ekwiwalentów.

Analiza tego typu materiału nie może oczywiście ograniczać się jedynie do porównywania definicji słownikowych. Spojrzenie na hasło «входной билет Нов. (мн. ч. не употр.) Благоприятный или решающий фактор» może skłaniać do stwierdzenia, że pozostaje on w relacji pozornej ekwiwalencji z pol. *biletem wejściowym*. Jednak lektura słownikowego materiału ilustracyjnego (w tym przypadku, niestety w postaci tylko jednego przykładowego zdania: *В Киеве считают, что входным билетом в НАТО станет как раз громкий конфликт с Россией* [21]) naprowadza na myśl o podobieństwie użycia pol. połączenia *bilet wejściowy* lub jego ewentualnej

potocznej modyfikacji wejściówka lub synonimu, np. przepustka. Stworzenie realnej sytuacji tłumaczeniowej może dać następujący przykładowy wynik: W Kijowie uważa się, że właśnie głośny konflikt z Rosją otworzy drzwi do NATO (konieczne było przeprowadzenie modyfikacji leksykalnej i zmiany szyku zdania), ale polskie zdanie, będące adekwatnym przekładem zdania wyjściowego, pośrednio wskazuje na nie najtrafniejszą, zbyt ogólną definicję frazeologizmu входной билет w badanym słowniku. Moje wątpliwości pogłębia lektura innych przykładów realnych użyć tekstowych, które podają za NKJR:

«“Но входной билет на рынок ИВ-бутиков без привлечения баланса – спорное решение, особенно в условиях жестокой конкуренции”, – полагает г-жа Панченко» [32].

«И китайцы будут вынуждены заплатить за “входной билет” эту цену, чтобы закрепиться на российском рынке, куда мечтают войти уже много лет» [33].

Za każdym razem metafora biletu wstępu, czy biletu wejściowego właśnie jest bardzo czytelna.

Przeprowadzone badanie daje wyobrażenie o stosunkowo niewielkiej skali danego zjawiska, jeśli w analizie ograniczyć się do materiału omawianego słownika i zgodzić się z systemem kwalifikatorów zastosowanych przez jego autorów. Nie zmniejsza to jednak znaczenia badanego zjawiska – nawet pojedyncze przykłady ekwiwalencji pozornej zasługują na uwagę – tego typu pary jednostek powinny być szczególnie mocno akcentowane w dydaktyce języka rosyjskiego jako obcego i dydaktyce przekładu. Podkreślić należy, że ewentualne wyjście poza materiał wzmiankowanego słownika może przynieść dodatkowe pary pozornych ekwiwalentów frazeologicznych. Nie mniej istotne jest rozgraniczanie (z implikacjami dla procesu dydaktycznego) opisu leksykograficznego od przekładu konkretnych tekstów, zawierających omawiane jednostki wyjściowe. Konkretnie uwarunkowania kontekstowe, transformacje translatoryczne, strategie przekładu, czy indywidualne wybory translatorskie mogą niekiedy przynosić akceptowalne odpowiedniki nawet w postaci kalk.

\* \* \*

1. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. М. : Р. Валент, 2007. 244 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение : учебное пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб. : СПбГУ ; М. : Академия, 2004. 352 с.
3. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. 2-е изд., перераб. М. : КДУ, 2004. 240 с.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода : учебник. 2-е изд. М. : МГУ, 2007. 544 с.
5. Chlebda W. Słownikowy opis zwrotu cyfrowego. Podejście pierwsze // Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / pod red. W. Chlebdy. Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2019. S. 9–28.
6. Kusal K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. 190 s.
7. Szalek M. Słownik homonimów rosyjsko-polskich. Poznań : Ars Nova, 2004.
8. Wijas A. Polsko-rosyjski słownik fałszywych przyjaciół tłumacza z indeksem rosyjsko-polskim z uwzględnieniem potocznych, pospolitych, slangowych wulgarnych znaczeń wyrazów. Kraków, 2014. 151 s.
9. Janikowski P., Krzywda J. Fałszywi przyjaciele od lat (próba systematyzacji badań) // Historyczne oblicza przekładu / pod. red. P. Fasta, A. Car, W. Osadnika. Katowice : Śląsk, 2011. S. 115–135.
10. Karolak S. Słownik frazeologiczny rosyjsko-polski. Warszawa : Wydawnictwo Energeia, 1998.
11. Daszczyńska I. Rosyjsko-polskie pozorne ekwiwalenty frazeologiczne. Słupsk : Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1987. S. 241.
12. Daszczyńska I., Iwaszko L. Rosyjska i polska frazeologia marynistyczna ze słownikiem. Słupsk : Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1992. S. 337.
13. Кусаль К.Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия. СПб. : СПбГУ, 2006. 187 с.

14. Кусаль К. Русско-польские семантические сближения в сфере субстандартной фразеологии // *Anuari de filologia. Llengües i literatures modernes*. 2012. № 2. С. 37–43.
15. Gasek В. Лексико-семантическая интерференция в процессе перевода (на материале русского и польского языков). Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2012. 201 с.
16. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель : АСТ, 2008. 828 с.
17. Drużyłowska D., Walczak J. Ну, ладно! Minimum leksykalne dla poziomu średnio zaawansowanego. Kraków : Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2017. 293 s.
18. Хожателева Ю., Павлов С. В организме Андрея Панина обнаружили 3,2 промилле алкоголя // *Комсомольская правда*. 2013.03.25 // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.05.2019).
19. Wikisłownik. URL: [https://pl.wiktionary.org/wiki/przyjąć\\_na\\_klatę](https://pl.wiktionary.org/wiki/przyjąć_na_klatę) (дата обращения: 05.05.2019).
20. Maleńczuk do Rigamonti: Śmierć cenię bardziej niż życie. Nienawidzę tego, że jestem alkoholikiem. URL: <https://wiadomosci.dziennik.pl/opinie/artykuly/585039,malenczuk-muzyka-alkohol-alkoholizm-polityka-wojna-zycie-smierc-podsiadlo-zalewski-cortez.html> 12.11.2018 (дата обращения: 05.05.2019).
21. Жуков А.В., Жукова М.Е. Словарь современной русской фразеологии. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 416 с.
22. Rosati i Adamczyk byli o włos od śmierci? Ten wypadek mógł zakończyć się dramatycznie. URL: <https://rozrywka.dziennik.pl/plotki/artykuly/438176,nowe-fakty-na-temat-wypadku-weroniki-rosati-i-piotra-adamczyka.html> (дата обращения: 05.05.2019).
23. Wikisłownik. URL: [https://pl.wiktionary.org/wiki/nie\\_wyrabiać\\_się\\_na\\_zakrętach](https://pl.wiktionary.org/wiki/nie_wyrabiać_się_na_zakrętach) (дата обращения: 05.05.2019).
24. Trwalej już nie robię, więc śpię spokojnie. URL: [http://gazetapraca.pl/gazeta-praca/1,90440,7346308,Trwalej\\_juz\\_nie\\_robie\\_wiec\\_spie\\_spokojnie.html](http://gazetapraca.pl/gazeta-praca/1,90440,7346308,Trwalej_juz_nie_robie_wiec_spie_spokojnie.html) (дата обращения: 05.05.2019).
25. Wielki słownik języka polskiego / pod red. P. Źmigrodzkiego. URL: [https://www.wsjp.pl/index.php?id\\_hasla=4514&id\\_znaczenia=5225899&l=17&ind=0](https://www.wsjp.pl/index.php?id_hasla=4514&id_znaczenia=5225899&l=17&ind=0) (дата обращения: 05.05.2019).
26. Новейший большой толковый словарь русского языка. СПб. ; М. : Рипол-Норинт, 2008. 1536 с.
27. Тема недели // «Эксперт Северо-Запад», 2015 // Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.05.2019).
28. „Zbieracie doświadczenia, gdyby zachodnia Ukraina do Polski chciała?”. URL: <https://wiadomosci.dziennik.pl/swiat/artykuly/546737,krym-rosja-ukraina-sankcje-mieszkanicy-fsb.html> (дата обращения: 05.05.2019).
29. Лебедев В.К. Застегнутый на все пуговицы // XLI Международная филологическая конференция. Вып. 24: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 26–30 марта 2012 г., Санкт-Петербург / отв. ред. Н.А. Любимова. СПб. : СПбГУ, 2013. С. 22–26.
30. Prus В. Dzieci. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Dzieci\\_\(Prus\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Dzieci_(Prus)) (дата обращения: 05.05.2019).
31. Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: [http://nkjp.uni.lodz.pl/ParagraphMetadata?pid=1286e84497471d4ec85f38094b17f2cd&match\\_start=234&match\\_end=261&wynik=1#the\\_match](http://nkjp.uni.lodz.pl/ParagraphMetadata?pid=1286e84497471d4ec85f38094b17f2cd&match_start=234&match_end=261&wynik=1#the_match) (дата обращения: 06.05.2019).
32. Белкина Е. Экспобанк займется консультациями // РБК Дейли. 24.05.2013. Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=4946686> (дата обращения: 06.05.2019).
33. Фадеева А., Шестернина Е. Китайским инвесторам показали путь в энергетику России // РБК Дейли. 2013.04.29. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/18847242-kitayskim-investoram-pokazali-put-v-energetiku-rossii/> (дата обращения: 06.05.2019).

## К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ON THE SLAVIC WRITING SPREAD

© 2019

Т.П. Лунина

T.P. Lunina

В статье рассматривается ранний период распространения славянской письменности. Славянская письменность, созданная великими просветителями Кириллом и Мефодием, оказалась доступной практически всем славянским народам. Дело Кирилла и Мефодия продолжили их последователи и ученики, которые сыграли важную роль в распространении письменности. Неоценима деятельность таких известных учеников солунских братьев, как Климент Охридский, Наум Охридский, Константин Преславский, Григорий Мних. В X веке славянская письменность появляется в Чехии, Болгарии, Сербии, Древней Руси и других странах. Кирилло-Мефодиевская традиция была очень популярна среди славянских народов. В Македонии были созданы рукописи, ее отражающие, – результат трудов Охридской школы. Большое влияние на распространение славянской письменности и созданной на ней древнеславянской литературы оказала Болгария. Здесь появляется Преславская книжная школа, делаются копии с оригиналов богослужебных книг Кирилла и Мефодия, переводятся книги с греческого языка на славянский. Важную роль в распространении славянской письменной традиции сыграла также сербская церковь. С конца X века кириллица была принята на Руси. Принятие христианства способствовало развитию на Руси просвещения, созданию древнейших литературных памятников. В это время утвердилась система письменности, которая основывалась на едином алфавите, что положительно сказалось на формировании славянской культуры. В результате плодотворной деятельности просветительских школ, созданных под руководством учеников великих солунских братьев, среди славян заметно расширился круг образованных людей.

**Ключевые слова:** великие просветители; просветительская деятельность; славянская письменность; алфавит; кириллица; глаголица; последователи; христианство; богослужебные книги; книжная традиция; рукопись; гимнография; старославянский язык.

The article considers the early period of the Slavic writing. The Slavic alphabet, created by the great enlighteners Cyril and Methodius, was available to almost the entire Slavic population. The work of Cyril and Methodius was continued by their followers and disciples, who played an important role in the further spread of writing in other countries. The activity of such well-known disciples of the brothers from Thessaloniki, as Clement of Ohrid, Naum of Ohrid, Constantine of Preslav, Gregory Mnich is considerable. In the tenth century Slavic writing came to the Czech Republic, Bulgaria, Serbia, Ancient Russia and other countries. Cyril and Methodius' alphabet was very popular with the Slavic peoples. In Macedonia, manuscripts based on it were created. This is the so-called Ohrid school. Bulgaria had a great influence on the spread of Slavic writing and the ancient Slavic literature based on it. Here the Preslav Book school appeared, the originals of the liturgical books of Cyril and Methodius were rewritten, the books were translated from Greek into Slavic. The Serbian Church also played an important role in spreading the Slavic written tradition. At the end of the tenth century the Cyrillic alphabet was adopted in Russia. The adoption of Christianity enhanced the development of education in Russia, resulted in ancient literary works. At this time, the system of writing was established, which was based on a single alphabet, which had a positive impact on the formation of Slavic culture. As a result of the fruitful activities of educational schools established under the guidance of students of the great brothers of Solun, the number of educated Slavs increased.

**Keywords:** great educators; educational activities; Slavic writing; alphabet; Cyrillic; Glagolitic; followers; Christianity; liturgical books; book tradition; manuscript; hymnography; the Old Slavic language.

Роль великих просветителей Кирилла и Мефодия в развитии культуры древних славян огромна. Они создали славянскую письменность на основе собственного алфавита, благодаря им появилось письмо, что позволило верно излагать исторические события, составлять документы. Братья перевели на славянский язык всю необходимую церковную каноническую и литургическую

литературу. Рубеж IX–X веков – начало триумфального шествия созданной Кириллом и Мефодием письменности по всем славянским странам. Изучением возникновения и распространения славянской письменности на протяжении долгого времени занимались и занимаются различные исследователи: В.А. Истрин [1], Г.А. Хабургаев [2], Т.И. Белозерова [3], Е.М. Стригин [4], П.М. Кралюк,

А.И. Смирнов [5], Т.В. Рождественская [6]. По многим вопросам существуют общепринятые в лингвистике позиции, но некоторые до сих пор остаются спорными.

Наиболее обсуждаемым является вопрос о происхождении азбуки. Существуют различные точки зрения относительно истории создания и времени возникновения разных систем письма.

Традиционно принято считать, что до IX века славяне не имели письменности. Однако существует «альтернативное» мнение о том, что славянская азбука возникла очень давно и является прототипом других систем письменности систем [7]. Некоторые факты свидетельствуют о существовании в дохристианскую эпоху славянского письма [8].

В IX веке почти в одно и то же время у славян возникли две азбуки: глаголица и кириллица. Первоначально они были очень похожи между собой [9]. На протяжении веков азбуки претерпели значительные изменения: стал другим их буквенный состав, появилось иное написание и звуковое значение некоторых букв, изменились названия букв.

На раннем этапе развития славянской письменности глаголица и кириллица использовались параллельно [10]. Глаголица как книжное письмо просуществовала вплоть до XII века. На ней написаны «Зографское Евангелие», «Ассемантиево Евангелие», «Мариинское Евангелие», а также «Синайская Псалтырь». На утверждение кириллицы и прекращение активного применения глаголического письма в создании книг указывает часть Синайского сборника [11].

М.А. Селищев, П.И. Шафарик, К.М. Щепкин, П.И. Ягич и другие исследователи полагали, что более древним письмом являлась глаголица, созданная Кириллом [12]. Но она оказалась не очень удобной для славян. Кириллическое же письмо появилось в Болгарии как результат ассимиляции уже существовавшего на этой территории греческого письма – византийского торжественного письма (унциала) и некоторых элементов глаголической азбуки, передававших отдельные особенности языка славян. Примечательно, что названия букв

в азбуке славян (кроме «кси», «пси» и «фиты») отличаются от греческих.

Существуют исследователи, полагающие, что кириллицу создал один из учеников Кирилла – Климент Охридский, назвав её в честь великого просветителя Кирилла; по другой версии, кириллица появилась благодаря Константину Болгарскому [13–14]. Весьма интересна позиция, согласно которой автором кириллицы является Кирилл, который создал это письмо подобно греческому мистическому, сакральному алфавиту, тогда как в основе глаголицы лежит латинская несакральность [15].

Однако при всём многообразии взглядов, учёные едины во мнении, что создателями славянской письменности являются Кирилл и Мефодий. Славянское письмо было создано специально для записи основ христианского вероучения [16]. Великие просветители заложили основы течения в христианстве, которое принято называть «Кирилло-Мефодиевская традиция». Их учение основывалось на признании христианства идеальной формой единой веры. Кирилл и Мефодий пытались примирить между собой различные христианские общности, прежде всего на уровне богослужения.

Дело солунских братьев продолжили их последователи и ученики, которые сыграли неоценимую роль в распространении письменности в других странах. В X веке славянская письменность появляется в Чехии, Болгарии, Сербии, Древней Руси.

Великая Моравия стала первой страной, в которой в IX веке были заложены основы славянской письменной традиции. После смерти Мефодия всех сторонников великих просветителей изгнали из Моравии, а работы Кирилла и Мефодия уничтожили. Ученики Мефодия вынуждены были отправиться в Хорватию, в Болгарию и Македонию, чтобы продолжить дело солунских братьев.

Кирилло-Мефодиевская традиция была очень популярна среди славянских народов. В Македонии были созданы рукописи, ее отражающие. Охридская книжная школа была основана учеником Кирилла и Мефодия Климентом Охридским. Этот последователь

великих просветителей проповедовал христианские заповеди. Его работы имели поучительный и похвальный характер [15, с. 18]. Поучительные «слова» Климента представляют собой небольшие произведения, написанные доступным языком. В них нет сюжетов, связанных с толкованием тайного смысла библейских текстов или догматов христианства. Многие из них можно считать идеальными проповедями, приуроченными к определённым церковным праздникам. Чтобы данные тексты были ясными и доступными пастве, Климент при их создании несколько ограничивал свои творческие способности. Создавая гимнографические тексты, он руководствовался одним правилом – «стремился облегчить простым священникам исполнение их обязанностей» [15, с. 20]. Климент Охридский и Константин Преславский положили основы славянской гимнографии. На рубеже IX–X веков Климент «пополнил азбуку своего учителя несколькими недостающими буквами» [1, с. 157].

Из последователей Кирилла и Мефодия особую роль в распространении славянской письменности сыграл Феофилакт. Он преподавал в патриаршей школе, первым получил статус магистра риторов. Феофилакт написал объяснение к Новому Завету и к части книг Ветхого Завета. Среди его работ следует выделить полемический трактат «В чём обвиняются латиняне?». В работах Феофилакта Кирилл и Мефодий показаны как представители культурной сферы Византии, которые действовали в среде варваров. Они прекрасно владели греческим языком, Кирилл хорошо знал и языческую, и христианскую литературу. Следовательно, и «сама славянская письменность оказывалась даром византийского мира болгарскому народу» [15, с. 56]. Перу Феофилакта принадлежат стихотворения, речи, письма и агиографическое сочинение «Пространное Житие Климента Охридского». В нём Климент предстаёт человеком, выполняющим важную миссию, болгарским епископом, занимавшимся просветительской деятельностью в окрестностях Охридского озера. Феофилакт замечал, что праздничные «слова» Климента необычайно просты, ясны и доступны. Традиция развития славянской

письменности, заложенная в деятельности Климента Охридского, сохранилась в среде греческого духовенства, имеющего отношение к Охридской кафедре.

Важную роль в распространении славянской письменности и древнеславянской литературы сыграла Болгария. Здесь появляется Преславская книжная школа, переписываются богослужебные книги Кирилла и Мефодия, переводятся книги с греческого языка на славянский. При царе Симеоне, который ввел в церкви богослужение на славянском языке, отстранил греческих священников, то есть способствовал развитию книжности славян, Болгария достигла наибольшего политического могущества и культурного расцвета. Ученики, последователи и преемники Кирилла и Мефодия – Климент Охридский, Наум Охридский, Константин Преславский, Григорий Мних и другие – продолжали дело выдающихся деятелей христианского просвещения: переводили произведения и создавали оригинальные, составляли сборники, занимались обучением. В Болгарии жил и черноризец Храбр, который создал произведение «О письменах», повествующее о начале славянской письменности, в котором обозначаются основные этапы развития письма.

Болгария стала центром распространения славянской письменности. Значение этого периода огромно, поскольку это время зарождения древнеболгарской литературы. При преемнике Симеона Петре просветительская деятельность ослабевает. В то же время угасает процесс формирования славянской литературы как славяноязычного подобия византийской церковной литературы.

Великая деятельность учеников Кирилла и Мефодия и их последователей охватила все виды богослужебных книг (Триоди, Требник, Октих), что находит подтверждение в памятниках древнейшей славянской гимнографии. С точки зрения распространения славянской письменности несомненную ценность представляют созданные в Болгарии тексты историко-эсхатологической направленности. Важным произведением становится «Болгарская апокрифическая летопись», которая была написана в XI веке. Эсхатоло-

гические настроения появились в произведениях болгарских книжников в связи с участвовавшими набегами кочевников из-за Дуная, что способствовало распространению среди образованных славян элементов богомильского учения. На рубеже XII–XIII веков как определённая реакция на обострение военно-политических настроений появляются эсхатологические сочинения и новые переводы апокрифов с греческого.

В X–XIII веках распространение славянской письменности происходило достаточно сложно. С течением времени менялись и условия развития книжности славян. Известно, что от эпохи Кирилла и Мефодия до нашего времени не дошло ни одной рукописи. Произведения, созданные учениками великих просветителей и сохранившиеся в списках, связанных с Охридской и Преславской книжными традициями, представляют собой литургические книги, богослужебные тексты, памятники агиографии. Постепенное перемещение славянского языка из области богослужения в сферу культуры активизировало деятельность славянских книжников в плане создания и редактирования памятников, которые подчёркивают святость и богоизбранность болгарского языка и славянской письменности.

Следует отметить, что Климент Охридский и Наум Охридский вели активную деятельность по распространению письменности, однако различные источники XI–XIII веков сохранили мало указаний на нее. Имя Климента упоминается в месяцесловах, создаётся «Краткое житие Климента». В XIII веке среди южных славян благодаря русскому монашеству был весьма известен «Пролог» Константина Мокисийского, но жития Климента и Наума не были включены в этот сборник. Изменений не произошло и в XIV веке, когда «Пролог» Константина Мокисийского был заменён метрическим. Бесспорно, значение Климента и Наума в распространении славянской письменности трудно переоценить. В результате плодотворной деятельности просветительских школ, созданных под их руководством в Охриде и Преславле, существенно расширился круг образованных людей.

Высокая духовная культура проникала также и в соседние славянские страны. Помимо болгарской особое внимание следует уделить сербской письменности. Своё начало обе они берут в Охридской школе X–XI веков, но по сути своей очень разнятся. Сербская книжная традиция была нацелена на сохранение и воспроизведение древнейших книг, а болгарские тексты не указывают на время, место и обстоятельства создания оригиналов. Более бережное, чем в Болгарии, отношение к памятникам древнейшей славянской письменности в Сербии объясняется многими причинами. Прежде всего этому поспособствовала сравнительно благоприятная политическая обстановка Сербии. Иерусалимский богослужебный устав начал вводиться в сербской церковной практике в начале XII века, что сказалось на сборниках уставных чтений. Постепенно сербская церковь стала играть важную роль в распространении славянской письменной традиции практически на всей территории Охридской архиепископии. В конце XIV века в Сербии формируется летописный жанр. Увеличение территории Сербии оказало значительное влияние на возрождение славянской культуры в Македонии.

С принятием христианства в Киевской Руси постепенно туда переместился центр славянской письменности и культуры. Кириллица была принята на Руси с конца X века. Появилась единая система письменности, что способствовало значительному развитию славянской культуры. Благодаря деятельности великих просветителей и их последователей появились славянские тексты, знакомившие население с азами христианства, нормами христианского мира, способствующие его просвещению [17]. На старославянский язык была переведена необходимая духовная литература. Это явилось непосредственным импульсом для дальнейшего распространения христианства на Руси. Уже в XI веке появляются летописи, которые представляют собой историческое повествование, а также оригинальные произведения. Берестяные грамоты свидетельствуют о широком распространении грамотности. В развитии просвещения на Руси, создании древней-



ших литературных ценностей роль христианства несомненна [18, с. 14].

Таким образом, в возникновении и распространении славянской письменности огромно значение деятельности великих просветителей Кирилла и Мефодия и не менее важна роль их учеников и последователей.

Относительно двух славянских азбук до сих пор ведутся споры. При всем многообразии мнений исследователей, мы придерживаемся традиционной точки зрения: более древняя азбука – глаголица, созданная Кириллом, тогда как кириллическая азбука появилась на основе глаголицы и греческого уставного письма. Создателем кириллицы

является Климент Охридский. Поскольку кириллица стала удобной формой письма, она постепенно вытеснила глаголицу. После официального принятия славянскими странами христианства упорядоченная, графически простая кириллица стала орудием государственного религиозного культа [19]. Она получает широкое распространение и становится основой современной графики.

Распространение славянской письменности – процесс сложный и длительный, который смело можно считать «становлением и образованием славянского языка ... преобразованием самой стихии славянской мысли и самой души народа» [20, с. 10].

\* \* \*

1. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М. : Наука, 1988. 192 с.
2. Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М. : МГУ, 1994. 184 с.
3. Белозерова Т.И. Азбука от аза до ижицы: буквицы заставные. Омск : [б.и.], 2013. 108 с.
4. Стригин Е.М. Азбука для славян // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2016. № 22. URL: <https://readera.ru/14334024> (дата обращения: 01.05.2018).
5. Кралюк П.М., Смирнов А.И. Роль святых Кирилла и Мефодия в становлении православно-славянской культуры // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 107–112.
6. Рождественская Т.В. Кириллица и начало письменности на Руси (по данным эпиграфики) // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. С. 186–190.
7. Чудинов В.А. Загадки славянской письменности. М. : Вече, 2002. 526 с.
8. Булавкин К.В. Роль святых Кирилла и Мефодия в становлении славянской письменности // Вестник Московского гос. обл. гуманитарного института. 2015. Т. 1, № 1. С. 5–11.
9. Дурново Н.Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка // Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 566–612.
10. Копылов А.Н. Кирилл и Мефодий // Современные гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 14–21.
11. Верещагин Е.М. Новонайденная часть древнейшей славянской («синайской») Псалтири: лексикологические наблюдения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 187–211.
12. Скобелкин О.В. Русская палеография. Воронеж : ВГУ, 2005. 40 с.
13. Папина А.Ф. Происхождение славянской письменности. 2-е изд., испр. М. : УРСС, 2004. 204 с.
14. Турилов А.А. От Константина Философа до Константина Костенецкого и Василия Софийянина. М. : Индрик, 2011. 448 с.
15. Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб. : Алетейя, 2000. 314 с.
16. Гиппиус А.А. Кирилло-Мефодиевская традиция на Руси и берестяные грамоты // Славянский альманах. М. : Индрик, 2010. С. 10–31.
17. Ремнева М.Л. Старославянский язык. М. : Академический проект, 2004. 352 с.
18. Седов В.В. Восточнославянская этноязыковая общность // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 3–16.
19. Щеулин В.В. Письмо в жизни народов // Великие просветители Кирилл и Мефодий в истории славянской и русской культуры : сборник статей. Липецк : ЛГПУ, 2003. С. 3–19.
20. Бем А.Л. Церковь и русский литературный язык. Брюссель : Жизнь с Богом, 1988. 84 с.

**СОВРЕМЕННЫЕ ФАМИЛИИ  
ПОЛЬСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ,  
ОБРАЗОВАННЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИМ СПОСОБОМ  
ОТ ХРИСТИАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН**

**MODERN SURNAMEN AS SEMANTIC DERIVATIONS  
OF FORENAMES OF CHRISTIAN ORIGIN  
IN THE AREA OF POLISH AND EASTERN SLAVIC BORDERLAND**

© 2019

М. Мордань

M. Mordan

Настоящая статья посвящается влиянию христианского наследия на современную антропонимическую систему польско-восточнославянского пограничья. Внимание сосредотачивается на фамилиях, образованных семантическим способом от полных форм личных имен – официальных (*Chariton, Daniel, Firs, Gierman, Kondrat, Roch*) и разговорных (*Anchim, Dzienis, Egierd, Gmiter, Kuźma, Marchel; Daniło, Mateja*), а также от их производных, возникших в ходе усечения словообразовательной основы (*Filim, Fronc, Hnat, Kudin, Owsiej, Siegień*). Исследуемый материал показывает, что решающим фактором, обуславливающим наличие на этой территории различных вариантов личных имен (а впоследствии – фамилий, образованных от них) является взаимовлияние многих культур, среди которых главное место принадлежит польской и восточнославянской. Не менее важным для местной антропонимической системы является сосуществование на данной территории двух значимых христианских вероисповеданий – православия и католицизма. Заметное большинство личных имен – это антропонимы, общие для Восточной и Западной церквей, различающиеся только языковой формой, что отражено в корпусе рассматриваемых фамильных единиц. Однако в материале присутствуют также фамилии от христианских имен, типичных только для католиков (см. напр. фамилии *Arnold, Gocał, Roch*) или для православного населения (напр. *Charyton, Chursa, Siegień*).

**Ключевые слова:** антропонимика; фамилии; личные имена; отыменные фамилии; трансонимизация; христианские имена; польско-восточнославянское пограничье; польский язык; семантическая деривация; восточнославянские языки; производные варианты личных имен.

The paper presents the influence of Christian heritage on the contemporary anthroponymic system used in the Polish and Eastern Slavic borderland. The analysis deals with the surnames that appeared as a result of the semantic way of derivation from basic forms of forenames, including formal variants of forenames (*Chariton, Daniel, Firs, Gierman, Kondrat, Roch*), informal forenames (*Anchim, Dzienis, Egierd, Gmiter, Kuźma, Marchel; Daniło, Mateja*), and derivative forenames created through the stem shortening (*Filim, Fronc, Hnat, Kudin, Owsiej, Siegień*). The author found out that the variety of forename variants (and consequently surnames derived from them) stems from the mutual influence of many cultures, mainly Polish and East-Slavic traditions. No less important, in the context of the local anthroponymic system, is the coexistence of two prominent Christian denominations – Orthodoxy and Roman Catholicism – in the area under consideration. The vast majority of forenames are anthroponyms used both in the Orthodox Church and Roman Catholic Church, different only in terms of their linguistic form, which is reflected in the multitude of analysed surnames. Nevertheless, the analysed material also includes surnames derived from Christian forenames that are used exclusively by Roman Catholics (cf. e.g. surnames *Arnold, Gocał, Roch*) or surnames specific for Orthodox people (e.g. *Charyton, Chursa, Siegień*).

**Keywords:** anthroponymy; surnames; forenames; surnames derived from forenames; transonymisation; Christian forenames; Polish and Eastern Slavic borderland; the Polish language; semantic derivation; East Slavic languages; derivative variants of forenames.

Образование антропонимических систем народов и этнических групп, населяющих определенные географические районы, обусловлено многими факторами, среди которых наиболее важными являются культурно-религиозные и языковые [1, с. 14].

Польско-восточнославянское пограничье, подобно другим контактирующим территориям, – это регион, в полной мере сохраняющий черты индивидуальности, языкового и национального своеобразия [2, с. 25]. С самого начала эти земли заселяли как восточные, так и западные славяне. Проживали

здесь также литовцы и потомки ятвягов, немцы, татары и евреи [3, с. 14–27]. Северо-восточная часть современной Польши в отдельные исторические периоды принадлежала разным государствам: Великому княжеству Литовскому (XIV–XVI века), Королевству Польскому (с 1569 года), Пруссии (1795–1807), Российской империи (1807–1919). Из двух вышеуказанных факторов вытекало языковое разнообразие. Основным языком канцелярии Великого княжества Литовского был западнорусский (старобелорусский), но кроме него широко употреблялись польский и литовский языки. С течением времени старобелорусский язык стал вытесняться польским. Позже, в отдельных административно-политических условиях, употреблялись немецкий, а затем русский языки. В повседневную речь на протяжении столетий проникали также элементы богослужебных языков – церковнославянского и латыни.

Местная антропонимическая система является результатом непосредственного соседства и взаимовлияния различных языков, но в первую очередь – польского и восточнославянских [4, с. 14]. Остаются также последствия столкновения двух христианских культурно-религиозных традиций: православной – с византийским наследием, и римско-католической – с латинским [5, с. 24].

В последние десятилетия заметен интерес специалистов по ономастике к теме антропонимики польско-белорусского (или, в более широком аспекте, польско-восточнославянского) пограничья. Больше внимания уделяется историческим антропонимическим системам этой территории (см., например, труды З. Абрамович [6 ; 7], Л. Цитко [5 ; 8], Л. Дацевич [9 ; 10], Э. Богданович [11], П. Злотковского [12], Б. Тихонюка [1]). Современным фамилиям посвящены работы М. Саевича [13], М. Кондратюка [14], Б. Тихонюка [15] и др. Гораздо реже рассматривается вопрос влияния на репертуар ныне употребляемых фамилий христианского наследия (в данном случае – христианских личных имен).

В настоящей статье обратим внимание на фамилии, образованные семантическим способом от личных имен христианского происхождения. Рассмотрим фамилии от полных форм имен, а также от их производных, возникших путем усечения основы.

Возникновение отыменных фамилий происходило путем переноса полных или сокращенных форм имен; изменение функции могло сопровождаться словообразовательной деривацией [16, с. 101]. Здесь следует отметить, что именно фамилии, тождественные суффиксальным дериватам (типа Chomko, Onuszek, Walaszek, Jarmoc, Gryć, Arciuch, Matys, Dorosz, Grześ, Aksiuta и др.) образуют самую большую группу среди антропонимов, не имеющих морфологических фамилиеобразующих показателей. В связи с разнообразием моделей и большим количеством форм они заслуживают отдельного обсуждения.

Перенос имени в категорию фамилий мог быть вызван различными факторами. Чаще всего фамилией становилось имя, в максимальной степени обеспечивающее идентификацию человека в окружающей среде. Элементом, подвергающимся трансформации, могло быть не только крестное имя его носителя. К примеру, если в данной местности был только один хозяин, носивший имя Григорий, то его детей также именовали этим именем, хотя окрещены они были другими именами. Закрепление в общественном сознании определенного имени было также связано с социальным престижем носителя, с признанием его другими членами данной общины. Высокое положение человека способствовало росту популярности его имени. По мнению исследователей, переход личных имен в группу фамилий был также обусловлен правовыми факторами, заключавшимися в записи в метрических актах имени отца рядом с именем ребенка [17, с. 30 ; 18, с. 52–53 ; 19, с. 133]. Таким образом могла сложиться двухкомпонентная антропонимическая модель (например, *Андрей Григорий*), в которой имя отца рассматривалось как бессуффиксное патронимическое образование [20, с. 78–79, 87].

Фамильные единицы, исследуемые в данной статье, почерпнуты из Белостокского телефонного справочника 2006 года [21]. Он включает фамилии современных жителей трех городов польско-восточнославянского пограничья: Бельска-Подляшского (Bielsk Podlaski), Гайновки (Hajnówka) и Семятич (Siemiatycze).

I. Фамилии, образованные от полных форм христианских имен.

Как известно, большинство христианских имен свойственно как восточной, так и западной традициям. Это касается главным образом библейских имен и имен святых древнехристианского периода (до V века), которые восходят к именам святых эпохи до раскола христианства, почитаемым верующими обеих Церквей. Пути их заимствования польским и восточнославянскими языками были разными, что в итоге привело к установлению различных языковых вариантов, напр. *Eugeniusz* – *Евгений*, *Tomasz* – *Тома* и т.д. [5, с. 26]. Имена общехристианских святых (семитского, греческого, латинского происхождения) попадали на славянские земли в различном виде в зависимости от присутствующих на данной территории вероисповеданий (византийского или латинского) и богослужебных языков. Приведенные ниже примеры подтверждают сказанное.

1. Фамилии, образованные семантическим способом от полных официальных форм христианских имен.

Набор фамилий, равных полным официальным формам христианских имен, составляют антропонимы как в польской, так и в восточнославянской языковых версиях: *Arnold* < герм. *Arnold* МИ 187; *Bogdan* < слав. *Bogdan* / *Богдан* МС 65, ПИ 63; *Chariton* < церк. *Харитон* ПИ 95; *Daniel* < польск. *Daniel* МИ 206; *Dawid* < польск. *Dawid*, церк. *Давид* МИ 207, ПИ 67; *Firs* < церк. *Фирс* ПИ 97; *Frydrych* < герм. *Frydrych* МИ 219; *Gawel* < польск. *Gawel* МИ 221; *Gierman* < церк. *Герман* ПИ 66; *Hawel* < др.-чешск. *Havel* МИ 221; *Jonasz* < польск. *Jonasz* МИ 225; *Karp* < церк. *Карп* ПИ 76; возм. и от ап. польск. *karp*, рус. *кап*

‘зоол. *Cyprinus carpio*’; *Kondrat* < церк. *Кондрат* ПК 157; *Lucjan* < польск. *Lucjan* МИ 272; *Marzjan* < польск. *Marz(y)jan* МИ 281, СБ I 230; *Roch* < герм. *Roch* МИ 318; *Serafin* < польск. *Serafin* МИ 322; *Seweryn* < польск. *Seweryn* БИ 278; *Urban* < польск. *Urban* МИ 336; *Walerian* < польск. *Walerian*, церк. *Валериан* МИ 338, ПИ 63.

От польских имен образовались фамилии *Daniel*, *Gawel*, *Jonasz*, *Lucjan*, *Marzjan*, *Serafin*, *Seweryn*, *Urban*. Менее продуктивными оказались фамилии, равные именам церковного обихода: *Chariton*, *Firs*, *Gierman*, *Karp*, *Kondrat*. Эти последние характерны для православного календаря, а их польские эквиваленты в западной традиции встречаются исключительно редко. Фамилии *Dawid*, *Walerian* равны именам, одинаково звучащим в обоих языковых вариантах и различающимся только ударением.

Имена, мотивирующие вышеуказанные фамилии, с генетической точки зрения являются в основном еврейскими и греко-латинскими. В исследуемом материале обнаружены также фамилии от имен древневерхне-немецкого происхождения (*Arnold*, *Frydrych*, *Roch*), присутствующих в литургическом календаре благодаря святым эпохи Средневековья. На славянской почве эти имена употребляются в Римско-католической церкви, а в православных святцах отсутствуют.

В рассматриваемой группе есть одна фамилия, образованная семантическим способом от двусоставного славянского имени *Bogdan*. Данное имя зафиксировано в богослужебных календарях Православной и Римско-католической церковью, хотя ни святых, ни даже блаженных с таким именем не встречено. Х. Фрос и Ф. Сова [22, с. 104–105] пишут только о выдающихся сербских и хорватских епископах, носивших это имя. Некоторые исследователи указывают на семантическое тождество имени *Богдан* с именами *Адеодат* или *Феодор* [23, с. 471]. В «Православном календаре» [24, с. 179] имя *Богдан* отмечается в скобках рядом с именем *Феодот* в качестве его семантической кальки. В «Словаре русских

личных имен» оно определяется как перевод греч. им. *Феодор* или *Феодот* [25, с. 75]. Имя *Богдан* зафиксировано также в «Списке православных имен» [26, с. 63].

2. Фамилии, образованные семантическим способом от полных неофициальных форм христианских имен.

На усвоение христианских имен, попадавших на славянские земли, влияли религиозные факторы. В церковных (официальных) вариантах эти имена присутствуют в богослужебных книгах, творениях отцов Церкви, житиях святых и т.д. и, следовательно, в такой форме они должны даваться при крещении. Однако имена, пришедшие вместе с христианством, вошли и в живую речь народов. Заимствованные из других языков, они на славянской земле были лишены семантической ценности, воспринимались местными жителями как непонятные сочетания звуков, часто даже сложные в произношении. По этой причине они подвергались многочисленным языковым изменениям [1, с. 14]. Формы личных имен, возникшие на исследуемой территории, были обусловлены языком, на территории распространения которого происходил процесс приспособления антропонимов христианского происхождения. С одной стороны, появлялись формы имен, свойственные польскому языку, с другой – имена с восточнославянскими языковыми чертами [5, с. 26]. В таких именно условиях сформировались формы личных имен, определяемые как полные неофициальные (разговорные).

На польско-восточнославянском пограничье они появились в качестве основ следующих фамилий: *Anchim* < вост.-сл. *Anchim* < церк. *Анфим* СБ I 16, ТИ 70, КУ 105; *Bartold* < (полониз.) *Bartold* < герм. *Bartolt*, *Berthold*, *Barthold* МИ 195; *Biernat* < (полониз.) *Biernat* < герм. *Bernard* МИ 199; *Chadaj* < вост.-сл. *Chadaj* < церк. *Фаддеи* МИ 329, УС 199; *Charyton* < вост.-сл. *Charyton* < церк. *Харитон* ББ 171; *Chrol* < вост.-сл. *Chrol* < церк. *Флор* ПИ 94, ТИ 90; *Dzienis* < вост.-сл. *Dzienis* < церк. *Дионисий* ББ 62; *Egiert* < (полониз.) *Egiert* < герм. *Egbert*, *Ekbert* МИ 211; *Egiert* < (полониз.)

*Egiert* < герм. *Egbert*, *Ekbert* МИ 211; *Fal* < вост.-сл. *Fal* < церк. *Фал* ПИ 96, ТИ 78; возм. и от *Fal* < слав. *Chwalibog*, *Boguchwal* СБ I 89 или сокр. вариант от церк. *Фалалей* СБ I 89; *Gaj* < вост.-сл. *Gaj* < церк. *Гаий* ТИ 92; возм. и от польск. ап. *gaj* ‘роща, особенно дубовая’; *German* < вост.-сл. *German* < церк. *Герман* ТИ 92, СГ 329; *Gmiter* < вост.-сл. *Gmiter* < церк. *Димитрий* ББ 62; *Narasim* < вост.-сл. *Narasim* < церк. *Герасим* ТИ 92, КУ 107; *Krzysztoń* < польск. < *Krzystyn* СБ I 186, МИ 267; *Kuzma* < вост.-сл. *Kuzma* < церк. *Косма* ТИ 107; *Kuźma* < вост.-сл. *Kuźma* < церк. *Косма* СБ I 199, КУ 117; *Lempart* < (полониз.) *Lempart* < герм. *Lambert* МИ 268; *Łukjan* < вост.-сл. *Łukjan* < церк. *Лукиан* СГ 468; *Marchel* < польск. *Marchel* < *Marceli*, *Melchior* ТИ 114, 116; *Mojsiej* < вост.-сл. *Mojsiej* < церк. *Моисей* МИ 293, ТИ 118; *Nieścior* < вост.-сл. (полониз.) *Nieścior* < церк. *Нестор* СБ I 262, МИ 294-295; *Olichwier* < вост.-сл. *Olichwier* < церк. *Елевферий* ТИ 83, ББ 71, КУ 111; *Rozumnik* < вост.-сл. *Rozumnik* < церк. *Разумник* ПИ 88 (славянская семантическая калька церк. *Синезий*, *Синетос* (ПК 171, ПКМ 90); *Siemion* < вост.-сл. *Siemion* < церк. *Симеон* СБ II 93, ТИ 133; *Suproń* < вост.-сл. *Suproń* < церк. *Софроний* СБ II 120; *Zachaj* < вост.-сл. *Zachaj* < церк. *Захей* ТИ 143.

Основной корпус фамилий, возникших путем трансонимизации разговорных вариантов личных имен, составляют антропонимы в польской и восточнославянской языковых версиях. В отличие от предыдущей группы, в данном случае преобладают фамилии, равные восточнославянским формам имен.

Мотивирующие основы от исходных, церковных форм отличаются, главным образом, в сфере фонетики. В исследуемых антропонимах наблюдается:

– отверждение мягкого согласного (*Charyton* < церк. *Харитон*, *German* < церк. *Герман*),

– чередование  $\phi > x$  (*Anchim* < церк. *Анфим*, *Chrol* < церк. *Флор*) и  $\phi > n$  (*Suproń* < церк. *Софроний*),

- переход инициального *e* в *o* (*Olichwier* < церк. *Елевферий*),
- метатеза (*Chrol* < церк. *Флор*),
- палатализация *c* : *c'* (*Nieścior* < церк. *Нестор*),
- чередование *л* : *~л'* (т.е. польск. [l]) (*Chrol* < церк. *Флор*, *Fal* < церк. *Фал*),
- чередование гласных *o* : *y* (*Suproń* < церк. *Софроний*) и *a* : *o* (*Rozumnik* < церк. *Разумник*),
- появление *j* вместо гласного *i* перед согласным (*Lukjan* < церк. *Лукиан*, *Mojsiej* < церк. *Моисей*).

Переход согласных *m* в *ц'* в варианте *Nieścior*, а также *д* в *з'* в имени *Dzienis* могли быть вызваны как попыткой полонизации восточнославянских вариантов, так и воздействием так называемых *цеканья* и *дзеканья* – фонетических явлений, характерных для белорусского литературного языка и некоторых белорусских говоров на исследуемом пограничье.

В морфологическом плане преобразования заключаются чаще всего в исчезновении в мотивирующих именах «церковного» *-ий*: *Dzienis* < церк. *Дионисий*, *Gmiter* < церк. *Димитрий*, *Olichwier* < церк. *Елевферий*, *Suproń* < церк. *Софроний*. Восточнославянские формы личных имен, лишённые этой финали, считаются, согласно польской ономастической литературе, полными (не сокращёнными) вариантами [5, с. 27].

В группу фамилий, образованных от полных неофициальных форм личных имен, входят также антропонимы *Bartold*, *Biernat*, *Egierd*, *Egiert* и *Lempart*. Базами этих фамилий являются полонизированные версии германских имен *Berthold* / *Barthold*, *Bernard*, *Egbert* / *Ekbert* и *Lambert*. Святые с этими именами жили в Средневековье и значатся в списке Западной церкви.

3. Фамилии, образованные семантическим способом от полных форм христианских имен с измененной парадигмой.

В рассматриваемом материале присутствуют равные мужским именам фамилии, которые отличаются парадигмой от исходной формы. Варианты такого типа также считаются полными именами [5,

с. 32–33 ; 27, с. 85]: *Chursa* < вост.-сл. *Chursa* < церк. *Фурс* КУ 130; *Daniło* < вост.-сл. *Daniło* < церк. *Даниил* МИ 206, КУ 109; *Dziedzia* < вост.-сл. *Dziedzia* < церк. *Диомид*, церк. *Диодор*, церк. *Диодот* ТИ 80, ПИ 67; возм. и от \**Dziedź* < слав. *Dziadumił*, *Miłodziad* РС I 167 или польск. ап. *dziad* ‘дед’; *Kuryło* < вост.-сл. *Kuryło* < церк. *Курилл* ТИ 79, ББ 98; *Lipato* < вост.-сл. *Lipato* < церк. *Ипатий* ТБР 194; возм. и от рус. *Липат* < церк. *Алипий* ТЭ 248; *Masajło* < вост.-сл. *Masajło* < церк. *Мусаил* МИ 292; *Mateja* < польск. *Mateja* < *Maciej* МИ 275; *Taranta* < вост.-сл. *Taranta* < церк. *Терентий* ТИ 138, РС II 596; возм. и от рус. ап. *таранта* или польск. ап. *tarant* ‘чубарая собака или лошадь’; *Zasim* < вост.-сл. *Zasim* < церк. *Зосима* ББ 77.

Настоящая группа содержит фамилии, формально равные именам с окончанием *-a* (*Dziedzia*, *Mateja*, *Taranta*) и *-o* (*Daniło*, *Kuryło*, *Lipato*, *Masajło*). Наличие форм на *-a* можно объяснить аналогией с официальными церковными именами типа *Илия*, *Иона*, *Лука*, *Никита*, *Фома* и т.д., имена с окончанием *-o* появились, вероятно, по образцу славянских личных имен, образованных с помощью суффиксов *-ilo* / *-yło* (*Dobryło*) или *-ko* [5, с. 33].

Следует отметить, что фамилии, формально равные как официальным, так и разговорным формам личных имен, составляют небольшой процент всех отыменных фамилий. Данный факт обуславливается тем, что имена в полной форме в исторической антропонимической системе, т.е. до момента формирования фамилии как ономастической категории, употреблялись реже, чем их производные варианты.

II. Фамилии, образованные семантическим способом от производных форм христианских имен, возникших путем усе-  
чения основы.

Как отмечалось выше, на формирование комплексной системы христианских имен на славянских землях влиял не только религиозный фактор, но и различные культурные, общественные и языковые условия [1, с. 14, 41 ; 28, с. 333]. Сосуществование на

польско-восточнославянском пограничье нескольких этносов, смесь разных языков и наличие двух христианских вероисповеданий привели к возникновению многочисленных форм личных имен [29, с. 11]. К вышеуказанным причинам добавились и другие – связанные с повседневными отношениями между людьми в данной микросреде. Стремление к сохранению единообразной записи отдельных имен, присущее церковному обиходу, не распространялось на светское пространство, где создавались разнообразные варианты этих антропонимов. Причины этого – обеспечение идентифицирующей функции, а также влияние определенных семейных и соседских отношений, когда нередко возникновение данной производной формы имени обуславливалось мотивами эмоционального характера. Таким образом возникли производные от личных имен. Вместе с изменением функции антропонима менялась содержащаяся в нем эмоциональная оценка. Но если сокращенные варианты личных имен содержали эмоционально-оценочный элемент, то после их перехода в категорию фамилий эта окраска исчезала [18, с. 53–54 ; 19, с. 135].

Анализируемый материал показывает, что усечениям подвергались различные фрагменты основы исходного имени: *Filim* < вост.-сл. *Filim* < церк. *Филимон* ББ 167–168; *Fronc* < польск. *Fręc* < *Franciszek* МИ 219; *Gerez* < вост.-сл. *Gerez* < церк. *Герасим* ТИ 92; *Gnat* < вост.-сл. *Gnat* < церк. *Игнатий* СБ I 97; *Gocał* < *Goc(z)ał* < (полониз.) *Goczalek* < герм. *Gottschalk* МИ 227; *Hnat* < вост.-сл. *Hnat* < церк. *Игнатий* СБ I 97, КУ 113; *Klem* < польск. *Klem* < *Klemens* МИ 260; *Kord* < вост.-сл. *Kord* < церк. *Конкордий* ТИ 106; *Kos* < польск., вост.-сл. *Kos* < польск. *Kosma*, церк. *Косма* ТИ 107, польск. *Konstanty*, церк. *Константин* СБ I 174; возм. и от ап. *kos* ‘черный дрозд – зоол. *Turdus merula*’; *Kot* < польск., вост.-сл. *Kot* < *Konstanty*, церк. *Константин* ТИ 107; возм. и от ап. *kot* ‘кот – зоол. *Felis*’; *Kudin* < вост.-сл. *Kudin* < церк. *Акиндин* СБ I 190, КУ 103; *Kudoń* < вост.-сл. *Kudoń* < церк. *Акиндин* СБ I 190; *Kuś* < польск., вост.-сл.

*Kuś* < *Kosma*, церк. *Косма* ТИ 107; *Owsiej* < вост.-сл. *Owsiej* < церк. *Евсевий* ТИ 88; *Radź* < вост.-сл. *Radź* < церк. *Родион* СБ II 65, МИ 315; возм. и от *Radź* < слав. *Radosław*, *Radomir*, *Radogost*, *Radociech* МС 73; *Rost* < вост.-сл. *Rost* < церк. *Ераст*, церк. *Ростислав* ТИ 84, 127, МС 73; возм. и от *Rost* < слав. *Rościgniew* МС 73; *Sak* < вост.-сл. *Sak* < церк. *Исаак* ТИ 97, церк. *Исаакий* СБ II 82, КУ 115; *Siebień* < вост.-сл. *Siebień* < церк. *Евсигний* СБ II 90; *Świryd* < вост.-сл. *Świryd* < церк. *Снирудон* МИ 328, КУ 127; *Wap* < вост.-сл. *Wap* < церк. *Вантос* ТИ 74; *Zin* < вост.-сл. *Zin* < церк. *Зиновий*, церк. *Зинов* СБ II 200-201; возм. и от церк. *Зина* (-a > ø) ТИ 144.

Среди приведенных форм встречаются фамилии, равные именам с усеченным финальным компонентом: *Filim*, *Fronc* / *Fręc*, *Gerez*, *Klem*, *Kos*, *Świryd*, *Wap*, *Zin*, или лишённые инициального фрагмента: *Gnat*, *Hnat*, *Kudin*, *Kudoń*, *Rost* (< *Eraст*), *Sak*, *Siebień*.

Указанные дериваты (за исключением им. *Kuś* < *Kosma* / *Косма*) сохраняют парадигму исходного имени. В рассматриваемом материале варианты односложные (*Fronc*, *Gnat*, *Gul*, *Hnat*, *Klem*, *Kord*, *Kos*, *Kot*, *Kuś*, *Radź*, *Rost*, *Sak*, *Wap*, *Zin*) преобладают над двухсложными (*Filim*, *Gerez*, *Gocał*, *Kudin*, *Kudoń*, *Siebień*, *Świryd*).

Наличие в современной антропонимической системе рассмотренных единиц свидетельствует о взаимовлиянии народов, языков и культур, на протяжении многих веков контактирующих на этой территории [2, с. 25].

Анализируя фамилии, формально равные именам – их полным вариантам и дериватам, несложно заметить, что большой процент приведенных форм в настоящее время очень редко выполняет роль личных имен, а некоторые из них в современной антропонимической системе польско-восточнославянского пограничья появляются исключительно в качестве фамилий [19, с. 135]. Причины этого – уменьшение популярности или полное вытеснение отдельных имен (в исходных формах, а следовательно – в произ-

водных вариантах), а также изменение способа выражения эмоционально-оценочных семейных и соседских отношений, обусловившее наличие/отсутствие некоторых производных форм имен. Что касается восточнославянских вариантов личных имен (именно они преобладают в рассматриваемом материале), то наблюдается их постепенное исчезновение, поскольку у православного населения, проживающего на польско-восточно-

славянском пограничье в настоящее время сильно заметна односторонняя ассимиляция с польской культурой и польским языком. Фамилии становятся в этом случае единственными письменными носителями памяти о восточнославянских формах имен. Учитывая вышесказанное, задача исследователей – описывать антропонимические системы отдельных местностей и региона в целом как в синхронном, так и в диахронном аспекте.

#### СОКРАЩЕНИЯ:

ББ – Бірыла М.В. Беларуска антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. Мінск : Навука і тэхніка, 1966. 328 с.

БИ – Bubak J. Księga naszych imion. Wrocław : ZN im. Ossolińskich, 1993. 359 s.

КУ – Керста Р.Й. Українська антропонімія XVI ст. Чоловічі іменування. Київ : Наукова думка, 1984. 151 с. URL: [http://shron1.chtyvo.org.ua/Kersta\\_Rozaliia/Ukrainska\\_antropnimiia\\_XVI\\_st\\_Cholovichi\\_imenuvannia.pdf](http://shron1.chtyvo.org.ua/Kersta_Rozaliia/Ukrainska_antropnimiia_XVI_st_Cholovichi_imenuvannia.pdf), 23.03.2019.

МИ – Malec M. Imiona chrześcijańskie w średniowiecznej Polsce. Kraków : IJP PAN, 1994. 462 s.

МС – Malec M. Staropolskie skrócone nazwy osobowe od imion dwuczłonowych. Wrocław : ZN im. Ossolińskich, 1982. 220 s.

ПИ – Spis imion prawosławnych w brzmieniu polskim i staro-cerkiewno-słowiańskim. Warszawa : Warszawska Metropolia Prawosławna, 2011. 110 s.

ПК – Kalendarz prawosławny 2009. Warszawa : Warszawska Metropolia Prawosławna, 2009. 304 s.

ПКМ – Православный церковный календарь 1998. М. : Московская Патриархия, 1998. 111 с.

РС – Rymut K. Nazwiska Polaków. Słownik historyczno-etymologiczny. T. 1–2. Kraków : IJP PAN, 1999–2001. T. 1. 503 s. ; T. 2. 532 s.

СБ – Abramowicz Z., Citko L., Dacewicz L. Słownik historycznych nazw osobowych Białostoczczyzny (XV–XVII w.). T. 1–2. Białystok : IFW UwB, 1997–1998. 281 s. [1], 211 s. [2].

СГ – Sajewicz M. Nazwiska patronimiczne z formantem -uk w powiecie hajnowskim na Białostoczczyźnie na tle ogólnopolskim. Lublin : UMCS, 2013. 725 s.

ТБР – Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М. : Школа-Пресс, 1995. 733 с.

ТЭ – Тороп Ф. Популярная энциклопедия русских православных имен. М. : Белый волк, 1999. 297 с.

УС – Усціновіч А.К. Слоўнік асабовых уласных імён. Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. 237 с.

слав. – славянский  
герм. – германский  
греч. – греческий  
церк. – церковный  
польск. – польский  
др.-чешск. – древнечешский

вост.-сл. – восточнославянский  
полониз. – полонизированный  
рус. – русский  
ап. – апеллятив  
им. – личное имя  
сокр. – сокращенный

\* \* \*

1. Tichoniuk B. Imiona i ich formy na pograniczu polsko-białoruskim od XVI wieku do roku 1839. Zielona Góra : WSP, 2000. 206 s.

2. Максимчук Н.А. Ономастические маркеры Смоленско-Витебского приграничья: способы выявления и описания // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Витебск : ВГУ, 2018. С. 25–27.



3. Wiśniewski J. Zarys dziejów osadnictwa na Białostocczyźnie // Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny. T. I. Wrocław : ZN im. Ossolińskich, 1980. S. 14–27.
4. Dacewicz L. Z historii nazwisk na polsko-wschodniosłowiańskim pograniczu kulturowym (wiek XVI–XVIII) // Nazwy własne a kultura: Polska i inne kraje słowiańskie. Warszawa : SOW, 2003. S. 11–18.
5. Citko L. Nazewnictwo osobowe północnego Podlasia w XVI w. Białystok : UwB, 2001. 190 s.
6. Abramowicz Z. Skrócone formy imion chrzestnych Podlasian w XVI–XVII w. // Funkcje nazw własnych w kulturze i komunikacji. Poznań : Maiuscula, 2015. S. 11–24.
7. Abramowicz Z. Imię Jan // Iwan w antroponimii Podlasia w XVI–XVII w. // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Витебск : ВГУ, 2018. С. 139–149.
8. Citko L. Akty Horodelskie z 1413 roku jako źródło do historii antroponimii polskiej i litewsko-ruskiej // Studia Wschodniosłowiańskie. 2015. T. 15. S. 209–218.
9. Dacewicz L. Historia nazwisk na kresach północno-wschodnich Rzeczypospolitej (XVI–XVIII w.). Białystok : UwB, 2014. 462 s.
10. Dacewicz L. Uwarunkowania socjalno-kulturowe nadawania imion podwójnych w Dekanacie Białystok w II połowie XIX wieku // Studia Wschodniosłowiańskie. 2017. T. 17. S. 169–186.
11. Bogdanowicz E. Nazwiska z komponentem -k- w części sufiksalnej na podstawie XVIII-wiecznych ksiąg metrykalnych południowej Białostocczyzny // Onimizacja i apelatywizacja. Białystok : UwB, 2006. S. 337–343.
12. Złotkowski P. Antroponimia historyczna mieszczan i chłopów Brańska i okolic w ujęciu statycznym i dynamicznym. Lublin : UMCS, 2017. 452 s.
13. Sajewicz M. Nazwiska patronimiczne z formantem -uk w powiecie hajnowskim na Białostocczyźnie na tle ogólnopolskim. Lublin : UMCS, 2013. 725 s.
14. Kondratiuk M. O kilku powszechnych na Białostocczyźnie nazwiskach pochodzenia litewskiego // Studia Wschodniosłowiańskie. 2010. T. 10. S. 117–125.
15. Tichoniuk B. Nazwiska z sufiksem -ul we współczesnej antroponimii polskiej // Gwary i onomastyka pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego i słowiańsko-bałtyckiego. Białystok : UwB, 2006. S. 323–331.
16. Malec M. Imię w polskiej antroponimii i kulturze. Kraków : DWN, 2001. 134 s.
17. Rymut K. Nazwiska Polaków. Wrocław : ZN im. Ossolińskich, 1991. 312 s.
18. Kaleta Z. Nazwisko w kulturze polskiej. Warszawa : SOW, 1998. 225 s.
19. Rudnicka-Fira E. Antroponimia Krakowa od XVI do XVIII wieku. Proces kształtowania się nazwiska. Katowice : UŚ, 2004. 608 s.
20. Dacewicz L. Antroponimia Żydów Podlasia w XVI–XVIII wieku. Białystok : Trans Humana, 2008. 207 s.
21. Białostocka książka telefoniczna 2006. Warszawa : DITEL S.A., 2006. 648 s.
22. Fros H., Sowa F. Twoje imię. Przewodnik onomastyczno-hagiograficzny. Kraków : WAM, 1976. 477 s.
23. Fros H., Sowa F. Księga imion i świętych. T. 1. Kraków: WAM, 1997. 290 s.
24. Kalendarz prawosławny 2009. Warszawa : Warszawska Metropolia Prawosławna, 2009. 304 s.
25. Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М. : Школа-Пресс, 1995. 733 с.
26. Spis imion prawosławnych w brzmieniu polskim i staro-cerkiewno-słowiańskim. Warszawa : Warszawska Metropolia Prawosławna, 2011. 110 s.
27. Malec M. Imiona chrześcijańskie w średniowiecznej Polsce. Kraków : IJP PAN, 1994. 462 s.
28. Sajewicz M. Popularne nazwiska patronimiczne zakończone na -uk w powiecie hajnowskim na Białostocczyźnie // Studia Białorutenistyczne. 2011. T. 5. S. 331–393.
29. Tichoniuk B. Antroponimia południowej Białostocczyzny w XVI wieku. Opole : WSP, 1988. 121 s.

**ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ  
ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОЙ СУБСФЕРЫ РАДОСТЬ  
В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

**LINGUO-COGNITIVE CATEGORIZATION AND CONCEPTUALIZATION  
OF LINGUO-MENTAL SUB-SPHERE JOY  
IN THE RUSSIAN AND UKRAINIAN LINGUO-CULTURES**

© 2019

Н.А. Сергиенко, А.С. Литовченко

N.A. Sergienko, A.S. Litovchenko

В статье на основе анализа лексикографических и фразеологических источников, а также корпусов русского и украинского языков проанализированы особенности лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальной субсферы *РАДОСТЬ* в русской и украинской лингвокультурах. Лингвоментальная субсфера понимается как многомерная и многоуровневая лингвокогнитивная сущность, в которой отражены ментальные и психические процессы сознания человека, его философские взгляды и установки, концептуальные и информационные структуры, включая его профессиональные знания и социальный опыт, оценки, чувства, эмоции, национально-культурные традиции и историю, индивидуальную и коллективную память, личный и общенациональный лексикон, персональные, этно-национальные и конвенциональные представления о научной и наивной картине мира. Авторы приходят к выводу, что эмотивная субсфера *РАДОСТЬ* является универсальной, но в русской и украинской лингвокультурах имеет особенности лингвокогнитивной категоризации и концептуализации.

**Ключевые слова:** лингвоментальная субсфера *РАДОСТЬ*; базовая универсальная эмоция; лингвокогнитивная категоризация; концептуализация; вербализация; синонимический ряд; русская лингвокультура; украинская лингвокультура; концептуальная картина мира; языковая картина мира.

The article analyzes the features of linguistic cognitive categorization and conceptualization of the linguo-mental subsphere *JOY* in the Russian and Ukrainian linguistic cultures based on the analysis of lexicographic and phraseological sources, as well as the corpora of Russian and Ukrainian. The linguo-mental subsphere is understood as a multidimensional and multilevel linguo-cognitive phenomenon, which reflects the mental processes of human consciousness, one's philosophical views and attitudes, conceptual and informational structures that reflect professional knowledge and social experience, assessments, feelings, emotions, national and cultural traditions and history, individual and collective memory, personal and national lexicon, personal, ethnic and national and conventional ideas about the scientific and naive world picture. The authors conclude that the emotive subsphere *JOY* in the structure in the Russian and Ukrainian linguistic cultures is primarily universal, and the existing features of its linguistic cognitive categorization and conceptualization in the Russian and Ukrainian linguistic cultures are primarily due to a number of cultural, historical and social and economic factors.

**Keywords:** linguo-mental subsphere *JOY*; basic universal emotion; linguo-cognitive categorization; conceptualization; verbalization; chain of synonyms; Russian linguistic culture; Ukrainian linguistic culture; conceptual picture of the world; language picture of the world.

В настоящее время уже не вызывает сомнения тот факт, что эмоции тесно связаны с когнитивными процессами человека и включены непосредственно в структуру его сознания и мышления [1, с. 13]. Поэтому вопросы языковой концептуализации и лингвокогнитивной категоризации эмоций привлекают все большее внимание лингвистов.

Лингвокогнитивная категоризация трактуется нами как специфический для разных лингвокультур (в лингвистическом

и культурологическом плане), но универсальный (в когнитивном отношении) процесс вербализованного упорядочения знаний и представлений человека о реальном (и нереальном) мире [2, с. 132].

Тесная взаимосвязь культуры, человеческого сознания и языка проявляется в базовых понятиях лингвокультуры народа, к которым относят универсально-эмотивные субсферы. Различные эмотивные субсферы являются «ментальными единицами высокой степени абстракции, выполняют функ-

цию метапсихической регуляции и отражают в языковом сознании многовековой опыт интроспекции этноса в виде общих универсальных и культурно-специфических представлений об эмоциональных переживаниях, интегрирующих в себе языковую, концептуальную и эмоциональную картины мира» [3, с. 132].

Одним из многомерных интегрирующих культурно-эвристических ментально-аффективных образований является субсфера РАДОСТЬ [4, с. 4].

Радость относится к базовым эмоциям наряду со счастьем, страхом, гневом и грустью. Радость – одна из важных положительных эмоций человека. Она формирует соответствующую лингвоментальную субсферу в лингвокультурах.

По данным толковых словарей русского и украинского языков, радость – это «веселье, улада, наслажденье, утеха, внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая; само событие или предмет, возбудивший эти душевные чувства» [5, с. 1466]; «чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения» [6, с. 1058]; «веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения; то, что (тот, кто) вызывает такое чувство» [7]; «чувство удовольствия, утеха; особа, предмет, событие и др., которые вызывают радостные ощущения, тешат» [8, с. 436].

Исходя из словарных толкований, радость отождествляется с удовольствием. Ср.: удовольствие – «чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний» [6, с. 1375]; «чувство радости, утешения, утехи, приятности» [9, с. 957].

А.Б. Пеньковский отмечает, что в конце XVIII – середине XIX века понятия удовольствия и радости в русской лингвокультуре пребывали в несколько иных, чем сейчас, взаимоотношениях: «первое (удовольствие. – Н.С.) в этот период имело более широкое, чем сегодня, диффузно-размытое значение и, покрывая часть семантического комплекса имени РАДОСТЬ, функционировало в качестве дублета последнего, широко и свободно

замещая его в различных сочетаниях с предикатами, атрибутами и т.п., в том числе и в многочисленных оборотах, составляющих сегодня специфическую идиоматику радости. Ср., например, отражающие старую норму и не встречающиеся в современном употреблении обороты типа *давать/дарить удовольствие; переживать удовольствие; сиять/светиться/дышать удовольствием; купаться/плавать/тонуть в удовольствии; быть в удовольствии; в порыве удовольствия; искреннее/непритворное удовольствие* и др.» [10, с. 13]. А. Пеньковский указывает, что на стыке XVIII и XIX веков. в дублетных отношениях были не только понятия *радость* и *удовольствие*, но и понятия *удовольствие* и *приятность*, *удовольствие* и *довольство*, *радость* и *веселость* (*веселье*).

Е.Г. Озерова и М.Ю. Покручина, указывая на смысловую универсальность эмоциональной ментальной сферы РАДОСТЬ, утверждают, что в лингвокультурной репрезентации ее значение «отличается лексической представленностью, степенью глубины и конкретизации, изменчивостью на разных этапах функционирования» [11, с. 38].

Наиболее близки по семантическому составу слова *счастье* и *радость*. Они не являются абсолютными синонимами, но очевидно, что между ними существует определенная связь. Ср.: *Счастье – «1. Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л.; внешнее проявление этого чувства. 2. Успех, удача»* [6, с. 1297]; *«рок, судьба, часть и участь, доля. Случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету. Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смуты, тревоги; покой и довольство, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его»* [5, с. 166]. Таким образом, *счастье* – это состояние глубокой радости, а значит, *радость* – это эмоция, имеющая градуированные свойства и являющаяся компонентом счастья: *Вскопал ей грядки –*

*и радость была полная, счастье было!* [12]; *В ней смысл его жизни, она его счастье, страсть, радость* [13]; *У, ты, моя радость, счастье!* [14]; *Він приходив, як брат до брата, напевно відчуваючи, що його поява, сяйво його очей неодмінно приносять щастя й радість* [15]; *Всі щасливі, нема царя, правитиме народ, розіллється медові ріки, щастя й радість!* [16]. Исследователи отмечают, что радость является «эмоциональной составляющей многомерного интегративного ментального образования – категории СЧАСТЬЕ с присущими ей общеаксиологической оценкой, высокой степенью семиотической насыщенности и этнокультурной спецификой» [4, с. 8]. Это объясняет то, что некоторые признаки обоих понятий могут быть для них общими. Так, кроме позитивной коннотации, счастье и радость могут быть индивидуальными понятиями, хотя в большей степени это присуще счастью: *У каждого свои размеры счастья, У Бога каждый просит своего...* [17]; *Умно установлено то, что у каждого радость точно выкроена по его мерке. Ее ни украсть, ни присвоить: другому она просто не подходит* [17]; *У каждого радость своя, коль в сердце живом песнопение, СИМ в ЯВИ душа моя находит отдохновение* [18, с. 469].

Радость является базовой эмоцией, универсальной для всех лингвокультур. В каждом языке она репрезентируется многообразными языковыми средствами. Так, в русском языке универсально-эмотивная субсфера *радость* на лексико-фразеологическом уровне представлена в виде прямой номинации лексемой *радость* и рядом ее синонимов: *счастье, удовольствие, веселье, восторг, беспечалие, веселость, жизнерадостность, забава, кайф, ликование, обрада, отрада, перихария, потеха, праздник, праздничное настроение, просвет, радование, радостность, развлечение, светлое пятно, торжество, увеселение, удовольствие, улет, упоение, услада, утеха* [19].

В украинской лингвокультуре синонимический ряд лексемы *радість* составля-

ют слова *радощі, радіння, утіха, відрада, відрадність, задоволення, приємність, єдина втіха* [20]. В украинском языке употребляется форма существительного *радощі*, которая имеет только форму множественного числа и является дублетом слову *радість*: «*Довгими вечорами сиділи вони у дівочькій, переповідаючи одна одній свої радощі і тривоги*» [21]; «*А життя й через три мільйони літ буде так само абсолютним, єдино справедливим законом, а радощі й насолоди його єдино моральними приписами, які розумній людині треба виконувати*» [22].

Одним из способов вербализации эмоций является дескриптивный – описание того, что именно чувствует человек, когда их переживает. Дескриптивные единицы анализируемой эмоции выражены в русском языке адъективами *радостный, веселый, беспечальный, мажорный, благополучный, блаженный, победный, радужный, розовый, светлый, фатовый, успешный* и др. [23], в украинском – *радісний, веселий, життєрадісний, сонцелюбний, сонцеликий, провітлий* [24, с. 346].

Распространенный способ вербально-го выражения внутренних психологических состояний человека – метафорический перенос. Эмоции в этом плане не являются исключением. Наименования эмоций, как и другие абстрактные существительные, «приобрели свое значение, пройдя через процесс ассоциативного развития от основ, первоначально отражавших процессы и состояния внешнего, физического мира» [25, с. 2]. Анализируя особенности метафорического выражения эмоций, П.Е. Клобуков утверждает, что «лексическое значение слов, отражающих эмоции, возникает путем развития от конкретных физических процессов к абстрактным внутренним, и при этом мотиватором такого движения служат физиологические переживания, сопровождающие эмоцию» [26, с. 46].

Анализируя контекстуальное выражение семантики радости в текстах русских и украинских художественных произведений и словарях устойчивых выражений, приходим к выводу о справедливости мнения, что

ментальная обусловленность этой субсферы «проявляется, когда контекстуально указывает на связь с миром небесным», что находится в русле православных традиций [11, с. 39]. Ассоциации, связанные с проявлением радостных чувств, отображают бинарную оппозицию *верх* (положительное, приятное, радостное)/*низ* (отрицательное, пассивное, скорбное) в ценностной составляющей картины мира [27 с. 285]: *Ангел прилетел!* – «выражение радости» [28, с. 17]; *Дважды вырасти* – «испытать чувство радости, гордости» [28, с. 174]; *Понеслась душа в рай* – «о приливе бодрости, радости» [28, с. 213]; *Летать на крыльях* – «быть в приподнятом, радостном настрое-

нии» [28, с. 335]; *Быть на седьмом небе. Разг.* – «испытывать большую радость, счастье, блаженство» [28, с. 429]; *Взлетать/взлететь на седьмое небо* – «испытывать чувство радости, счастья» [28, с. 429]; *Подпрыгивать до небочки* – «испытывать радость, восторг» [28, с. 430]; *Землі/ніг не чути під собою* [24, с. 346].

Перспективным представляется проведение сопоставительного анализа особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальной субсферы *РАДОСТЬ* в лексикографической практике, образной и наивной языковых картинах мира представителей русской и украинской лингвокультур.

\* \* \*

1. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2013. 128 с.

2. Сергиенко Н.А. Формирование субсферы СЕМЬЯ в русской и украинской лингвокультурах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 132–139.

3. Малярчук О.В. Емоційний концепт щастя: етимологічні та структурні характеристики. Вісник Житомирського державного університету // Філологічні науки. Житомир, 2017. № 2(74). С. 132–138.

4. Шамаева Ю.Ю. Когнітивна структура концепту «радість» (на матеріалі англійської мови) : автореф. дис. ... канд. філол. Наук. Харків, 2004. 20 с.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. СПб.; М.: Издание тов-ва М.О. Вольф, 1907. 1782 с.

6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: Азъ, 1992. 955 с. URL: <http://slovarozhegova.ru/ozhegov.php> (дата обращения: 5.05.2018).

8. Словник української мови. В 11 т. Т. 8. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; за ред. І.К. Білодіда. Київ: Наук. думка, 1978. 927 с.

9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. СПб.; М.: Издание тов-ва М.О. Вольф, 1909. 1619 с.

10. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 460 с.

11. Озерова Е.Г., Покручина М.Ю. Концепт «радость» в лингвокультуре русского языка // Научные ведомости Белгородского гос. университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 29, № 7 (228). С. 37–43.

12. Азольский А. Лопушок // Новый Мир. 1998. № 8. С. 8–107.

13. Гроссман В. Жизнь и судьба. 1960. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.05.2018).

14. Толстой А.Н. Черная пятница : рассказы 1923–1924 гг. Л.: Атений, 1924. 188 с.

15. Багрянный И. Художня проза. Київ, 1992. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx> (дата обращения: 15.05.2018).

16. Яновський Ю. Художня проза. Харків: Фоліо, 2012. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx> (дата обращения: 10.05.2018).

17. Дыльдина Е. Счастье у каждого свое. URL: <https://www.stihi.ru/2011/10/16/5307> (дата обращения: 10.05.2018).

18. Владимиров В.М. Словарь-Континуаль: пословицы, сословницы, меткие слова, афоризмы и направляющие сознание мысли. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 671 с.
19. Тришин В.Н. Большой русский словарь-справочник синонимов (близких по смыслу слов). URL: <http://trishin.ru> (дата обращения: 20.05.2018).
20. Офіційний сайт української мови. URL: <https://ukrainkamova.com/search/?q=радість&t=0> (дата обращения: 20.05.2018).
21. Білий Д. Заложна душа. Донецьк : Альфа-прес, 2004. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx> (дата обращения: 15.05.2018).
22. Винниченко В. Сонячна машина. Київ : Дніпро, 1989. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx> (дата обращения: 14.05.2018).
23. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М. : Русские словари, 1999. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/abr> (дата обращения: 12.05.2018).
24. Караванський С. Практичний словник синонімів української мови. Київ : Українська книга, 2000. 480 с.
25. Kroesch Samuel. The semasiological development of words for 'perceive', etc., in the older Germanic dialects // *Modern Philology*. Chicago. 1911. Vol. VIII.
26. Клобуков П.Е. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций. Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 2. М. : Филология, 1997. С. 41–47.
27. Философия жизни в русской литературе XX – XXI веков: от жизнестроения к витальности : монография / Ю.М. Брюханова и др. ; под ред. И.И. Плехановой. Иркутск : ИГУ, 2013. 485 с.
28. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

# Актуальные проблемы русистики

## Challenging Issues in Russian Studies

УДК 81'25

### АКСЕССУАРНЫЕ ПРИНЦИПЫ КОДИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

### THE ACCESSORY PRINCIPLES OF LEXICAL UNITS CODIFICATION

© 2019

Л.В. Алимпиева

L.V. Alimpieva

В статье дается анализ аксессуарных принципов лексикографического описания лексических единиц в словарях различных типов. Под *лексикографическим принципом* понимается разработанное кем-либо аргументированное теоретическое положение или рекомендательное правило о лексикографической кодификации лексических единиц в словаре, которое основано на верификации и эмпирическом опыте и используется или будет использовано в лексикографической практике. Анализ теоретических исследований и публикаций в области лексикографии показывает, что недостаточно работ, посвященных систематизации принципов кодификации лексических единиц в словарях по такому отличительному признаку как необходимость/важность определенного принципа для кодификации отдельного слова.

Полагаем, что принципы кодификации лексем в различных словарях следует разделить на следующие типы: а) универсальные; б) аксессуарные; в) паллиативные (периферийные); г) принципы учебной лексикографии.

Целью статьи явилось составление списка аксессуарных принципов кодификации лексических единиц. Без сбора и анализа аксессуарных принципов кодификации лексических единиц невозможна дальнейшая теоретическая и практическая работа в области проектирования и составления словарей различных типов.

Аксессуарный принцип кодификации – это дополнительный принцип описания лексической единицы. Например, к аксессуарным принципам можем отнести следующие принципы описания кодифицируемого слова: исторический, функциональный, логический и др. Использование аксессуарного принципа помогает составителю словаря наиболее полно раскрыть специфическую особенность слова в словарной статье. Всего автором статьи выявлено шестнадцать (16) аксессуарных принципов. Следование этим принципам позволяет лексикографам при проектировании и составлении словарей улучшить их качественные характеристики.

**Ключевые слова:** теория лексикографии; словарная статья; кодификация лексических единиц; лексикографический принцип; аксессуарный принцип; проектирование и составление словарей.

The paper studies the accessory principles of the lexicographic description of lexical units in various types of dictionaries. We interpret the term *lexicographic principle* as a developed by someone theoretical reasoned provision or a recommendatory regulation about the lexicographic codification of lexical units in a dictionary, which is based on verification and empirical experience, and is used or will be used in lexicographic practice. The analysis of the recent theoretical research and publications in the field of lexicography shows that there are no works which cover the principles of codification of lexical units, their selection and highlighting of distinguished features. There are no works devoted to distinction and analysis of accessory principles of codification of lexical units in dictionaries of different types.

The author distinguishes the following types of them: a) universal; b) accessory; c) interim; d) principles of educative lexicography.

The article aims at making up a list of accessory principles of codification of lexical units. Further theoretical and practical work in the field of projecting and compiling of dictionaries is impossible without preliminary collection and analysis of the accessory principles of codification of lexical units.

The accessory principle of codification is an additional or peripheral principle of describing a lexical unit. For example, we can refer to the accessory principles the following principles of description of a word under codification: historic, functional, logic and etc. This principle helps the compiler of the dictionary to fully reveal the specific feature of the word in the dictionary entry. We have identified new sixteen (16) accessory principles in this paper. Following these principles allows lexicographers to improve the qualitative characteristics while designing and compiling the dictionaries.

**Keywords:** the theory of a lexicography; dictionary entry; principles of codification of lexical units; the lexicographic principle; the accessory principle; designing and compiling the dictionaries.

Среди важнейших задач лексикографии – обоснование принципов описания лексики с целью отражения различных ее аспектов для оптимальной кодификации в словаре.

Термин *принцип* (от лат. *principium* – основа, начало) толкуется как доминирующее, исходное правило, действующее как руководящее положение, важнейшая установка для определенной деятельности. Термин *лексикографический принцип* нами трактуется как аргументированное теоретическое положение о лексикографической кодификации лексической единицы (далее – ЛЕ), основанное на верификации и эмпирическом опыте и используемое в лексикографической практике, или такое, которое разработано определенным лексикографом и может быть принято как рекомендательное положение (правило) для последующей словарной деятельности составителя или коллектива составителей словаря. Авторы научных статей обычно вместо термина «принцип» использовали термины «прием» или «способ». В нашем исследовании, в целях построения последовательной лексикографической терминологии, применяется термин «принцип».

Анализ последних публикаций в области теории лексикографии показывает, что недостаточно исследований, посвященных определению общего корпуса принципов кодификации лексических единиц и систематизации принципов кодификации лексических единиц в словарях по такому отличительному признаку, как необходимость/важность определенного принципа для кодификации отдельного слова.

По нашему мнению, на данном этапе развития теории лексикографии принципы кодификации лексем в различных словарях следует разделить на следующие типы: а) универсальные [1]; б) аксессуарные; в) паллиативные (периферийные) [2]; г) принципы учебной лексикографии [3].

Аксессуарные принципы кодификации ЛЕ в нашем понимании – это такие принципы, которые применяются лексикографами селективно/выборочно, в зависимости от выбранного составителем/лекси-

кографом подхода к структурным компонентам словаря в отдельности или к отдельным компонентам словарной статьи (леммы) (термины «словарная статья» и «лемма» трактуются нами как синонимы. – Л.А.), и могут выполнять вспомогательную, добавочную функцию.

Целью статьи является определение особенностей аксессуарных принципов кодификации лексических единиц и их общая инвентаризация.

Покажем отличие аксессуарных принципов кодификации слов, например, от универсальных принципов.

Как правило, значение слова в лемме кодифицируется с помощью следующих универсальных принципов: описательного (описываются важные признаки/особенности предмета, события, явления), синонимического (толкование вокабулы осуществляется синонимами), отсылочного (производное слово не толкуется в отдельной лемме, а специальная помета направляет пользователя к лемме с производящим словом, в котором учитывается значение словообразовательного средства). В зависимости от сложности слова составитель словаря может выбрать для разрабатываемой статьи все три универсальных принципа кодификации лексической единицы или описательное и отсылочное, то есть каждая словарная статья может носить индивидуальный характер и отличаться от других принципами толкования.

Как представляется, к *аксессуарным принципам* следует отнести принципы, связанные, например, с филиацией – выделением и последовательным расположением значений полисемичного слова внутри леммы. В отношении кодификации многозначного слова в лексикографии сложились два разнонаправленных приема: *интерполирование*, сведение всех значений слова в одну словарную статью, и *дифференцирование* значений ЛЕ в отдельных леммах. Значения слова в микроструктуре леммы могут располагаться иерархически или без иерархии. При иерархическом расположении значений слова в лемме используются следующие принципы: исторический (с учетом этимоло-



логии, на первом месте – исходное значение), функциональный (по употребительности, частотности значений слова и подвижности семантической структуры слова), логический (от более общего значения к более частному) [4].

Диахроническая дифференциация полисемии и омонимии в двуязычных словарях позволила Н.В. Дубыниной описать следующие принципы выделения значений ЛЕ: «1) семантический, когда особенность значений осознается на уровне сем; 2) синтагматический, когда разница значений ЛЕ зависит от синтагмы, то есть способа сочетания ЛЕ с иными словами в составе предложения/высказывания; 3) “новое значение – новая лемма”; 4) иерархической асимметричной филиации, когда разные значения объединяются в пределах одной леммы и индексируются с помощью цифр (римских и арабских); 5) иерархического объединения значений с применением ограничений формального характера этих значений в рамках отдельной леммы» [5, с. 70–71].

В.А. Бальзамов считает, что в словаре для учащихся средних школ «имеет смысл создать лемму со *словосочетанием* в качестве заглавного слова». Это позволит минимизировать возможные ошибки лексического и грамматического уровней у учащихся. Также он предлагает использовать тематический принцип отбора лексики, который дает пользователям возможность составлять предложения/высказывания по установленной тематике и облегчает представление языкового материала в рамках словарной леммы [6, с. 5–6]. По мнению ученого, объединение принципа использования словосочетания в качестве заглавного слова и принципа тематического отбора лексики позволяет создать словарное пособие для школьников, которым можно пользоваться в процессе изучения английского языка на различных этапах. «Группировка лексических единиц в рамках определенной темы дает возможность пользователю эффективно создавать высказывания с содержанием тематического характера, а образцовые словосочетания призваны минимизировать речевые ошибки» [6, с. 5–6].

И.К. Архипов, Д.Н. Новиков, С.А. Песина предлагают создавать словарную статью в двуязычном словаре, используя принцип прототипической семантики: «Каждое полисемичное слово обладает смысловым ядром, которое, обеспечивая целостность слова в семантическом аспекте независимо от контекста, хранится в лексиконе языковой личности» [7, с. 67]. Такое смысловое ядро они называют лексическим прототипом, который соответствует принципу языковой экономии и дает возможность актуализировать лексико-семантический вариант (далее – ЛСВ) с минимальными ментальными усилиями.

Лексический прототип – «это константная часть значения ЛЕ, минимальная, коммуникативно-значимая совокупность отвлеченных узуальных смыслов, прототипический инвариант всех ЛСВ многозначного слова/полисеманта с номинативно-непроизводным значением, которое первым осознается русской языковой личностью при слуховом восприятии, а затем когнитивном осмыслении любого многозначного слова/полисеманта». Поэтому они предлагают «включать содержательное ядро (семантический инвариант, лексический прототип) многозначного слова в начале словарной статьи в качестве значения единицы системы языка – лексемы» [7, с. 67–68].

И.С. Кудашев и И.О. Кудашева полагают, что в двуязычных словарях терминологического типа необходимо следовать принципу включения в структуру словаря определений и пояснений по следующим соображениям: 1) сравнение объема понятий в разных языках сложно проводить без ясных определений; 2) определение информирует переводчиков о специальных понятиях; 3) определение дает возможность при переводе идентифицировать словарное значение понятия со значением термина в специальном тексте. Значение терминов может варьироваться в различных текстах или в диахронии [8, с. 275–276].

Необходимость включения определений и пояснений в структуру леммы двуязычного терминологического словаря определяется следующим: 1) необходимостью

учета потребностей пользователей словаря; 2) тем, что ряд специальных терминов (например, для обозначения номенов – типов растительного мира и видов животного мира) требует не определений, а точных пояснений с перечислением характерных особенностей и признаков номена; 3) тем, что словник в двуязычном терминологическом словаре не обязательно должен соблюдать единообразие в системе подачи понятий о кодифицируемом термине; 4) тем, что не все ЛЕ, включенные в словарь, требуют определения [8, с. 276–277].

Второй принцип, рекомендуемый указанными авторами, – применение логико-понятийных схем, включение которых в терминологические определения позволяет пользователю словаря наглядно представить структуру подобласти термина и установить связь между понятиями. Выделение разнородных отношений (родовидовых, партитивных и функциональных) между *понятиями* с помощью логико-понятийных схем необходимо для целостного восприятия термина.

Третий принцип – «включение указания на источник сведения/сведений является “индексом надежности” и “индексом свежести” информации – отсылает пользователя к дополнительным источникам информации о понятии» [8, с. 277].

Четвертый принцип – подача вариантов перевода (снабжается знаком << или *f*) с обязательным комментарием относительно характера, степени соответствия или пояснениями о сути различий между понятиями с указанием источника комментария и указанием имени автора.

Пятый принцип – использование глаголов и терминологических элементов в лемме. В терминологии обычно используется лексика субстантивированная. Пользователи двуязычных терминологических словарей и специалисты по языковому переводу лишены сведений о моделях управления, формах видов глагола, спряжения и т.д. Важно эти сведения включать в леммы терминологических словарей, поскольку роль глаголов в естественных языках важна. В словари терминологического типа рекомендуется «включать продуктив-

ные терминологические элементы, которые демонстрируют типичные модели терминообразования во входном языке и модели деривации переводных эквивалентов в выходном языке» [8, с. 279–280].

И.С. Кудашев и И.О. Кудашева отмечают, что перечисленные выше «принципы – приведение определений, пояснений, логико-понятийных схем, указание на источники, маркирование частичных и искусственно созданных эквивалентов, обязательное наличие комментариев о различиях между разноязычными понятиями и терминами – должны в перспективе стать нормой при разработке качественных переводных терминологических словарей» [8, с. 280].

Перечисленные выше аксессуары принципы кодификации лексических единиц сведены в таблицу.

Как известно, в теории лексикографии выделяют реализованные/ реализуемые принципы кодификации ЛЕ, которые практически претворены в словарях, и проектируемые принципы, которые только предлагаются для внедрения в лексикографическую практику.

Перечисленные выше аксессуары принципы относятся к группе реализованных / реализуемых принципов. Указанные аксессуары принципы кодификации лексических единиц после тщательного анализа и отбора могут быть практически применены лексикографом или коллективом лексикографов в процессе составления конкретного словаря. Они в совокупности должны эксплицировать структуру и содержание лексических единиц в словарях в пределах, наиболее удовлетворяющих потребности различных пользователей.

Включение дополнительных сведений о слове позволит пользователю правильно усвоить значение слова или, например, выбрать соответствующее значение полисемантического слова. Каждый принцип может быть доработан/модифицирован согласно потребностям пользователей словаря. Верификация представленных аксессуарных принципов и расширение их реестра возможны по мере проведения дальнейших теоретических изысканий.

### Аксессуары принципы кодификации лексических единиц в словарях

<b>Общепризнанные</b>			
№ пп	Источник	Наименование принципа	Примечание
1	Лексикография как наука	Исторический (с учетом этимологии, на первом месте – исходное значение)	Для определения <i>последовательности</i> расположения значений в лемме
2		Функциональный (по употребительности, частотности – сложности)	
3		Логический принцип (от более общего значения к более частному)	
<b>Авторские</b>			
4	В.А. Бальзамов	Кодификация словосочетания в качестве заглавного слова	Для двуязычного учебного словаря
5		Тематического отбора лексики	
6	И.К. Архипов, Д.Н. Новиков, С.А. Песина	Использования в лемме прототипической семантики	Для кодификации многозначного слова в ДС
7	И.С. Кудашев и И.О. Кудашева	Включение в лемму определений и пояснений	Для терминологических словарей
8		Применения логико-понятийных схем	
9		Указания на источник сведения/сведений	
10		Подачи вариантов перевода с обязательным комментарием	
11		Использования глаголов и терминоэлементов в лемме	
12	Н.В. Дубынина	Семантический	Для двуязычных словарей
13		Синтагматический	
14		«Новое значение – новая лемма»	
15		Иерархической асимметричной филиации	
16		Иерархического объединения значений	

\* \* \*

1. Алимбиева Л.В. Универсальные принципы кодификации лексических единиц в словарях различных типов // Язык в диалоге культур: к 70-летию профессора М.Дж. Тагаева. Бишкек : KRSU, 2017. С. 190–195.

2. Алимбиева Л.В. Паллиативные (периферийные) принципы кодификации лексических единиц // Вестник Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова. Кокшетау, 2018. № 2. С. 18–24.

3. Алимбиева Л.В. Принципы кодификации лексических единиц в учебной лексикографии // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. Лодзь, 2018. № 16. С. 7–15.

4. Лексикография как наука : лекции [Электронный ресурс]. URL: <http://lections341.weebly.com/1051107710821089108010821086107510881072109210801103.html> (дата обращения: 20.11.2018).

5. Дубынина Н.В. Проблема разграничения полисемии и омонимии в двуязычной лексикографии (из истории французско-русской лексикографии) // Филологические науки. М., 2005. № 3. С. 69–79.

6. Бальзамов В.А. Принципы построения словарной статьи с английским заглавным словом в словаре для школьников : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 18 с.

7. Архипов И.К., Новиков Д.Н., Песина С.А. Организация и метод построения словарной статьи на основе принципа прототипической семантики // Языки в современном мире : материалы V междунар. конференции : в 2 ч. / отв. ред. М.К. Гуманова. М. : КДУ, 2006. С. 67–73.

8. Кудашев И.С., Кудашева И.О. Полезные дополнения к традиционной практике составления переводных терминологических словарей (на примере двух финско-русских словарей) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегод. междунар. конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). М. : РГГУ, 2008. С. 274–280.
9. Бережан С.Г. Разбиение лексических единиц на лингвистически значимые классы как способ унификации их подачи в толковом словаре // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре : сборник статей / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М. : Наука, 1988. С. 53–58.
10. Борисова Е.Г. Принципы описания служебных слов // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 2. С. 70–85.
11. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1993. 245 с.
12. Денисова М.А. О некоторых принципах лексикографического описания безэквивалентных и фоновых слов // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М. : Русский язык, 1977. С. 107–111.
13. Копецкий Л.В. Принципы составления двуязычных дифференциальных словарей славянских языков // IV Международный съезд славистов : материалы дискуссии. В 2 т. М. : АН СССР, 1962. Т. 2. С. 140–142.
14. Коробейникова О.В. Принципы построения английских толково-энциклопедических словарей: на материале словарей цитат и словарей языка писателей : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 191 с.
15. Крамкова О.В. Принципы лексикографического описания колоризмов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород : Нижегородский ун-т, 2010. № 4(2). С. 568–571.
16. Малаховский Л.В. Принцип градуальности в учебной лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике : сборник статей. М. : Русский язык, 1978. С. 48–53.
17. Махек В. Принципы построения этимологических словарей славянских языков // IV Международный съезд славистов : материалы дискуссии. В 2 т. М. : АН СССР, 1962. Т. 2. С. 83–85.
18. Медведева И.В. Принципы составления терминологического словаря, отражающего многоаспектную характеристику термина: На материале фонетических терминов : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. 208 с.
19. Рогожникова Р.П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974. 25 с.
20. Стрельцова И.Д. О некоторых принципах составления словника русско-армянского словаря (на материале русско-армянского четырехтомного словаря) // Հրատեր Հասարակական Գիտությունները. Ереван, 1968. № 3. С. 39–51 [Электронный ресурс]. URL: <http://iraber.asj-oa.am/1238/1/39.pdf> (дата обращения: 23.11.2018).
21. Стукалина Ю. Принципы создания учебного словаря систематического типа [Электронный ресурс]. URL: [http://www.tsi.lv/Research/Conference/Articles/art\\_10.pdf](http://www.tsi.lv/Research/Conference/Articles/art_10.pdf) (дата обращения: 23.11.2018).
22. Тохтаходжаева М. Двуязычные учебные словари и принципы их составления. Ташкент : Укитувчи, 1981. 183 с.

**ЛЕКСИКА САМАРСКИХ ГОВОРОВ НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ:  
НАИМЕНОВАНИЯ ПОСТРОЕК И СООРУЖЕНИЙ ДЛЯ СУШКИ СНОПОВ**

**SAMARA DIALECTS AGAINST GENERAL SLAVIC BACKGROUND:  
NAMES OF BUILDINGS AND CONSTRUCTIONS  
TO DRY SHEAVES IN**

©2019

Т.Е. Баженова

T.E. Bazhenova

Данное исследование было проведено в рамках проблемы системного описания лексики русских народных говоров одного из регионов Среднего Поволжья. Задачи данной статьи – рассмотреть диалектные наименования хозяйственных построек, которые применялись в прошлом для просушивания и хранения снопов сжатого хлеба в самарских сёлах, и описать их как составную часть славянского диалектного континуума. В самарских говорах повсеместно фиксируются слова *овин* и *рига* в качестве наименований постройки, в которой сушили снопы перед обмолотом, и слово *шшиш*, которое обозначало временное сооружение для этих целей. Рассматривается локализация данных слов в регионе. Определяется объем тематической группы диалектных слов и устанавливаются варианты лексического значения регионально локализованных лексем. Особое внимание обращается на лексические соответствия, объединяющие русские народные говоры с диалектами других славянских языков. Утверждается, что существование данной тематической группы слов в говорах территорий позднего заселения в условиях отсутствия обозначаемой реалии есть показатель динамики и консерватизма диалектных лексических систем – двух противоположных тенденций, которые являются движущими силами процесса эволюции словарного состава любого языка.

**Ключевые слова:** восточнославянские языки; русские народные говоры; диалектология; диалектная лексика; диалектный словарь; Среднее Поволжье; говоры территорий позднего заселения; наименования хозяйственных построек; география диалектного слова; системные отношения в лексике.

This study was carried out as part of the complex description of the vocabulary of Russian folk dialects speakers in one of the regions of the Middle Volga region. The paper aims at analyzing the dialect names of outbuildings that were used in the past to dry and store sheaves in Samara villages and describing them as part of the Slavic dialect continuum. In Samara dialects the words *ovin* and *riga* are commonly employed as the names of the building in which the sheaves were dried before thrashing, and the word *shish*, which meant a temporary construction for the same purpose. The localization of these words in the region is considered. The volume of the thematic group of dialect words is determined and the variants of the lexical meaning of regionally localized lexemes are established. Particular attention is paid to the cases of lexical matching that combine Russian folk languages with dialects of other Slavic languages. It is claimed that the existence of this thematic group of words in the dialects of late settlement areas is an indicator of the dynamics and conservatism of dialectal lexical systems – two opposing trends that are the driving forces behind of the evolution of the vocabulary of any language.

**Keywords:** East Slavic languages; Russian folk dialects; dialectology; dialect vocabulary; dialect dictionary; the Middle Volga region; the dialects of late settlements; household names; geography of the dialect word; complex relationships in the vocabulary.

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Самарской области проекта № 18-412-630004 «Диалектное слово в русских говорах самарского Поволжья».*

*The article is the part of the project № 18-412-630004 «A Word in Russian Dialects in Samara Region of the Volga River» supported by RFFR and the Government of Samara Region.*

### **1. Постановка проблемы и источники материала исследования.**

Публикация региональных атласов и словарей заставляет по-новому осмыслить проблему релевантности сведений о диалектной лексике при изучении историко-культурного ландшафта региона.

Названия построек для сушки снопов относятся к архаической лексике материальной культуры, восходящей к восточнославянскому фонду, в связи с чем их лексикографическое и лингвогеографическое изучение представляет несомненный научный интерес.

В нашем распоряжении были архивные данные диалектологических экспедиций, собранные в виде ответов на вопрос № 147 программы-вопросника для составления Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ): «Как у вас называется постройка для сушки снопов?», и современные материалы, записанные в последние десятилетия в самарских сёлах.

В качестве источника фактического материала по говорам русского языка мы использовали данные «Словаря русских народных говоров» и других региональных словарей, карты № 16 ДАРЯ «Названия построек и сооружений для сушки снопов» [4] и пробной карты ЛАРНГ «Типы гумен и их названия» [1]. Нами был проведен общий анализ диалектных наименований построек для просушивания снопов перед обмолом в русских народных говорах и в материалах к тематическому словарю самарских говоров.

## 2. Устройство обозначаемой реалии у восточных славян.

Диалектная лексика, обозначающая хозяйственные постройки, относится к пассивному запасу диалектного словаря, так как изменения в укладе и хозяйственно-экономической жизни села наложили отпечаток на состав реалий материальной культуры. Так, хозяйственные постройки, предназначенные для хранения и обработки сжатого хлеба, в настоящее время повсеместно либо утратили своё основное назначение, либо вовсе исчезли.

Традиционные овины представляли собой двухъярусные срубы с двускатной крышей. На верхний ярус овинов (*садило, сушило, насад*) накладывали (*садили*) снопы на специальные жерди (*колосники*). Нижний ярус (*подовин, теплинка, подлог, загара*) служил источником тепла и оборудовался печью без дымохода. *Подовин* отделялся от *садила* перекрытием (*поднебником*), образуя так называемый *под*. Пол устраивался меньшей площади, нежели само помещение верхнего яруса для того, чтобы вдоль стен (с двух, трех или четырех сторон) остава-

лись щели шириной до 40 см (*тёплая пазуха, теплуха*), через которые поднимался горячий дым. Сверху над каждой пазухой на высоте 15 см вставлялась доска (*пазушная крышка, пока, кожих*) для того, чтобы искры не попадали вверх, а зерна не сыпались в *подовин*. На некоторой высоте от пола укладывались *колосники (цепки, подмости, гряды, сушила)* – жерди, на которые сажали снопы в один-два ряда.

В верхнем ярусе устраивалось небольшое окно для подачи снопов. Дым выходил через окно, или *продухи*.

Овины имели разные типы, как по своему материалу (рубленные, хворостяные, каменные), так и по принципу устройства (ямные и верховые). Иногда разница наблюдалась и в том, как удалялся дым: просто через щели в кровле или посредством трубы. Варьировался и способ разведения огня. Иногда это было открытое пламя, иногда устраивалась печь. Печи в овинах имели различные типы устройства, но обычно это была простейшая печь-каменка, сложенная из камней на глиняном растворе. Из-за применения открытого пламени или наскоро устроенных печей овины часто горели.

Если нижний ярус находился ниже уровня земли (в выкопанной яме), то такой овин назывался *ямным*; овин, находящийся целиком на поверхности, соответственно, назывался *верховым* [2, с. 104]. В самарских сёлах в прошлом применялись ямные овины. Верховые овины требовали на своё возведение большее количество леса.

Ямные овины были распространены к югу и востоку от Москвы – в Московской, Курской, Воронежской, Тульской, Тамбовской, Пермской и других губерниях, верховые – к северу и западу от Москвы – в Псковской, Костромской, Олонецкой, Архангельской и др. В ряде губерний (Калужская, Рязанская, Тверская, Новгородская, Костромская, Московская, Вологодская) встречались и те, и другие овины [2, с. 99–101].

*Овины* были наиболее распространенным и древним типом снопосушилен. На территории, охваченной картой ДАРЯ, слово

*овин* представлено обширным ареалом, не захватывающим только западные, северные и северо-западные территории России (Новгородская, Ленинградская, северная часть Псковской области, западная часть Калининской области) и разрываемым кружевным ареалом слова *рига* (*рыга*) в южных и юго-восточных областях. Слово *рига* также широко известно носителям русских говоров европейской части России наряду со словом *овин*, однако характер его локализации свидетельствует о том, что оно, как и реалья, им обозначаемая, возникло позднее. *Риги*, получившие в крестьянском хозяйстве распространение в конце XIX – начале XX века, отличались от *овинов* более простым устройством топки и меньшей стоимостью при строительстве, так как сруб в этом случае не ставился, постройка скорее напоминала большой сарай. Если в овине печь размещалась в особом помещении, то в риге – в том же, где устанавливались снопы, то есть в *садиле*. Каменная печь в риге топилась ограниченное время, снопы загружались только после того, как она была истоплена, а в овине снопы сушились горячим воздухом, поступающим из *подовина* во время топки. В верхнем ярусе *овинов* потолок отсутствовал, а в *ригах* он имелся и устраивался из бревен, укладываемых в накат. Под кровлей *риг* устраивались *сушила*, где складировали необмолоченные снопы и оставшуюся солому после обмолота. С двух сторон *риги* делали большие двустворчатые двери для проветривания.

Как следует из комментария к карте № 16 ДАРЯ, на юге и юго-востоке России (в калужских, тульских, рязанских, воронежских, тамбовских и др. говорах) *ригой* могли называть постройку не только для сушки, но и для хранения и молотбы снопов, хранения мякины, соломы и сена и даже сельхозинвентаря. Собиратели часто указывали, что постройки типа овина (с печью ниже уровня земли) более старые, чем типа *риги* (с печью на земле) [3, с. 77–79].

Наряду со словами *рига* и *овин* на юге и юго-западе европейской части России встречаются наименования *евня* (*ёвня*) – в смоленских, брянских говорах; *рей* и *рея* –

в псковских, смоленских говорах на границе с Белоруссией; *клуня* – в южнорусских говорах Курской, Орловской, Белгородской, Воронежской областей на границе с Украиной [4]. Изоглоссы этих лексем имеют продолжение в белорусских [5, с. 314–315] и украинских говорах [6, с. 246 (клуня) ; 7 (рига)]. Так, на карте № 233 диалектологического атласа белорусского языка [8] «Назвы будынка з печкай для сушкі снапоў» отмечены лексемы *евня* и *ёвня* – в восточной части территории; *осеть* и *восеть* – в северной, северо-западной и центральной части, в районе Полоцка и Минска. Повсеместно, особенно в западной части Беларуси, отмечаются изоглоссы слов *сушня* и *сушилка*, на границе с Польшей – *сушарня* (наряду с обозначением отсутствия реалии). Так же повсеместно, но всё же спорадически или образуя точечные ареалы, распределено по территории Беларуси слово *овин*. Лексема *овин* в говорах украинского языка тоже употребляется, но для обозначения постройки другого назначения – небольшого амбара для зерна.

Очевидно, что постройки этого типа в прошлом имели важное хозяйственное значение. Непросушенное зерно портилось при хранении, теряло свое качество, поэтому его необходимо было просушить. Процесс был длительный, особенно при неблагоприятных погодных условиях, и крестьянские хозяйства обзаводились долговременными постройками или приспособлениями для просушивания сжатого хлеба. В русских сёлах овиньи строились в районах с недостаточным числом солнечных дней. В научной литературе существует мнение, что овиньи были необходимой постройкой в усадьбах русских и белорусов в лесных и болотистых местностях до начала XX в. [9, с. 73]. В Поволжье данный вид хозяйственных построек перестал использоваться с середины XX в., когда произошел окончательный переход от ручной обработки зерна к машинной, в сельском хозяйстве появились комбайны, и современные пожилые представители самарских говоров описывают их по памяти.

У восточных славян овины имели не только хозяйственное, но и культовое значение. С ними связано представление о мифологическом персонаже *овиннике*, оберегающем постройку и хранящийся в ней хлеб от пожара и порчи [10, с. 335–336 ; 11, с. 248].

### 3. Наименования снопосушилен в говорах Поволжья.

Несмотря на то, что обозначаемые реалии давно перестали существовать, их наименования, слова *овин* и *рига*, фиксируются регулярно как в архивных материалах, так и в ответах на программу-вопросник «Лексического атласа русского языка» (ЛАРНГ), записанных в экспедициях от носителей русских говоров самарского Поволжья в течение последних пятнадцати лет.

На всей территории самарского Поволжья, менее регулярно в степной части и почти повсеместно в лесостепных районах и на Самарской Луке, фиксируется слово *овин* ‘постройка, служившая для сушки хлебных снопов перед молотью’. В самарских говорах этот вид хозяйственных построек чаще всего имел название *овин*, реже – *рыга* или *рига*. *Овином* в самарских говорах называлось обычно крытое строение для сушки запасов необмолоченного зерна. Обычно овин строился в поле, состоял из *ямы*, или *ямника*, где разводился огонь, и настила из жердей (*колосников*, *полатей*, *навеса*), на которые складывали снопы для просушки. В других случаях над ямой на перекрытии устанавливалось деревянное сооружение из перекладин, позволяющее насаживать (*садить*) снопы над топкой, – *шиш*, или *шишовина*. Сушка снопов осуществлялась дымом, который поступал через отверстие в перекрытии (*дыру* или *душник*). В *яму* вел отдельный ход с дверцей – *лазейка*. Через лазейку подавалось топливо – солома или дрова. Истопник поддерживал огонь в яме, и это называлось *садить* (*стопить*) овин. *Рыга* отличалась от овина тем, что это было более основательное строение, в ней была устроена печь, либо курная, либо с дымовой трубой, и *колосники* для насадки снопов. Кроме того, *рига* находилась обычно возле гумна и имела большие размеры (15–20 м в длину,

4–5 м в ширину), поэтому тут же часто хранили необмолоченные снопы, мякину, соломку и молотили зимой.

В овин снопы хлеба подавались с *гумна*, поэтому данные строения часто располагались рядом. Гумно предназначалось для хранения и обмолота хлеба. Если гумно было открытое, то оно чаще всего называлось *током*, но если это была большая постройка с двускатной тесовой, соломенной или камышовой крышей, то в сочетании со снопосушильной она имела название *риги* (*рыги*).

В природно-климатических условиях степного Заволжья необходимость обустройства печей в ригах отпадала, что дополнительно усугублялось высокой пожароопасностью построек и дефицитом топлива. Крытые гумна и риги принадлежали обычно зажиточным хозяевам или строились в складчину.

Программа собирания сведений для ДАРЯ предусматривала разграничение наименований данного вида хозяйственных построек по способу сушки снопов. В тех случаях, когда собирателям удалось выявить отличительные признаки построек для сушки снопов, в говорах Поволжья установлены четыре основных типа таких построек:

1) *овин* – постройка, в которой сушка снопов осуществлялась при помощи открытого огня, который разводился в земляном углублении под основным помещением, *предовиньем* (*передовиньем*);

2) *рыга* (*рига*) – постройка с простейшей печкой, над которой возводились колосники для насаживания снопов;

3) *шиш* – вид простейшей постройки, приспособление для сушки снопов ямного типа с перекрытием из жердей в форме конуса;

4) *сушлы*, *поветь*, *сенница*, *сельница* и др. – надворная постройка, в которой под крышей на перекрытии из жердей сушились снопы.

Данные лексемы зафиксированы во второй половине XX в. в говорах костромского Заволжья, в нижегородских, ульяновских, саратовских, волгоградских говорах [11, с. 247, 334, 373 ; 12, с. 71 ; 4, карта № 16 ; 13, вып. 35,



с. 99–101]. В полном объеме значения и в соответствии с обозначаемой реалией они фиксируются в говорах Верхнего и Среднего Поволжья; чем дальше на юг, тем чаще встречаются производные лексические варианты наряду с указанием на отсутствие реалии. Например, в саратовских говорах слово *овин* – это элемент заключительного этапа свадебного действия, в южнорусских говорах Борского и Большечерниговского районов Самарской области оно тоже служило символическим обозначением заключительного эпизода последнего дня свадьбы, когда гуляют в доме жениха, а вечером жених разжигает костёр, через который прыгают все гости (*тушат овин*). В Хворостянском районе в прошлом существовал обряд сжигания *овина* – пучка соломы в доме невесты перед венчанием, чтобы она больше не возвращалась в родительский дом [14, с. 161].

В прямом соответствии с обозначаемой реалией слова *овин*, *рига*, *шиш* зафиксированы экспедициями в сёла Самарской Луки (западная часть Самарской области) в 40–70-х гг. прошлого века. Ср.:

*Овины* были вроде землянки. Там устроены полатки. Клали на них хлеб сушить. Если сырой, то в овине [сушат] (Сытовка Шигонского р-на).

*Овин*, это устраивался такой, как вам сказать, вроде погребца рылас яма, там был сведён свод из кирпича, это дли огня, по всей яме с аршин от земли колосники расставлены. Это жёрздки тоненьки, на них снопы ставились в стояка. А значит, печка то топилась, и делалось жарка в этой ямке. Там хлеб сох, жарился... Другое дело *шиш*, он устроен почти так же, только в нём под колосники летит прямо дым, иногда искорка – часто говорили: вон шиш спугнули. Сгорел, значит, шиш (Муранка Шигонского р-на).

*Рыга*, это выроют яму, настелют потолок, среди потолка сделают дыру и потом сделают такую *шишовину* деревянну из лесу, столбики с поперечинами, кругом от низу и до верху накладывают снопов и к этой, знаешь, яме подроят эдак выход, чтобы можно туды подлезть. Ну и брать

*солому и там её жесть, середе оставляют дыру и в эту дыру выходит дым сквозь снопов и там оне сушутся* (Узюково Ставропольского р-на).

В ряде сёл собиратели зафиксировали оба основных наименования постройки – и *овин*, и *рига*, но они либо обозначают различные постройки, либо употребляются как синонимы для обозначения построек одного вида. Чаще всего наблюдается семантическая дифференциация лексем *овин* и *рига*, основанная на разграничении построек по способу сушки снопов. Так, установлено, что *овином* называется строение для сушки снопов открытым огнем без колосников (полатей), а *рыгой* (*ригой*) – постройка с печкой и колосниками. Ср. замечание информанта: *Овин и рыга есть. Оне двух смыслов. Рыга – сарай, где вот хлеб сушут. В них только по-другому садют хлеб* (Усолье Шигонского р-на). *Рыга* строилась как конюшня или баня, в ней клали жерди, а на жерди снопы (Ольгино Ставропольского р-на).

Однако последовательного разграничения построек по способу сушки снопов по всем населенным пунктам нам получить не удалось. В некоторых селах слова *овин* и *рига* (*рыга*) зафиксированы как обозначения постройки для сушки снопов без семантической дифференциации (Старая Кармала Кошкинского р-на, Кирилловка Ставропольского р-на, Алакаевка Кинельского р-на и др.).

В отдельных случаях данные лексемы обозначали постройки разного хозяйственного назначения. Например, в с. Большая Лозовка Сергиевского р-на снопы сушили в овинах, а риги служили для хранения зерна, соломы, мякины: *Ток был. Возле току – рыга. Хлеб сбирали, молотили и туды, в рыгу*. В некоторых самарских селах *овином* называлась часть риги, именно та, в которой разводился огонь и шла сушка снопов хлеба. Например, в с. Смагино Шенталинского района постройка для сушки снопов называлась *ригой*, а её часть – *яма*, в которой устраивался *жарник* для сушки, – *овином*. Ср. аналогичный пример:

*Потом были рыги. Рыги стояли не у всех. Не у каждого. У нас, Корноуховых, –*

одна рыга. Мы вот в ней значит эт зимой молотили. Тогда не успевали хлеб молотить летом. Клади таки копны. И вот эти копны закроешь этой соломой опять же сверху так – и она стоит. Чтoб дожджом не мочило. А зимой, если надо хлеб тебе – значит в рыгу возишь. Садишь овин. Там яма была копана в земле. И вот над этой ямой сделан шиши из палков постановлен, и вот круг этого шиша кладёшь этот хлеб, снопы, наставишь их, наставишь, кладёшь кругом, а потом там топить. Есть в яму эту лазейка. Такая вот. Туда дров накладываешь и топишь. Была и печь, и было – не было. Просто была яма – и топились. Костёр разводили и топили (Старое Семенкино Клявлинского р-на).

Иногда овином называли постройку, в которой проходил весь процесс хранения и обработки сжатого и обмолоченного хлеба, ср.: **Овины** преже были. Там цепами молотили. Утром как встанешь на овине в шесть цепов и даёшь (Усолье Шигонского р-на).

Таким образом, нам удалось выявить следующие значения слов *овин* и *рига* в самарских говорах.

**Овин**, м. 1. Любая постройка для сушки снопов. 2. Постройка для сушки снопов в поле ямного типа, то есть без печки и колосников. 3. Яма, в которой разводился огонь при сушке снопов в риге. 4. Крытый ток для молотбы.

**Рыга, рига**, жс. 1. Постройка для сушки снопов с печкой и колосниками, то же, что и овин. 2. Постройка для обмолота хлеба зимой, а также для хранения обмолоченного, но не провеянного зерна, крытый ток. 3. Сарай для хранения сельскохозяйственного инвентаря, транспортных средств.

Многофункциональность постройки данного вида свидетельствует, на наш взгляд, о том, что данная реалия с утратой своего основного назначения некоторое время может использоваться для других хозяйственных нужд – для хранения соломы, сена, сельскохозяйственного инвентаря, транспортных средств, – сохраняя при этом своё первоначальное наименование. Ср.:

*Всё было в рыгах: рыдваны, рыдванки, телеги (Алтуховка Кинель-Черкасского р-на).*

Таким образом, в современных поволжских говорах слова *овин*, *рига* и *гумно* фиксируются независимо от типа говора и чаще всего служат обозначением многофункциональных хозяйственных построек в прошлом.

Локальными ареалами в русских говорах Среднего Поволжья представлена лексема *шиши* ‘конусообразный овин ямного типа’, которая обозначает постройку, характерную, по мнению этнографов, для разных народов, проживающих в Урало-Поволжье [9, с. 74]. В самарских говорах слово *шиши* отмечено в сёлах Кинель-Черкасского, Ставропольского, Шигонского, Кинельского, Клявлинского, Елховского, Челно-Вершинского р-нов – в говорах с преобладанием владими́ро-поволжской основы, в зоне активных межъязыковых контактов.

Наряду с широко распространёнными названиями построек для сушки снопов – *рига* и *овин* – в самарских говорах зафиксированы следующие единичные наименования: *сушиллы* (*сушилка*, *сушня*), *поветь*, *гумно*. Обозначаемые этими словами постройки могли быть весьма разнообразными с точки зрения устройства, среди них встречались приспособленные для сушки снопов постройки. Ср.: *Сушили снопы на гумне (Большая Глушица Большеглушицкого р-на).*

В ряде сёл Самарской области зафиксировано не только отсутствие реалии, но и отсутствие слова, употреблявшегося ранее для обозначения построек для сушки снопов. Это более характерно для южных районов области, где бытуют в основном позднепереселенческие говоры.

В некоторых селах специальных построек для сушки снопов нет, и не было в прошлом, однако слово *овин* известно. В ответах собирателей оно фигурирует как слово, обозначающее разновидность укладки снопов, позволяющую сохранять необмолоченный хлеб, наряду с другими: *кладь*, *одонь*, *буравчик* и т.д., например, в Приволжье Приволжского р-на, Васильевке Безенчукского р-на. Сохранились прямые

указания на это в комментариях к лексике: *У нас называются одонь, а не овин. У нас снопы складывались внутрё колосом, а жнивём наружу. Одонь делают потому, что у нас косят врассыпную (Утёвка Нефтегорского р-на).*

Известно самарским говорам и слово *клуня*, но оно, как и многие другие украинизмы, на нашей территории употребляется с трансформированным значением. Ср.:

**Клуня**, ж. 1. Небольшой сарайчик во дворе для мякины. 2. Маленький домик для жилья летом, летняя кухня, которое иногда приспособлялось для окотившихся овец, весной для цыплят, гусят. Употребляется редко, чаще говорят *кухня, кухнёнка*. *Клуня – это маленький домик, в нем устраивали столики, стояла кровать баушкина, печка там была большая (Мосты Пестравского р-на).*

#### **4. Значение диалектной лексики для изучения словарного состава любого языка.**

В процессе работы над тематическим словарем самарских говоров возникает проблема отбора слов. Стоит ли включать в словарь лексемы, обозначающие давно ушедшие реалии традиционного уклада сельской жизни, если сами носители говоров нечетко разграничивают разные виды построек, забывают названия их частей? Подобные устаревшие слова, на наш взгляд, должны включаться в словарь самарских говоров, поскольку они содержат ценную культурно-историческую информацию и употребляются в языке фольклора. К тому же следует учитывать, что нередко такие слова многозначны и в части значений являются общенародными, а в других значениях – диалектными. Словарные материалы будут существенным дополнением к картам атласов,

так как этнографические наименования нуждаются в подробном описании обозначаемой реалии, поэтому одной только лингвогеографической характеристики для таких слов бывает недостаточно.

К тому же подобный разряд слов является фактом сохранения в современных говорах восточнославянского лексического наследия. Основное наименование реалии в русских говорах, лексема *овин*, восходит к праславянской (восточнославянской) основе \*jēvin, продолжающему индоевропейский корень \*jēu-īn ‘хлебный, злаковый’ [15, вып. 8, с. 187]. Таково же происхождение лексем *евня* и *ёвня*. В словаре М. Фасмера у слов *рига, рей* устанавливается прибалтийско-финское происхождение, возможно, относящееся к эпохе балтославянского языкового единства [16, т. III, с. 482].

Сохранение этих лексем в говорах современных восточнославянских языков является показателем консервативных и динамических процессов одновременно. Диалектная лексика, характеризующаяся открытостью и подвижностью состава и своеобразным проявлением системных связей, служит хранилищем и транслятором этнокультурного опыта народа, межъязыковых и межэтнических контактов. Проявление этой очень важной экзистенциальной функции диалектной лексики прослеживается не только на исконно славянских территориях, но и на так называемых территориях позднего освоения русскими, к которым относится, в частности, территория Среднего Поволжья. Наличие инноваций, новых значений у слов, обозначающих реалии материальной культуры, и сосуществование архаической лексики является свидетельством жизни диалектного слова и показателем развития словарного состава языка.

\* \* \*

1. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / под ред. И.А. Попова, Т.И. Вендиной. СПб. : Наука, 2004. 304 с., 36 карт.
2. Сабурова Л.М. Сельскохозяйственные постройки для обработки и хранения зерна // Русские. М. : Наука, 1999. С. 99–128.
3. Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. М. : Наука, 1996. 375 с.
4. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Карты. Ч. 1. Лексика. М. : Наука, 1997.
5. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. М. : АН СССР, 1956. С. 3–462.
6. Очеретный А.Д. Названия построек и их частей в восточноподольских говорах украинского языка // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Воронеж, 11–16 сентября 1974 г.) : тезисы докладов. Воронеж, 1974. С. 246–248.
7. Гриценко П.Ю. Слобожанський говір // Українська мова : енциклопедія. Киев : Українська енциклопедія, 2000. URL: <http://litopys.org.ua/ukrmova/um169.htm>.
8. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Минск : АН БССР, 1965. 338 карт.
9. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991. 511 с.
10. Славянская мифология : энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М. : Международные отношения, 2002. 512 с.
11. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова ; М. : Книжный клуб «Книговек», 2015. 512 с.
12. Барашков В.Ф. Русские говоры Ульяновской области. Ульяновск : Ульяновский пед. ин-т, 1977. 79 с.
13. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой, С.А. Мызникова. Вып. 1–49. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2015.
14. Баженова Т.Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание : монография. Самара : СГСПУ, 2017. 190 с.
15. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачёва, А.Ф. Журавлёва. Вып. 1–39. М., 1974–2014.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986. 4 т.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ОПИСАНИЙ ПРИРОДЫ  
В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА**

**EXPRESSIVE FUNCTIONS OF NATURE DESCRIPTIONS  
IN V.M. SHUKSHIN'S SHORT STORIES**

© 2019

З.Н. Бакалова, Е.А. Краснова, В.С. Денисова

Z.N. Bakalova, E.A. Krasnova, V.S. Denisova

Антропоцентрическая парадигма обозначила выдвижение на передовой край филологической науки задачи анализа художественного текста в прагматическом ключе, выявление его языковой специфики, направляющей восприятие читателя и осознание им авторских интенций. Однако практика подобных исследований заметно отстает от теории. Это можно объяснить прежде всего объективными трудностями анализа внутренних текстовых отношений. Настоящая статья – опыт такого рода лингвопоэтического анализа. Ее цель – выявление художественных функций картин природы в рассказах В.М. Шукшина. Основным методом исследования выбран контекстуальный анализ языковых знаков как актуализаторов заложенных автором смыслов. Природа у Шукшина редко выступает просто фоном сюжетного действия. Каждое пейзажно-погодное описание связано с человеком – с действующими лицами и с личностью творца литературного произведения. Картины природы созвучны по настроению душевно-эмоциональному состоянию человека, или контрастируют с ним. В обоих случаях это значительно повышает выразительность повествования, акцентирует внимание читателя на подтекстных смыслах. Проанализированный материал позволил прийти к выводу, что описания природы в художественном пространстве рассказов В.М. Шукшина выполняют разнообразные функции: информативную, изобразительную, характеризующую, экспрессивную и эстетическую в их соединении друг с другом.

**Ключевые слова:** антропоцентрический подход; лингвопоэтический анализ; образы природы; пейзаж; гармония; контраст; информативная, изобразительная, характеризующая, экспрессивная и эстетическая функции; функции языковых знаков; подтекстные смыслы; В.М. Шукшин; рассказы.

Anthropocentric paradigm foregrounded pragmatic aspects of the fiction analysis, revealing their linguistic specific features and an author's intentions as objectives of philology. However, practical work unfolds faster than theory. This can be accounted for difficulties with analyzing inner textual relations. The article shares such experience of linguistic and poetic analysis. Its aim is to reveal the expressive functions of nature descriptions in Shukshin's stories. The main research method is the contextual analysis of linguistic signs as promoters of the author's messages. The nature in Shukshin's works is hardly ever just background of the main events. Every landscape and its description is connected with the story characters and their author. They serve as reflection of the characters' emotions – either match or contrast them. In any case this harmony contributes to raising the expressiveness of the text, reveals what is implicit. The authors conclude that nature descriptions in Shukshin's stories perform the following functions: informative, descriptive, characteristic, expressive and aesthetic in their convergence.

**Keywords:** anthropocentric approach; linguistic and poetic analysis; images of nature; landscape; harmony; contrast; informative, descriptive, characteristic, expressive and aesthetic functions; functions of linguistic signs; implicit meanings; V.M. Shukshin; short stories.

Последняя треть XX века в языкознании отмечена возникновением антропоцентрической системы взглядов, характеризующейся вниманием к субъектам и объектам речи литературного произведения: автору, персонажу и читателю. Возникла полипарадигмальная ситуация, то есть совмещение традиционной структурно-семантической парадигмы с новой, антропоцентрической. Термин «парадигма», введенный Т. Куном в 1960-х годах, подразу-

мевал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их речений» [1, с. 17]. Если структурно-семантический принцип анализа текстовых единиц отвечает на вопрос о том, **что** говорит человек (план содержания, семантика) и **как** он говорит (план выражения, структура), то антропоцентрический подход дополняет такое описание ответом на вопрос: **зачем** автор и его

действующие лица это делают? По формулировке Е.С. Кубряковой, антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что точкой отсчета в анализе тех или иных явлений выступает человек, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [2, с. 212]. Антропоцентрический принцип исследования поддержали многие авторитетные ученые: А. Вежбицка [3], В.З. Санников [4], Е.В. Падучева [5], Н.Ф. Алиференко [6], В.А. Маслова [7], Е.В. Урысон [8] и др.

Антропоцентрическая парадигма как методологический принцип исследования художественного текста касается не только персонифицированных образов – конкретных людей, героев повествования, но и образов неперсонифицированных, однако связанных с человеком, – природы и вещного мира. В силу своей сущности антропоцентрический подход тесно сопряжен с функционально-коммуникативным направлением, изучающим функции текстовых знаков. Настоящая статья написана именно с таких позиций. Ее цель – описательно-аналитическим методом выявить художественные функции образов природы в рассказах В.М. Шукшина в их взаимосвязи с личностью автора и личностями его героев. Образ понимается как «конкретная и в то же время обобщенная картина бытия, созданная при помощи вербальных средств и художественно композиционных приемов и имеющая эстетическое значение» [9, с. 44].

Теоретической основой анализа служит определение художественно-изобразительной сути картин природы в рассказах Шукшина как микроструктур в общей смысловой макроструктуре художественных текстов.

Повествовательная манера В.М. Шукшина характеризуется прежде всего лаконичностью: «Над чем бы ни работал Шукшин – рассказом, сценарием, фильмом, – он

был экономичен в средствах выражения, избегал излишеств и украшений, чуждался красоты, манерности изложений...» [10, с. 37] Кратки, немногословны и пейзажные зарисовки писателя. Г. Димисиану по этому поводу пишет: «По сравнению с Виктором Астафьевым, в прозе которого сибирская природа присутствует зримо и разнообразно, у Василия Шукшина та же природа сведена до минимума, в некоторой степени обезличена и чаще всего необходима автору для начала или завершения повествования, а также для увязывания между собой отдельных эпизодов» [цит. по: 11, с. 92–93]. Мы не согласны с таким утверждением. Умение несколькими фразами, не вдаваясь в излишнюю описательность, создать картину, полную содержания и эмоций, – отличительная черта художника, в равной степени наделенного талантами писателя, сценариста, актера и режиссера. «Экономия изобразительно-выразительных средств не является ни “минусом”, ни “минус-приемом” шукшинской поэтики, а одним из стилевых признаков нового “кинолитературного” письма» [11, с. 93]. «Отсутствие приемов пространных описаний и развернутых рассуждений заменяется точностью и четкостью построения каждого плана повествования, превращая его в законченный кадр», обеспечивая особую кинематографичность повествования [12, с. 170]. В таких условиях каждое языковое средство приобретает «вес» – значимость для интерпретации текстовых смыслов.

Природа в рассказах Шукшина, по нашему мнению, глубоко антропоцентрична. Ее состояния – своего рода маркеры мыслей, идей, чувств писателя и его персонажей. Стремясь проникнуть в интенции писателя, читатель должен их раскодировать. Такое осознание в определенной мере дает возможность понять личность писателя и особенности творческого освоения им фрагментов реальной жизни.

Обычно природа и человек созвучны. Так, в рассказе «Солнце, старик и девушка» картина угасающего дня словно подчеркивает естественность конца жизни состарившегося мужчины. *«Только вечерами*

наступала прохлада. И тогда на берег стремительной реки Катунь выходил древний старик, садился всегда на одно место – у коряги – и смотрел на солнце» [13, с. 25]. «Солнце коснулось вершин Алтая, и стало медленно погружаться в далекий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчетливее рисовались горы. <...> А в долине – между рекой и горами – тихо угасал красноватый сумрак. И надвигалась от гор задумчивая мягкая тень. Потом солнце совсем скрылось за острым хребтом Бубурхана, и тотчас оттуда вылетел в зеленоватое небо стремительный веер ярких лучей. Он держался недолго – тоже тихо угас» [13, с. 27]. Медленно, не спеша надвигается сумрак, так же постепенно уходят силы, годы, угасает человеческая жизнь. Эта постепенность выразительно передана обилием глаголов прошедшего времени несовершенного и совершенного вида (*старик выходил, садился, смотрел; солнце уходило, скрылось; горы рисовались; сумрак угасал; мягкая тень надвигалась* и пр.). Предикативы рисуют закат на берегах реки, где старик прожил свой век. Анафорические союзы, отдельно маркируя художественные детали, одновременно соединяют их в целостный образ.

В рассказе «Земляки» главное лицо – тоже простой человек, способный воспринять и осознать красоту родных мест. Рано утром он идет на покос, и нет для него милей работы, чем косовица: «...долину с трёх сторон обступали молчаливые горы. Вольный зелёный край. <...> Там бьют из земли, из ржавой, жирной, светлые, студёные ключи. И вкусна та вода! <...> Тут сам не поймёшь – зачем была дана эта непосильная красота? <...> Легко парила земля. Испарина не застилала свет, она как будто отнимала его от земли и тоже уносила вверх. Листья на берёзах в окошках пообсохли, но еще берегли молодую нежность – жарко блестели. Огромную тишину утра тонко просвистывали невидимые птицы» [13, с. 353–354]. Это видение не только вымышленного действующего лица, но и самого автора. Слова небанальные, неизбитые, нетрадиционные. Чего стоит одно экспрессивное словосочетание «непосильная

красота» – неожиданная, глубокая, прочувствованная метафора. Оригинальны и идущие от души эпитеты – «молчаливые горы», «вольный зелёный край», «молодая нежность», «огромная тишина». Все реалии как бы олицетворяются тем, кто их видит. Трудно не оценить и необычность глагола в детали общей картины «огромную тишину тонко просвистывали невидимые птицы».

Похожее по силе поэтической чувственности является описание Шукшиным реки Катунь: «Катунь в этом месте вырвалась на волю из каменных теснин Алтая, разбежалась на десятки проток, прыгает, мечется, ревет... Потом, ниже, она несколько успокаивается, круто заворачивает на запад и несётся дальше – через сорок километров она встретит свою величавую сестрицу Бию и умрёт, породив Обь» («Село родное») [14, с. 351–352]. Любимая река воспринимается как живое существо, и ощущать ее таким образом может только человек с большим равнодушным сердцем и творческим воображением. На ее берега приходят герои многих рассказов писателя. Катунь олицетворяет собой быстрое движение жизни и является частью места, где ощущаешь себя дома. Особенно важна река оказывается для персонажей, покинувших малую родину: она стала «связующим звеном между прошлой жизнью, оставшейся незабытой в подсознании героя, и новой, городской» [15, с. 297]. Налицо автобиографический мотив: «Я вырос на ней [на реке. – авт.], привык слышать днем и ночью ее ровный, глуховатый, мощный шум... Теперь не сидеть мне на ее берегах с удочкой, не бывать на островах, где покойно и прохладно, где кусты ломаются от всякой ягоды...» [13, с. 363] («Из детских лет Ивана Попова»). Некоторая гиперболизация образа оправдана отношением автора к месту, в котором прошли детство и юность [16 ; 17].

Природа в рассказах может выступать молчаливым «свидетелем» человеческой жизни, перипетии которой разворачиваются на ее фоне. В рассказе «Нечаянный выстрел» речь идет о молодом сельском парне с «внимательными умными глазами».

«И случилось то, – напишет автор, – что случается со всеми: Колька полюбил» [13, с. 206]. «А над деревней синим огнем горело июльское небо. В горячих струях воздуха мерецилась сказка и радость. В воду рек опрокидывались зори и тихо гасли. И тишина стояла ночами... И сладко и больно сжимала грудь эта тишина» [13, с. 207]. Но был Колька с детства увечным, калекой на костылях, и понравившаяся ему девушка выбрала другого. Он «плакал, уткнувшись в подушку», а потом «снял со стенки ружье»... Концовка не трагична. Колька поправился, смирился: «Через пару недель он уже сидел в кровати и ковырялся пинцетом в часах – сосед по палате попросил поглядеть. В окно палаты в упор било яркое солнце. Августовский полдень вызывал за окнами светлую тихую музыку жизни» [13, с. 212]. Жизнь продолжается, как бы утверждает природа за автора.

В развязке рассказа «Охота жить» противоположная ситуация. «Повалил вдруг снег большими густыми хлопьями <...> Тихо шуршал в воздухе сырой снег» [13, с. 230]. Засыпал этот снег... мертвое тело старого егеря – хозяина таежных просторов, убитого подлым выстрелом в спину. Природа и тут «свидетель», но теперь совершенно другого события: преступления спасенного, поднявшего руку на своего спасителя. И еще раз природа под пером писателя обретает возможность «говорить». Никитич, спасая беглого зека, советовал ему идти по тайге так, чтобы солнышко светило слева. Но убийца пробирался по тайге, повернувшись к солнцу спиной. Подтекстный смысл достаточно ясен: он не дойдет, погибнет [18]. По законам художественности, автор не может сказать напрямую, что судьба преступника накажет, это «договаривает» деталь пейзажа.

Природа родного края способна спасти человека от горя и тоски. Степан Воеводин (рассказ «Степка») совершил неразумный в глазах односельчан поступок: сбежал из тюрьмы за три месяца до освобождения. Сбежал, чтобы увидеть родных людей и родное село хоть на денек. А там уже легче сидеть даже и увеличенный срок. «В такой-то задумчивый хороший вечер,

минувя большак, пришел к родному селу <...> И стал смотреть на деревню. <...> Долго сидел так, смотрел. Потом встал и пошел в деревню» [13, с. 186]. Не раскрывая до конца смысла описания весеннего пейзажа (что видел, почему смотрел, о чем думал, на какие мысли наводили родные места?), В.М. Шукшин дает читателю возможность самому почувствовать значимость родных мест, без которых невозможно переживание свободы и счастья.

В рассказе «Сураз» (что означает «незаконнорожденный») природа и человек противопоставлены. Его заглавный герой – молодой сильный парень, привыкший куражиться и побеждать в жизни, вдруг получает оскорбительный с его точки зрения отпор от мужа приглянувшейся ему молоденькой учительницы. Пережить это «унижение» Спирька-сураз не смог и постановил убить мужа, но потом, поразмыслив, решил свести счёты со своей непутёвой жизнью на лесной полянке неподалеку от села. На полянке было красиво: «Маленькие хозяева лесные посвистывали, попискивали, чирикали где-то в кустах. Пара красавцев-дятлов, жуково-чёрных, с белыми фартучками на груди, вылетели из чащи, облюбовали молодую сосенку, побегали по ней вверх-вниз, помелькали красными хохолками, постучали, ничего не нашли, снялись и низким лётном опять скрылись в кустах. <...> Здесь тоже есть цветочки. Вот они: синенькие, беленькие, жёлтенькие... Вон саранка цветет, вон медуница... А вон пучка белые шапки подняла вверх. Спирька любил запах пучки. Встал, сорвал тугую горсть мелких белых цветочков, собранных в плотный, большой, как блюдо, круг. Сел опять на пенёк, растёр в ладонях цветки, погрузил лицо в ладони и стал жадно вдыхать прохладный, сыровато-терпкий, болотный запах небогатого неяркого местного цветка. Закрыв ладонями лицо <...> Спирьку нашли через три дня в лесу, на весёлой полянке. Он лежал, уткнувшись лицом в землю, сцепившись руками в траву. Ружьё лежало рядом» [13, с. 479-480]. Подробно описанная красота природы как бы восстаёт против бредового, дикого, абсурдного поступка – самоубийства человека во



цвете лет, поводом чего было всего-навсего оскорблённое самолюбие.

В других ситуациях пейзажные зарисовки тоже противоречат эмоциональному состоянию человека. В рассказе «Раскас» атмосфера весны, радостного времени любви, лишь усугубляет горе брошенного мужа, от которого неожиданно и оскорбительно ушла жена: *«Стояла весна, и от этого еще хуже было на душе: холодно и горько. <...> он любил весну, когда она только-только подступала, но уже вовсю чувствовалась даже утрами, сердце сладко поднывало – чего-то ждалось. Весны и ждалось. И вот она наступила, та самая – нагая, раздрыганная и ласковая, обещающая земле скорое тепло солнце... Наступила... А тут – глаза бы ни на что не глядели»* [13, с. 334]. Сочетание «И вот» обещает что-то новое, интересное, заманчивое, какой-то поворот событий жизни. «А тут» в тексте рассказа – полное противоречие этому. И-детали несли было надежду (весны и ждалось. И вот она наступила). Слово «а» с его текстовой семантикой несоответствия ожидаемому надежду на счастье убило. Яркие штрихи картины пробуждающейся жизни резко диссонируют с душевным состоянием обманутого, преданного самым близким человеком героя, активизируя эмоциональный фон повествования.

Пейзажные зарисовки помогают автору подчеркнуть какой-то важный мотив или даже привлечь внимание читателя к основной теме. Рассказ «Двое в телеге» начинается с описания надоедливой холодной дождя: *«Дождь, дождь и дождь... Мелкий, назойливый, с легким шумом сеял день и ночь. Избы, дома, деревья – все намокло»* [14, с. 7]. Дождь бесконечен, на что указывает многоточие. *«Двое вымокли до основания и сидели, понуриив головы»* [14, с. 7]. В противопоставление этой невеселой картине – обрисовка уютного домика пасечника: *«Над избушкой струился синий дымок, растягиваясь по березняку слоистым голубым туманом. В маленьком окошке светился огонек. Все это очень походило на сказку»* [14, с. 8]. Эта избушка становится для героини (она фельдшер и едет за лекарствами) не чем иным, как искушением: вместо

того, чтобы продолжать путь навстречу ждущим ее больным людям, она сначала готова остаться на ночь в этом уютном мирке... Шукшин умело обостряет конфликт. С одной стороны, долг, обещание, а с другой – усталость, непогода, недовольство спутника. В момент кульминации сомнений Наташа выбегает под дождь. Контраст света и тьмы усиливается. Вокруг – ночь, бесконечный дождь, а рядом спасительный желтый квадрат света из окна. Но выбор героиней сделан – решительно и бесповоротно. Соблазн преодолён. Долг побеждает. Люди продолжают путь.

В рассказах «Из детских лет Ивана Попова» и «Далёкие зимние вечера» на первый план выходит историческая действительность. Природа описана таким образом, что становится ясной приметой времени действия, выполняя информационно-характерологическую функцию: *«В войну, с самого ее начала, больше всего стали терзать нас, ребятишек, две беды: голод и холод. Обе сразу наваливались, как подступала бесконечная наша сибирская зима со своими буранами и злыми морозами»* («Из детских лет Ивана Попова») [13, с. 368]. С помощью антропоморфных метафор время года персонафицируется и выступает в виде врага. Зима – серьезный, сильный противник («бесконечная»), совершающий наступательные действия («терзать»), которому сложно противостоять, ведь на его стороне сильные союзники (*холод, бураны, злые морозы*) [19]. Герои рассказа «Далёкие зимние вечера» – мать с сынишкой – отправляются в лес. *«В лесу зато тепло и тихо. <...> Стройные берёзки молча обступили пришельцев и ждут»* [13, с. 51]. Суффикс -к- с уменьшительно-ласкательным значением и олицетворение берёзок («обступили и молча ждут») создают поэтический образ живого насторожившегося леса. И причина этой настороженности – военное время. Связь с человеком очевидна и тут. Женщина с детьми пытается выжить в лютые сибирские морозы. Ей приходится рубить на дрова любимую берёзку. Ванька *«ударил обухом по её звонкому крепкому телу»* (снова олицетворение). Мать, *«скинув рукавицы, делает первый удар, второй, третий... Бе-*

*рѣзка тихо вздрагивает и сыплет крохотными сверкающими блестками. Сталь топора хищно всплѣскивает холодным огнѣм и раз за разом всё глубже вгрызается в белый упругий ствол. <...> Берѣзка охнула и повалилась набок» [13, с. 51].*

Природа просто как фон сюжетного действия встречается у Шукшина редко. Пожалуй, примером может служить рассказ «Беседы при ясной луне». Его содержанием служит дежурство главной героини Марьи – пожилой женщины, которая всю ночь сидит у окна парикмахерской и таким образом сторожит сельский магазин. К ней приходит пообщаться старик Баев. Они разговаривают, вспоминая прежние времена, варят картошечку, коротая долгое ночное время. Беседы проходят на фоне мартовского пейзажа – лунный свет, ледок... Картина ночи красива. Собеседники любят луну, такой огромной, будто ее «на веревке спустили сверху» [14, с. 646], дышат весенним свежим воздухом, но природа не влияет на ход человеческих событий, здесь она – лишь эффектный фон служебного дежурства, пейзажная деталь рабочего временипрепровождения, ее функция здесь сугубо изобразительная.

Есть описания, которые бесстрастны только на первый взгляд. Например, разбушевдалась природа, оставив без еды бригаду лесорубов: «С гор сорвался упругий, злой ветер, долина загудела. Лежалый снег поднялся в воздух, сделалось темно. Двое суток на земле и в небе ревели, выло. Еще не старые, крепкие на вид лесины начинали вдруг с криком клониться и медленно ложились, вывернув рваные корни. В лесу отчаянно скрипело, трещало» (рассказ «Начальник») [13, с. 281]. Но и здесь ничто не останется без оценки. Люди выстоят. Двое молодых с риском для жизни, усталые и промокшие, еле живые, все же пробьются на поломанной машине с запасом продуктов. Налицо параллелизм между неуемной мощью природы и силой духа человека, который стремится выполнить свой долг.

Подводя итог, отметим, что пейзажные вкрапления В.М. Шукшина «рѣдки, но метки». Каждое из них – не просто картин-

ка, а воплощение добавочных существенных антропоцентричных смыслов. Диапазон этих смыслов достаточно широк. Зарисовки несут, как правило, какую-то идею, отражают особое видение жизни самим автором, помогают раскрыть образы героев, их психологию, жизненные установки и устремления, эмоциональные реакции и пр. Зачастую описания природы – это текстовые приращения, подтекстные сигналы читателю, как, например, чувство долга женщины-фельдшера в оценке автора («Двое на телеге»). Почти все пейзажные этюды экспрессивно насыщены («Сураз», «Раскас»). А порой природа и вовсе почти полноценный персонаж повествования («Степка»).

Функции описаний природы у В.М. Шукшина разнообразны: информативная, изобразительная, характеризующая, психологическая, экспрессивная и эстетическая. Последняя понимается двояко: как «целостность созерцаемого, его полнота и неизбыточность (“ни прибавить, ни убавить”), именуемая часто красотой» (объективная основа эстетического), и «эмоциональная рефлексия», способность человека к «переживанию переживаний» (субъективная основа) [20, с. 464], или говоря иначе – как способность оказывать воздействие на читателя и создавать, формировать красоту [21]. Обычно функции пейзажных зарисовок совмещаются, но превалирует какая-то одна.

Какой бы приоритетной ни была художественная роль природы – изображение человека, с ней связанного, конкретной ситуации, акцентировка мотива или просто фона развития действия, – природа нарисована ярко, впечатляюще, выразительно, мастерски. В большинстве своём такое представление связано с содержанием рассказа по принципу гармонии, реже – контраста. Первопричиной такого внимания служит любовь В.М. Шукшина к Родине, с детства любимому алтайскому краю с его неповторимыми, завораживающими пейзажами. В этом не только описательная, но и воспитательная роль изображения природы у Шукшина – преданного сына России.

\* \* \*

1. Кун Т. Структура научных революций // Актуальные проблемы современной лингвистики : учебное пособие / сост. Л.Н. Чурилина. 4-е изд. М. : Флинта : Наука, 2009. С. 17–41.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука в конце XX века. М. : ОГУ, 1995. С. 144–238.
3. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы». Введение / пер. с англ. А.Д. Шмелева // Семиотика. М. : Радуга, 1983. С. 225–252.
4. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М. : Наука, 1989. 266 с.
5. Падучева Е.В. Эгоцентрическая семантика союзов А и НО // Славянские сочинительные союзы. М. : РАН, Институт славяноведения и балканистики, 1997. С. 36–47.
6. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2009. 416 с.
7. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. 272 с.
8. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М. : Языки славянских культур, 2011. 336 с.
9. Борисова Е.Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод : монография. Самара : ПГСГА, 2010. 356 с.
10. Горн В.Ф. Характеры Василия Шукшина. Барнаул : Алтайское книжное изд-во, 1981. 248 с.
11. Хворова Л.Е., Цзявэнь С. Синтез искусств в прозе В.М. Шукшина (на примере киноповести «Калина красная»). Ретро-взгляд из эпохи 1960–1970-х годов // *Philologos*. 2018. № 38(3). С. 88–97.
12. Краснова Е.А. Роль сочинительных конструкций в обеспечении кинематографичности текстов рассказов В.М. Шукшина // Наука и культура России : материалы VIII междунар. науч.-практ. конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Самара : СамГУПС, 2011. С. 169–172.
13. Шукшин В.М. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. М. : Молодая гвардия, 1992. 558 с.
14. Шукшин В.М. Полное собрание рассказов в одном томе. М. : Эксмо, 2013. 944 с.
15. Стрыгина Е.Л., Гончаров П.А. «Кроваво-красный пылающий букетик»: человек и природа в прозе В. Шукшина // Экологическая педагогика: проблемы и перспективы в свете развития технологий Индустрии 4.0. : сборник материалов междунар. науч. школы. Мичуринск : Мичуринский государственный аграрный университет, 2017. С. 295–301.
16. Куляпин А.И. Катунь и Волга в мифогеографии В.М. Шукшина // Геопозитика писателей Сибири и Алтая : сборник науч. статей. Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2016. С. 127–135.
17. Логинова Е.Ю. Использование гиперболы в рассказах Василия Шукшина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2018. № 43. С. 56–67.
18. Бакалова З.Н., Бакалов А.С. Филологический анализ рассказа В.М. Шукшина «Охота жить» // Известия СНЦ РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2012. Т. 14, № 2–3. С. 702–705.
19. Бурмакова Е.А., Маругина Н.И. Антропоморфная метафора в художественном дискурсе (на материале автобиографических рассказов В.М. Шукшина) // Научный диалог. 2015. № 3(39). С. 29–45.
20. Тюпа В.И. Художественность // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. М. : Высшая школа, 2000.
21. Кожин А.Н. Язык художественной литературы как эстетически стимулируемая форма существования литературного языка // Кожин А.Н. Современный русский литературный язык: лексикология, стилистика, лингвопоэтика. М. : МГОУ, 2003. С. 138–164.

## ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕЙТ-ПРОИЗВОДНЫХ LEXICOGRAPHICAL PRESENTATION OF GATE-DERIVATIVES

© 2019

И.В. Гурова

I.V. Gurova

Статья посвящена изучению в лексикографическом аспекте *гейт*-производных – слов с интернациональным компонентом *-гейт* в значении 'скандал', выполняющим функции одного из членов межуровневого оморяда *гейт/-гейт*. Обосновывается необходимость создания словаря *гейт*-производных русского языка. Для достижения поставленной автором цели исследования – презентация некоторых аспектов лексикографирования слов с компонентом *-гейт* – решаются две задачи: 1) обобщается опыт описания *гейт*-производных в словарях различных типов; 2) определяются подходы к лексикографической параметризации языковых единиц при составлении словаря *гейт*-производных русского языка и ее способы. Представляются результаты анализа материалов 39 лексикографических изданий: толковых словарей, словарей новых слов, словарей иностранных слов, словаря композитов новейшего времени, словаря коннотативных собственных имен. Описывается 5 групп лексикографических параметров (эксплицитных и имплицитных) в соответствии с типами лингвистической информации о *гейт*-производных: 1) фонетико-орфографической информации; 2) семантической информации; 3) грамматической; 4) стилистической; 5) экстралингвистической. Лексикографическая презентация *гейт*-производных показана на материале разрабатываемого автором статьи словаря.

**Ключевые слова:** неологизмы; словари; толковые словари; словари новых слов; словари иностранных слов; словарь композитов новейшего времени; словарь коннотативных имен собственных; лексикографическое описание; лексикографический параметр; межуровневый оморяд *гейт/-гейт*; *гейт*-производные.

The article studies the lexicographic aspect of *gate*-derivatives – words with the international component *-gate* with the meaning 'scandal', performing the functions of one of the members of the interlevel homonymical series *gate/-gate*. The necessity of creating a dictionary of *gate*-derivatives of the Russian language is proved. To achieve the goal of the research – presenting some aspects of the lexicographic description of words with the *-gate* component – two problems are solved: 1) the experience of describing *gate*-derivatives in dictionaries of various types is generalized; 2) some approaches and methods for the lexicographic characterization of linguistic units are highlighted when compiling a dictionary of *gate*-derivatives of the Russian language. The results of the analysis of 39 lexicographical editions are presented: glossaries; dictionaries of new words; dictionaries of foreign words; a dictionary of modern composites; a dictionary of connotative proper nouns. Five groups of lexicographic features (explicit and implicit) are described in accordance with the types of linguistic data about *gate*-derivatives: 1) data in phonetics and spelling; 2) data in semantics; 3) data in grammar; 4) data in stylistics; 5) extralinguistic information. The lexicographical presentation of *gate*-derivatives is displayed as exemplified in the dictionary designed by the author.

**Keywords:** neologisms; dictionaries; glossaries dictionaries of new words; dictionaries of foreign words; dictionary of modern composites; dictionary of connotative proper nouns; lexicographical description; lexicographical parameter; interlevel homonymical series *gate/ -gate*; *gate*-derivatives.

Исследование и лексикографическое описание неологизмов относится к числу непреходящих проблем. Предметом научных дискуссий отечественных языковедов становятся вопросы определения содержания и объема понятия «неологизм»; установления соотношения понятий «неологизм» и «окказионализм», «окказиональные слова» и «потенциальные слова»; структурно-семантические особенности различных групп неологизмов; специфика лексикографической параметризации новых слов и др. [1–8].

В русле вышеназванных направлений неологических и неографических изысканий представляется актуальным изучение *гейт*-производных – слов с интернациональным компонентом *-гейт* в значении 'скандал', рассматриваемым в наших работах в качестве одного из членов межуровневого оморяда *гейт/-гейт* [см., например: 9].

Следует указать, что, по данным проведенного автором статьи в 2013–2017 годах исследования, русской лексикографией фиксируются *гейт*-производные в количестве 66 единиц. Анализ текстов печатных

и электронных СМИ за период с 1970-х годов по 2019 год, а также примеров из «Национального корпуса русского языка» позволил нам составить картотеку, насчитывающую 352 *гейт*-производные единицы, и обнаружить нарастание слов с компонентом *-гейт* в русском дискурсе. Полагаем, что лексикографическое описание всего корпуса *гейт*-производных является для лингвистической русистики насущной необходимостью.

Цель статьи состоит в презентации некоторых аспектов лексикографирования *гейт*-производных. Достижение этой цели предполагает постановку следующих задач:

– обобщение опыта представления *гейт*-производных в словарях различных типов;

– определение подходов к лексикографической параметризации языковых единиц при составлении словаря *гейт*-производных русского языка и ее способов.

Для решения первой задачи необходимо выявить лексикографические параметры, применяемые в словарях для презентации лингвистической информации о словах с компонентом *-гейт*. Заметим, что лексикографический параметр определяется в науке как «“квант информации о языке” в словарном представлении» [10, с. 42].

Аналізу были подвергнуты материалы 39 словарей, среди которых словари толковые, иностранных слов, новых слов, словарь композитов новейшего времени, словарь коннотативных собственных имен. При этом установлено, что только в 19 из них фиксируются слова с компонентом *-гейт*. Примечательно, что описание *гейт*-производных не дано «Русском толковом словаре» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной [11] и «Современном толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова [12]. Не подтвердилось также наше предположение о том, что слова с компонентом *-гейт* входят в словник словарей актуальной лексики Г.Н. Склярской [13 ; 14] и словаря «Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения» Г.Я. Солганика [15].

Следует подчеркнуть, что особую ценность для нашего исследования представили словари, созданные коллективом ученых (Н.З. Котелова, С.И. Алаторцева, Т.Н. Буцева, Ю.Ф. Денисенко, Е.А. Левашов, М.Ф. Найденышева, В.Н. Плотицын, М.Н. Судоплатова, Е.П. Холодова и др.) из Института русского языка АН СССР в г. Ленинграде (в настоящее время – Институт лингвистических исследований РАН г. Санкт-Петербурга). В этих изданиях реализуется идея типажности и серийности неологических словарей, принадлежащая Н.З. Котеловой [16].

Анализ словарей-ежегодников («словарных материалов») [17] и словарей-справочников по материалам прессы и литературы 1980-х и 1990-х годов «Новые слова и значения» («словарей-десятилетников») [18 ; 19 ; 20 ; 21] дал представление о различных стадиях бытования ряда *гейт*-производных: от обусловленного определенной коммуникативной задачей первоначального (хотя бы разового) употребления слова до воспроизводства его в речевом потоке (становления).

Оригинальным подходом к описанию *гейт*-производных отличается «Словарь коннотативных собственных имен» Е.С. Отина, в котором дана обширная ономастическая информация об ониме *Уотергейт* и его развитии в семантическом и словообразовательном направлениях [22, с. 359–371]. Интересно, что в этом словаре зафиксировано наибольшее (по сравнению с другими лексикографическими источниками) количество слов с компонентом *-гейт* – 50 единиц, распределенных по двум группам – транслитерированные заимствованные отконнотонимные образования («*бибигейт*», «*Казахгейт*» и др.) и отконнотонимные инновации, возникшие в самом русском языке («*Мариупольгейт*», «*нефтегейт*» и др.).

Приведем примеры словарных статей из разных типов лексикографических изданий.

«Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX в.»:

А) «**ЯНАЕВГЕЙТ**, а, м. Политический скандал вокруг выборов Г.И. Янаева в вице-президенты СССР (1991 г.) (публ.). Хотя депутаты и считают происшедшее серьезным государственным преступлением, называя его Янаевгейтом, последствия скандала будут, видимо, гораздо слабее. НГ 3.1.91. Родилось слово янаевгейт (по аналогии с Ирангейт) – в связи со скандальной историей выборов Янаева в вице-президенты. Филологический сборник: к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова, 1995.

– НГ 10.1.91 (первая попытка запустить «Я.» была хладнокровно подавлена), 3.9.91 («Я-а» больше нет. Это им [членам счетной комиссии] свежееиспеченный вице-президент был обязан «я-ом», изначально подмочившим его репутацию и на новом посту), 29.9.00 («я.» (не опровергнутые серьезно и официально обвинения в фальсификациях при повторном голосовании его [Г.И. Янаева] кандидатуры на пост вице-президента)). – НРЛ-91. – Г.. **Янаев** (имя собств.; советский партийный и государственный деятель) + ...**гейт** (политический скандал)» [21, с. 1354];

Б) «**РАШЕНГЕЙТ** и **РАШНГЕЙТ**, а, м. То же, что рашагейт (раша-гейт) (см.). Вслед за Березовским, Сосковцом, другими бывшими и действующими российскими сановниками и олигархами в числе фигурантов скандала, получившего уже в мире название *Рашнгейт*, оказался Роман Абрамович. КПр 4.9.99. Ряд СМИ уже высказал предположение, что в действительности Рашенгейт организован Примаковым через его каналы в спецслужбах. КПр 8.9.99. – Рашенгейт (рашнгейт) какой. Раскручивающийся маховик предвыборного Рашенгейта не щадит никого – перепало даже лидеру ЛДПР. МНов, 1999, 39.

– Рашенгейт: ПГ 3.9.99 (скандал, названный «р-ом», с каждым днем набирает все больше обороты); СР 9.9.99 («Р.» продолжает оставаться ведущей темой мировых СМИ) <...> – Англ. **Russiagate scandal**» [21, с. 523].

«Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний» Е.Н. Шагаловой:

«**КОЛЛОРГЕЙТ**, а, м. Политический скандал в Бразилии в 1992 г., связанный с именем президента Ф. Коллора де Мелло, обвиненного в коррупции.

Теперь то, что происходит в крупнейшей стране Южной Америки, называют «*коллоргейтом*». Скандал сильнейшим образом ударил по коллоровским реформам: правительство бездействует, под угрозой оказались программы, согласованные с МВФ, а также с трудом достигнутые договоры с кредиторами о пересмотре долговых обязательств <...> (Изв., 28.08.92)

Гейт, зиппергейт, ирангейт, картергейт, контрагейт, моникагейт, рейгангейт, трэвелгейт, урангейт, уайтуотергейт, уотергейт.

€ Англ. collorgate<**Collor** (de Mello) – президент Бразилии, 1990–1992 гг. + **-gate** (<Watergate ‘Уотергейт’>)» [23, с. 315].

«Словарь коннотативных собственных имен» Е.С. Отина:

«<...>**Чеченгейт**. От **Чечня**. Кризис имеет реальную возможность превратиться в *Чеченгейт* (из передачи телекомпания «Останкино», 1994 г., 10 дек., программа “Новости-плюс”)» [22, с. 369].

Анализ статей вышеназванных словарей позволил выделить 5 групп лексикографических параметров в соответствии с типом лингвистической информации, используемой при описании *гейт*-производных: 1) параметры фонетико-орфографической информации; 2) семантической информации; 3) грамматической; 4) стилистической; 5) экстралингвистической. Параметры представлены в словарных статьях как эксплицитно, так и имплицитно.

К эксплицитным параметрам, показывающим лингвистическую информацию в непосредственной, явной форме, отнесем ударение (компонент *-гейт* всегда ударный); указание на грамматический род существительного (м. р.); текст толкования;

варианты заголовочного слова (**РАШЕНГЕЙТ** и **РАШНГЕЙТ**); варианты написания (*рашагейт* и *раша-гейт*; «*Янаевгейт*» и «*янаевгейт*»); стилистическую характеристику (публицистическое); этимологическую и словообразовательную справку (Англ. collorgate < **Collor** (de Mello) – президент Бразилии, 1990–1992 гг. + **-gate** (<Watergate ‘Уотергейт’); иллюстрации, демонстрирующие синтагматические связи *гейт*-производных (Рашенгейт (рашнгейт) *какой*. *Раскручивающийся маховик предвыборного Рашенгейта не щадит никого – перепало даже лидеру ЛДПР*. МНов, 1999, 39.).

В число имплицитных параметров включим параметр морфологического членения и частеречной принадлежности. Параметр морфологического членения выявляется в ряду дериватов (*зиппергейт*, *ирангейт*, *картергейт*, *контрагейт*, *моникагейт*, *рейгангейт*, *трэвелгейт*, *урангейт*, *уайтуотергейт*, *уотергейт*). В случае отсутствия при *гейт*-производной единице помет (*сущ.*, *прил.*) вывод о лексикограмматическом классе делается на основании косвенной информации: окончание родительного падежа (-а) и грамматический род (*м. р.*) указывают на принадлежность слова к именам существительным.

Назовем экстралингвистические параметры: сведения о денотате, содержащиеся в толковании (например, указание на временную характеристику политического скандала вокруг выборов Г.И. Янаева в вице-президенты СССР – 1991 г.); знания о мире, представленные в иллюстративном материале (например, информация о последствиях коррупционного скандала в Бразилии).

Решение второй задачи (определение подходов лексикографической параметризации языковых единиц при составлении словаря *гейт*-производных русского языка и е способов) предполагает, прежде всего, выбор типа словаря, основного принципа составления, а также оптимальный отбор лексикографических параметров.

Разрабатываемый нами словарь относится, по Ю.Д. Апресяну, к активному типу

словарей [24, с. 331]: при сравнительно небольшом словнике (352 единицы) он предлагает максимально полную информацию о каждом слове, необходимую для правильного употребления его в речи. Согласно классификации С.И. Алаторцевой, это частный словарь новаций [4, с. 36]. Он составляется по тематико-алфавитному принципу. Слова с компонентом *-гейт* объединяются в 8 тематических групп: «Политика», «Государственная и муниципальная служба», «Экономика», «Спорт», «Культура», «Наука и образование», «Журналистика», «Религия». В каждой группе языковые единицы располагаются в алфавитном порядке. В целом сохраняется структура словарной статьи, принятая в серии словарей по материалам прессы и литературы 80-х и 90-х годов XX века «Новые слова и значения» [18 ; 19 ; 20 ; 21]. Параметры семантической информации дополнены указанием на тип неологизма (узуальный/неузуальный; собственно неологизм/эфемеризм); наличие синонимов, гиперонимов/гипонимов.

Проиллюстрируем сказанное примерами словарной статьи КУЧМАГЕЙТ (тематическая группа «Политика») и АНДРИЯНОВГЕЙТ (тематическая группа «Наука и образование») из нашего словаря. Подчеркнем, что в качестве заголовочных слов *Кучмагейт* и *Андрияновгейт* не употреблялись ни в одном из проанализированных нами лексикографических источников.

**КУЧМАГЕЙТ**, а, м, эфемеризм. Серия скандалов на Украине, связанных с обвинением Л. Кучмы и чиновников из его окружения в противоправных действиях; тейпгейт; Морозгейт (см.) (публ.). *Месяц спустя разразился «Кучмагейт», благодаря которому украинский президент превратился в чудовище, обезглавливающее мятежных журналистов*. Новый регион 2, 12.01.2004. *Истории по поводу Кучмы именуются то «Кучмагейтом», то еще каким-то гейтом, то «Кольчугагейтом». Источник понятен: «Уотергейт», история с Никсоном. Но Никсона сняли за то, что он допустил незаконную прослушку, Кучму же*

оппозиция пытается довести до импичмента (при полном сочувствии посла США Паскуаля), используя прослушки... Дни.ру. 30.10.2002. – Л.М. **Кучма** (имя собств.; 2-й президент Украины в 1994–2005 гг.) + ...**гейт** (скандал).

**АНДРИЯНОВГЕЙТ**, а, м, окказион.  
Скандал вокруг фальшивого списка научных публикаций Андрея Андриянова, директора Специализированного учебно-научного центра МГУ (публ.). См. диссер-гейт. С момента обнаружения несуществующих публикаций у Андрея Андриянова, тогда директора СУНЦ МГУ, началась эпопея «Андрияновгейта», в результате которой ученой степени были лишены

11 человек. Троицкий вариант. 07.10.2014. – А.В. **Андриянов** (имя собств.) + ...**гейт** (скандал).

Подведем итог исследования. Разрабатываемый нами частный словарь новаций представляет собой первую попытку описания всего корпуса *гейт*-производных 1970-х годов – 2019 года с учетом достижений отечественной лексикографии. Он относится к активному типу словарей; составляется в соответствии с тематико-алфавитным принципом. Полагаем, что одним из направлений дальнейших лингвистических изысканий может стать создание двуязычного словаря *гейт*-производных (на материале русского и английского языков).

\* \* \*

1. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М. : Наука, 1973. 152 с.
2. Калниязов М.У. Окказиональные и потенциальные слова в языке современной периодики (суффиксальные имена существительные) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 19 с.
3. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / отв. ред. И.А. Ширшов ; Адыгейский гос. пед. ин-т. Ростов-на-Дону : Ростовский ун-т, 1986. 156 с.
4. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русской неографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 40 с.
5. Алиева Г.Н. Аббревиатурные неологизмы современного русского языка конца 90-х годов XX – начала XXI века: семантико-деривационный аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 34 с.
6. Гарбовская Н.Б. Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006. 21 с.
7. Кадырова Л.Д. Гибридные неониминации в современном масс-медийном дискурсе: семантико-деривационный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2014. 20 с.
8. Иванян Е.П. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) / Е.М. Маркова, Л.В. Рацибурская, О.С. Иссерс, Ю.А. Мельник, И.П. Зайцева, Й. Сипко, М.В. Радченко // Русистика без границ. 2017. Т. 1, № 2. С. 156–159.
9. Гурова И.В. Гейт-производные: заимствованные vs. образованные на русской почве // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 3(24). С. 29–32.
10. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М. : Наука, 1981. 366 с.
11. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь: Ок. 35000 слов; 70000 словосочетаний. М. : Русский язык, 2002. 877 с.
12. Современный толковый словарь русского языка: Более 90000 слов и фразеол. выражений / РАН, Ин-т лингвист. исследований ; авт. проекта и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2001. 959 с.
13. Складаревская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М. : Эксмо, 2006. 1136 с.
14. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Г.Н. Складаревская (ред.). СПб. : Фолио-Пресс, 2002. 700 с.
15. Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения. М. : АСТ, 2008. 752 с.
16. Котелова Н.З. Словарь новых слов (50–80-е гг.). Содержание и состав словаря // Котелова З.Н. Избранные работы / РАН, Институт лингвистических исследований. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 222–240.



17. Новое в русской лексике : словарные материалы. 1986–1994 гг. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996–2008 (Новое в русской лексике : словарные материалы-86 / под ред. Н.З. Котеловой, С.И. Алаторцевой и Т.Н. Буцевой. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. 381 с. ; Новое в русской лексике : словарные материалы-87 / под ред. Н.З. Котеловой и Ю.Ф. Денисенко. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. 352 с. ; Новое в русской лексике : слов. материалы-88 / под ред. Е.А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. 420 с. ; Новое в русской лексике : словарные материалы-89 / под ред. Н.В. Соловьева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 370 с. ; Новое в русской лексике : словарные материалы-90 / под ред. Т.Н. Буцевой. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 674 с. ; Новое в русской лексике : словарные материалы-91 / под ред. Ю.Ф. Денисенко. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 606 с. ; Новое в русской лексике : словарные материалы-92 / под ред. Е.А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 212 с. ; Новое в русской лексике : словарные материалы. 1993 / под ред. Т.Н. Буцевой. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 447с. ; Новое в русской лексике : словарные материалы. 1994 / под ред. Ю.Ф. Денисенко. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 397 с.).

18. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / [Т.Н. Буцева и др.] ; под ред. Е.А. Левашова ; ИЛИ РАН. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.

19. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX в. В 3 т. Т. 1: А–К / сост. Т.Н. Буцева [и др.] ; ИЛИ РАН ; отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. 813 с.

20. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX в. В 3 т. Т. 2: Клиент-банк – Паркетный / ИЛИ РАН ; под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.), Е.А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 1389 с.

21. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX в. В 3 т. Т. 3: Паркомат – Я / ИЛИ РАН ; под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.), Е.А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 1356 с.

22. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М. : АТемп, 2006. 440 с.

23. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний. М. : АСТ : Астрель, 2009. 943 с.

24. Апресян Ю.Д. Теоретические основы активной лексикографии // Теория и история славянской лексикографии : научные материалы к XIV съезду славистов. М. : ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2008. 468 с. С. 375–385.

**КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ СЕМАМИ 'ЖИВОЕ' – 'НЕЖИВОЕ'  
И ГЕДОНИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКОЙ СРАВНЕНИЙ  
В РЕЗУЛЬТАТАХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА**

**THE CORRELATION BETWEEN SEMES 'LIVING' – 'NON-LIVING'  
AND A HEDONISTIC EVALUATION WHEN COMPARING  
AS PRESENTED IN THE RESULTS OF THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT**

© 2019

Е.П. Иванян, П.С. Иванова

E.P. Ivanyan, P.S. Ivanova

В статье проведен количественный и качественный анализ результатов ассоциативного эксперимента по установлению корреляции между семемами 'живое' – 'неживое' и гедонистической оценкой сравнений ольфакторного модуса перцепции. Анкета предполагает выявление у носителя языка частотной сферы-источника сравнения ольфакторного модуса перцепции. В анкете 27 стимулов составлены на основе трёх разных по гедонистической оценке глаголов ольфакторного модуса перцепции *благоухать, пахнуть, вонять* и девяти существительных *человек, животное, природа, растение, предмет, пространство, еда, абстракция, вещество*; среди стимулов выявляются семы 'живое' и 'неживое'. Каждый стимул включает сферу-мишень и признак сравнения. Выявлены частотные реакции по гедонистической оценке, определено стремление носителя языка к оценке запаха: аксиологически положительно, отрицательно маркированные и немаркированные сравнения. Рассмотрено соотношение сем в сфере-мишени и сфере-источнике сравнения 'живое' – 'живое', 'живое' – 'неживое', 'неживое' – 'живое', 'неживое' – 'неживое', 'живое' – 'живое' и 'неживое', 'неживое' – 'живое' и 'неживое'. Выявлена частотность сравнений с семой 'живое' и 'неживое' в тематических группах, возможность тавтологических сравнений, в которых сфера-мишень представлена словом с предметным значением, а сфера-источник – с понятийным.

**Ключевые слова:** сравнение; ольфакторный модус перцепции; ассоциативный эксперимент; гедонистическая оценка; семы 'живое' – 'неживое'; корреляция; модус перцепции; сема; сфера-источник; сфера-мишень; аксиологически положительно маркированное сравнение; аксиологически отрицательно маркированное сравнение; аксиологически немаркированное сравнение.

The article gives the results of the quantitative and qualitative analyses of the associative experiment on the correlation between semes 'living' – 'non-living' and hedonistic evaluation when comparing the olfactory mode of perception. The questionnaire is to identify where a native speaker's comparing the olfactory mode of perception comes from. In this 27 incentives are based on three verbs that illustrate the olfactory mode of perception, different in hedonistic evaluation: *to be fragrant, to smell, to stink* and nine nouns – *a human being, an animal, the nature, a plant, an object, space, food, abstraction, substance*; among the incentives semes 'living' and 'non-living' come to light. Every incentive includes the field target and the comparison mark. The paper identifies a native speaker's most frequent responses in terms of the hedonistic evaluation and their readiness for smell evaluation: axiologically positive, negative and mark-free. The authors analyze the semes correlation in the comparison of the field-target and field-source 'living' – 'living', 'living' – 'non-living', 'non-living' – 'living', 'non-living' – 'non-living', 'living' – 'living' and 'non-living', 'non-living' – 'living' and 'non-living'. They focus on the rate of comparisons with the seme 'living' and 'non-living' in theme groups, a possibility of tautological comparisons in which the field-target is a word with an object meaning, and the field-source is a word with a concept meaning.

**Keywords:** comparison; olfactory mode of perception; associative experiment; hedonistic evaluation; semes 'living' – 'non-living'; correlation; mode of perception; seme; field-source; field-target; comparison marked axiologically positively; comparison marked axiologically negatively; comparison with no axiological mark.

Ассоциативный эксперимент – это приём, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в предшествующем опыте [1]. Он применяется в целях экспериментального исследования субъективных семантических полей слов [2] и является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики [3].

В реакциях ассоциативного эксперимента можно выявить определённую устой-

чивость, так как они «являются индивидуальными в своей конкретности, и универсальными как принцип связи между стимулом и реакцией, и как тип ассоциирования» [4, с.1163]. Ассоциативный эксперимент актуален в наше время, так как является показателем современного состояния языка. Он применяется как в диссертационных работах [5 ; 6 ; и др.], так и в научных статьях [7–10 ; и др.].

Мы провели ассоциативный эксперимент для изучения современных употреблений сравнений ольфакторного модуса перцепции.

Ассоциативный эксперимент при изучении сравнений использовали С.В. Мамаева, Л.С. Шмульская, рассмотревшие сравнения, обозначающие деятельность мужчин и женщин [11], Чжао Цюе, выявивший национально-культурную специфику эталонов сравнения у носителей русского и китайского языков [12], Х. Хади Али, отметивший, в частности, что со временем происходит «разрушение устойчивости и стереотипности в области компаративных сочетаний») [13, с. 144]. Работы, посвященные изучению сравнений ольфакторного модуса перцепции с применением ассоциативного эксперимента, нам не известны.

Ассоциативный эксперимент проводился в октябре – ноябре 2018 года. В нем участвовало 412 человек, получено 9711 реакций. Участникам эксперимента предлагалось отреагировать на 27 стимулов. Им предлагались сферы-мишени сравнений по 9 тематическим группам («Человек», «Животное», «Природа», «Растение», «Предмет», «Пространство», «Еда», «Абстракция», «Вещество») и трем признакам, различающимся оценочным значением: *воняет, пахнет, благоухает*. Исходя из лексических значений глаголов (*благоухать* – «приятно пахнуть, издавать аромат» [14, с. 50], [15, с. 112]; *вонять* – «издавать вонь» [14, с. 96], «издавать вонь, дурно пахнуть» [15, с. 270]; *пахнуть*: «1. Издавать запах» [14, с. 496], «1. Издавать какой-л. запах» [16, с. 270]), к аксиологически положительно маркированным относим реакции к стимулу *кто-то/что-то благоухает, как...*, к отрицательно маркированным – *кто-то/что-то воняет как...*, к аксиологически немаркированным – *кто-то/что-то пахнет, как...* Отклонения в значении слова *пахнуть* у языкового носителя в сторону положительно/отрицательно маркированных не рассматриваем.

Отметим, что изучение оценки актуально для современной лингвистики [см.: 17–20].

**Количественная характеристика результатов ассоциативного эксперимента** представлена в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

**Количество реакций по тематическим группам**

Тематическая группа	Ненулевые реакции	Нулевые реакции
Человек	1185	51
Животное	1134	102
Природа	1174	62
Растение	1127	109
Предмет	1075	161
Пространство	1038	198
Еда	1068	168
Абстракция	859	377
Вещество	1051	185

Большее количество реакций получено по тематическим группам «Человек», «Природа», «Животное», меньшее – по тематическим группам «Абстракция», «Пространство», «Вещество». Это объясняется тем, что запахом обладают объекты, имеющие материальную оболочку, абстракция же нематериальна, а пространство и вещество имеют размытую материальную оболочку.

Таблица 2

**Количество реакций по признакам сравнений**

Признак сравнения, выражающий оценку	Ненулевые реакции	Нулевые реакции
Вонять	3239	469
Пахнуть	3288	420
Благоухать	3184	524

Большее количество ненулевых реакций составляют аксиологически немаркированные, то есть те, в которых носитель языка не стремится оценить запах, а только констатирует его сходство с каким-либо другим. Их оценочно маркированных реакций чаще используются отрицательно маркированные сравнения.

**Качественная характеристика результатов ассоциативного эксперимента.**

Обратим внимание, что при анализе учитывались реакции с повторяемостью не менее 20 раз.

Рассмотрим аксиологически отрицательно маркированные сравнения. К ним мы отнесли реакции: *Человек воняет, как... животное* (57), *свинья* (44), *человек* (24), *мусор* (22); *Животное воняет, как... животное* (59), *навоз* (22); *Природа воняет, как... мусор* (37), *грязь* (21), *природа* (21), *отходы* (20); *Растение воняет, как... растение* (22); *Предмет воняет, как... мусор* (24); *Еда воняет, как... еда* (22), *протухшая* (20); *Вещество воняет, как... химия* (44), *сера* (21), *сероводород* (20). На стимулы «*Пространство воняет, как...*» и «*Абстракция воняет, как...*» не получено реакций, повторяющихся 20 и более раз, на них носители языка дают неповторяющиеся или мало повторяющиеся реакции. Это свидетельствует, что в языке не закрепилось какое-либо отрицательно маркированное сравнение со словами «пространство» и «абстракция».

Отрицательно маркированными являются запахи животного, мусора, свиньи, химии и др.: *Воняет, как... животное* (116), *мусор* (83), *свинья* (44), *химия* (44), *человек* (24), *растение* (22), *навоз* (22), *еда* (22), *грязь* (21), *природа* (21), *сера* (21), *сероводород* (20), *отходы* (20), *протухшая* (20).

Рассмотрим аксиологически немаркированные сравнения. Реакции: *Человек пахнет, как... цветок* (84), *человек* (32), *духи* (29), *роза* (25); *Животное пахнет, как... животное* (56), *шерсть* (30), *природа* (23); *Природа пахнет, как... свежесть* (49), *лес* (32), *цветы* (21); *Растение пахнет, как... трава* (39), *цветок* (34), *растение* (28), *духи* (20); *Предмет пахнет, как... дерево* (49); *Пространство пахнет, как... воздух* (40); *Еда пахнет, как... еда* (48);

*Вещество пахнет, как... вода* (20). На стимул «*Абстракция пахнет, как...*» не получено реакций, повторяющихся 20 и более раз, значит, в языке нет закрепившегося немаркированного сравнения со словом «абстракция».

Немаркированными являются запахи цветка, животного, духов, свежести, дерева, и др.: *Пахнет, как... цветок* (118), *животное* (56), *духи* (49), *свежесть* (49), *дерево* (49), *еда* (48), *воздух* (40), *трава* (39), *лес* (32), *человек* (32), *шерсть* (30), *растение* (28), *роза* (25), *природа* (23), *цветы* (21), *вода* (20).

Рассмотрим аксиологически положительно маркированные сравнения. *Человек благоухает, как... цветок* (127), *роза* (52), *цветы* (31), *духи* (27); *Животное благоухает, как... шампунь* (26), *цветок* (26), *природа* (25); *Природа благоухает, как... цветы* (34); *Растение благоухает, как... цветок* (33), *роза* (28); *Предмет благоухает, как... духи* (35); *Вещество благоухает, как... духи* (35). На стимулы «*Пространство благоухает, как...*», «*Еда благоухает, как...*», «*Абстракция пахнет, как...*» нет реакций, повторяющихся 20 и более раз. Значит, в языке не закрепилось какое-либо положительно маркированное сравнение со словами «пространство», «еда», «абстракция».

Положительно маркированными являются запахи цветка, духов, розы, цветов и др.: *Благоухает, как... цветок* (186), *духи* (97), *роза* (80), *цветы* (65), *шампунь* (26), *природа* (25).

Частотность реакций (рассматриваемые семы 'живое' – 'неживое') по сфере-источнику сравнения представлена в таблице 3.

Таблица 3

**Корреляция между семами 'живое' – 'неживое' в сфере-источнике сравнений и гедонистической оценкой сравнений ольфакторного модуса перцепции (%)**

Гедонистическая оценка	С семой 'живое'	С семой 'неживое'	С семами 'живое' и 'неживое'	Итого
Аксиологически положительно маркированные сравнения	12%	20%	0,01%	32,01%
Аксиологически отрицательно маркированные сравнения	9%	24,96%	0,02%	33,98%
Аксиологически немаркированные сравнения	11%	23%	0,01%	34,01%
Итого	32%	67,96%	0,04%	100%

Из таблицы мы видим, что соотношение гедонистических оценок почти одинаковое. Среди аксиологически отрицательно маркированных сравнений более частотны с семей 'неживое', следовательно, запах неживого оценивается отрицательно.

Преобладают реакции с семей 'неживое'. Предполагаем, что это обусловлено тем, что носитель языка даёт реакцию, исходя из сем, содержащихся в сфере-мишени, то есть если сфера-мишень сравнения имеет сему 'живое', то и реакция (сфера-источник) будет содержать сему 'живое' и наоборот. В эксперименте же стимулов с семей 'неживое' (стимулы со сферой-мишенью *природа, предмет, пространство, еда, абстракция, вещество* – всего 18) в два раза больше, чем с семей 'живое' (стимулы со сферой-мишенью *человек, животное, растение*).

Рассмотрим корреляцию между семьями 'живое' – 'неживое' и гедонистической оценкой сравнений. Рассматриваем только три первые по частотности сферы-мишени и сферы-источники.

**1. Положительно маркированные сравнения** наименее частотны, значит, носителю языка сложно дать в реакции положительную оценку запаха.

1.1. Сфера-источник сравнения с семей 'живое'. Реакции: *Человек благоухает, как... цветок* (127), *роза* (52), *цветы* (31); *Растение благоухает, как... цветок* (33), *роза* (28), *цветы* (19); *Животное благоухает, как... цветок* (26), *растение* (19), *трава* (10), *человек* (10). Как видим, реакции на сферы-мишени *человек* и *растение* одинаковы (сферами-источниками являются *цветок, роза, цветы*), при этом отличаются от реакций на сферу-мишень *животное*. Живое сопоставляется с живым, часто с цветком.

1.2. Сфера-источник сравнения с семей 'неживое'. Реакции: *Еда благоухает, как... еда* (19), *вкуснятина* (8), *деликатес* (5), *выпечка* (5), *что-то вкусное* (5), *мясо* (5), *свежая выпечка* (5); *Вещество благоухает, как... духи* (35), *вещество* (11), *химия* (11), *парфюм* (6); *Пространство благоухает, как... свежесть* (17), *духи* (14), *природа* (13). Высоко число положительно

оцениваемых реакций на сферу-мишень *еда*, причем наиболее частотные реакции на стимул *еда благоухает, как...* относятся к тематической группе «Еда». Наиболее встречаемая реакция – *Еда благоухает, как еда*, где сфера-мишень и сфера-источник совпадают, в таком тавтологическом сравнении сфера-источник усиливает значение сферы-мишени. Совпадает реакция *духи* на стимулы сфер-мишеней *вещество* и *пространство*. Таким образом, неживое сопоставляется с неживым, часто с духами.

1.3. Сфера-источник сравнения с семей 'живое' и 'неживое'. Получена единственная реакция – *Человек благоухает, как... цветы и вечерняя прохлада*. В ней одна из сфер-источников названа формой существительного *цветы*, а другая – словосочетанием *вечерняя прохлада*. Возможность реакции на стимул разными единицами языка была предусмотрена: участникам эксперимента было необходимо ответить первым пришедшим в голову словом / словосочетанием / частью предложения. Например, *человек благоухает, как цветы / человек благоухает, как вечерняя прохлада / человек благоухает, как будто цветы сорвали вечером*.

**2. Отрицательно маркированные сравнения.**

2.1. Сфера-источник сравнения с семей 'живое'. Реакции: *Человек воняет, как... животное* (57), *свинья* (44), *человек* (24); *Животное воняет, как... животное* (59), *свинья* (19), *скунс* (13); *Растение воняет, как... растение* (22), *полынь* (18), *трава* (13). В отрицательно маркированных сравнениях с семей 'живое' частотны сферы-источники *животное, свинья*. Тавтологические сравнения *Человек воняет, как человек; Животное воняет, как животное; Растение воняет, как растение* более частотны, чем в положительно маркированных сравнениях. Данные реакции мы относим не к «эхо-реакциям» (которые возможны при ассоциативном эксперименте, когда стимулом является слово, а не сфера-мишень и признак сравнения), а к тавтологическим сравнениям типа *пень пнём, фазан фазаном*, содержащимся в словарях

сравнений. В данных сравнениях сферой-мишенью является предметное значение, а сферой-источником – понятийное.

2.2. Сфера-источник сравнения с семой 'неживое'. Реакции: *Вещество воняет, как... химия* (44), *сера* (21), *сероводород* (20); *Еда воняет, как... еда* (22), *протухшая* (20), *отходы* (16), *испорченная* (16), *мусор* (16); *Природа воняет, как... мусор* (37), *грязь* (21), *природа* (21), *отходы* (20). В отрицательно маркированных сравнениях с семой 'живое' частотна сфера-источник *мусор, отходы*. Чаше отрицательную маркированную реакцию носители языка дают на сферу-мишень *вещество*. Как видим, неживое сравнивается с неживым.

2.3. Сфера-источник сравнения с семой 'живое' и 'неживое'. Реакций всего две: *Природа воняет, как... никто и ничто*; *Еда воняет, как... сыр с плесенью*. Первая включает две равноправные сферы-источника – *никто и ничто*. Во второй сферы-источники соотносятся как часть и целое: сыр и плесень на сыре.

### 3. Аксиологически немаркированные сравнения.

3.1. Сфера-источник сравнения с семой 'живое'. Реакции: *Человек пахнет, как... цветок* (84), *человек* (32), *роза* (25); *Растение пахнет, как... трава* (39), *цветок* (34), *растение* (28); *Животное пахнет, как... животное* (56), *собака* (11), *человек* (10), *трава* (10). В немаркированных сравнениях с семой 'живое' живое сопоставляется с живым; частотны сферы-источники *цветок, трава, человек*, представлены тавтологические сравнения.

3.2. Сфера-источник сравнения с семой 'неживое'. Реакции: *Еда пахнет, как... еда* (48), *суп* (8), *вкусная* (7), *что-то вкусное* (7), *хлеб* (7); *Пространство пахнет, как... воздух* (40), *пустота* (9), *природа* (9), *свежесть* (9), *освежитель воздуха* (9), *духи* (8), *пыль* (8); *Предмет пахнет, как... духи* (18), *предмет* (18), *книга* (10), *бумага* (8). В немаркированных сравнениях с семой 'неживое' неживое сопоставляется с неживым, частотна сфера-источник *духи*.

3.3. Сфера-источник сравнения с семой 'живое' и 'неживое'. Реакция единственная – *Растение пахнет, как... трава с росой*. Она включает сферы-источники *трава* и *роса*.

Таким образом, рассмотрев корреляцию между семами 'живое' – 'неживое' и гедонистической оценкой сравнений ольфакторного модуса перцепции в результатах ассоциативного эксперимента, мы выявили следующее:

1) носители языка дали больше всего реакций на сферы-мишени тематических групп «Человек», «Природа», «Животное»; меньше – на стимулы, денотаты которых не имеют в представлении человека материальной оболочки или имеют размытую оболочку;

2) частотны реакции, содержащие аксиологически отрицательное сравнение с семой 'неживое' в сфере-источнике;

3) живое чаще сопоставляется с живым, неживое – с неживым;

4) сравнения с семой 'живое' частотны в реакциях на стимулы тематической группы «Человек»; положительно маркированные и немаркированные сравнения больше характерны для тематической группы «Растение», отрицательно маркированные – для тематической группы «Животное»; при положительной оценке кто-то сопоставляется с цветком, при отрицательной – с животным или свиньей;

5) сравнения с семой 'неживое' частотны в реакциях на стимулы тематической группы «Еда»; положительно маркированные и немаркированные сравнения характерны для тематической группы «Еда», отрицательно маркированные – для тематической группы «Вещество»; при положительной оценке что-то сопоставляется с едой, при отрицательной – с мусором или отходами;

6) частотны тавтологические сравнения, в которых сфера-мишень имеет предметное значение, а сфера-источник – понятийное.

\* \* \*

1. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента : монография. М. : РА-Каравелла, 2001. 320 с.
2. Денисенко В.Н., Чеботарева Е.Ю. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации : учебное пособие. М. : РУДН, 2008. 258 с.
3. Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ : БГУ, 2011. С. 6–9.
4. Выговская Д.Г. Ассоциативный эксперимент как один из методов в психолингвистике // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук : материалы 66-й науч. конференции. Челябинск : ЮУрГУ, 2014. С. 1157–1164.
5. Дмитриева М.Н. Семантика и ассоциативный потенциал наименований православных праздников в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 22 с.
6. Евсеева О.В. Отражение национально-культурной специфики языкового сознания в моделях ассоциирования (на примере глаголов эмоций английского, французского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 20 с.
7. Бескоровайная И.Г. Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагментов языкового сознания // Вопросы психолингвистики. М. : ИЯ РАН, 2004. № 2. С. 73–77.
8. Коршук Е.В. Социум в зеркале свободного ассоциативного эксперимента // Веснік БДУ. 2009. Серия 4, № 3. С. 47–50.
9. Соколов Р.В. Истоцаемость воспроизведений в тематическом ассоциативном эксперименте // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011. № 3. С. 24–34.
10. Сермягина Е.А., Поршнева А.С. Составление ассоциативного поля концепта «семья» в русском языке путем проведения свободного ассоциативного эксперимента // Физика. Технологии. Инновации : сборник науч. трудов. Екатеринбург : УрФУ, 2015. Вып. 1. С. 337–340.
11. Мамаева С.В., Шмульская Л.С. Сравнительные конструкции через призму гендерных различий // Успехи современного естествознания. 2011. № 9. С. 94–96.
12. Чжао Цюе. Исследование национально-культурной специфики эталона сравнения в психолингвистическом аспекте (на материале китайского и русского языков) // Вопросы психолингвистики. М. : ИЯ РАН, 2012. № 15. С. 205–207.
13. Хади Али Х. Характеристика человека в устойчивых стереотипных сравнениях в русском языке (по данным эксперимента) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж : ВГУ, 2008. С. 142–144.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : ИТИ Технологии, 2007. 944 с.
15. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. А – Й. / ИЛИ РАН ; под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1957. 964 с.
16. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. П – Р / ИЛИ РАН ; под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1959. 992 с.
17. Гоннова Н.В. Дериваты с оценочным компонентом в аспекте языковой игры // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С.В. Черновой : межвуз. сборник науч. трудов с междунар. участием. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2018. С. 50–56.
18. Гоннова Н.В. Оценочный компонент в словах с дефисным написанием (на примере царь-производных) // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире : материалы III междунар. науч.-практ. конференции, посвященной памяти профессора Леонида Михайловича Васильева и профессора Мусалии Галеевны Хайруллиной. Уфа : БашГУ, 2016. С. 37–42.
19. Иванян Е.П., Айтасова С.И. Семантика и функции коннотативных онимов в русском дискурсе // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы шестой междунар. науч.-практ. конференции. Самара : ПГСГА, 2011. С. 131–137.
20. Иванян Е.П. Метафоры педагогической речи: лингвоэкологический аспект // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов междунар. науч. конференции, посвящённой 85-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта / отв. ред. Н.Б. Самсонов. М. : МГОУ, 2017. С. 331–333.

**ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА  
В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ**

**NATIONAL CONCEPTS  
IN RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS**

© 2019

В.Л. Карякина, А.С. Гладышева

V.L. Karyakina, A.S. Gladysheva

Национальная языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их ключевых идей. К числу ключевых для русской языковой картины мира концептов относятся «правда» и «счастье». Каждый из данных концептов имеет полевою структуру, включающую ядерную составляющую, а также базовый и периферийные слои. Наиболее ярко представления о ключевых для каждого народа понятиях воплощаются в пословицах и поговорках, отражающих общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо, что можно и чего нельзя. В настоящей работе рассматриваются языковые средства репрезентации концептов «правда» и «счастье» в русских пословицах и поговорках и изучаются ассоциативные связи указанных понятий. Результаты исследования наглядно иллюстрируют традиционные представления русского народа о нравственных ценностях и заставляют задуматься об актуальности этих представлений в настоящее время.

**Ключевые слова:** языковая картина мира; концепт; поговорка; пословица; поговорки; полевая структура; правда; счастье; ядерная понятийная составляющая; когнитивные характеристики; базовые слои концепта; ассоциативное поле концепта.

National concepts are ideas with the historical background as presented in common people's minds and their language, the ideas that define the real phenomena of people's lives. There are core concepts and the ideas connecting them. The concepts "truth" and "happiness" rank among the key concepts for the Russian language. Each of these concepts has a structure that includes a core component, as well as the basic and minor layers. The most popular representations of the core concepts for every nation are illustrated by proverbs and short sayings. They bear fixed opinions about what is good and what is bad, what is allowed and what is forbidden. This article examines the linguistic means of representing the concepts "truth" and "happiness" in Russian proverbs and sayings and studies the associative links of these ideas. The results of the research provide the idea of the traditional moral values of the Russian people and give food for thought in terms of their relevance today.

**Keywords:** language view of the world; concept; idiom; proverbs; sayings; structure; truth; happiness; nuclear conceptual component; cognitive characteristics; basic concept layers; associative field of concept.

В отечественном языкознании интерес к изучению лингвокультурологии и языковой картины мира особенно ярко проявился в конце XX – начале XXI века. Это направление разрабатывает целый ряд отечественных исследователей: Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.В. Красных, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Е.В. Урысон [1–10]. Изучению русской языковой картины мира посвящены работы Анны А. Зализняк [11], И.Б. Левонтиной [12], А.Д. Шмелёва [13], Л.Е. Весниной [14], Н.А. Румеус [15] и др.

Национальная языковая картина мира, по определению Анны Андреевны Зализняк, – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности [16].

Как отмечают многие исследователи, языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их ключевых идей (или сквозных мотивов). Согласно словарю, «концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и язы-



ка мозга, всей картины мира, квант знания» [17, с. 90]. Каждый из данных концептов имеет полевою структуру, включающую ядерную составляющую, а также базовый и периферийные слои.

В.А. Маслова выделяет группы ключевых для русской языковой картины мира концептов: 1) мир – пространство, время, родина и др.; 2) стихии и природа – вода, огонь, дерево, цветы; 3) представления о человеке – интеллигент, гений, дурак, юродивый, странник; 4) нравственные концепты – совесть, стыд, грех, правда, истина, искренность; 5) социальные понятия и отношения – свобода, воля, война и т.д.; 6) эмоциональные концепты: счастье, радость; 7) мир артефактов – храм, дом, сакральные предметы (колокол, свеча и др.); 8) концептосфера научного знания – философия, филология, математика и т.д.; 9) концептосфера искусства – архитектура, живопись, музыка, танец и т.д. [18].

Среди слоев языковой картины мира, отражающих ее специфику, выделяется паремический, включающий специфичные для той или иной лингвокультуры фразеологизмы, пословицы и поговорки. Именно паремия в значительной степени отражает свойственные данной языковой картине мира общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо, что можно и чего нельзя.

Целью настоящей работы является исследование особенностей отражения в русских пословицах и поговорках народных представлений о понятиях «правда» и «счастье».

К числу основных лексических значений слова *правда*, указанных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, относятся следующие: 1) истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость; 2) честность, неподкупность, добросовестность; 3) правдивость как качество человека или как принадлежность понятия или рассказа, описания чего словами, полное согласие слова и дела, истина, противопол. *ложь* [19].

Данные лексические значения образуют ядерную понятийную составляющую

концепта *правда*, представленному в целом ряде русских пословиц и поговорок: *Вся правда в счете; Была правда когда-то, да извелась (излежалась); Была, сказывают, и правда на свете, да не за нашу память; Где честь, там и правда* [20].

К базовым слоям концепта *правда* можно отнести дополнительные когнитивные характеристики, в число которых входят:

- 1) степень значимости правды в жизни человека;
- 2) оппозиция «правда – ложь (кривда)»;
- 3) корреляция «правда – деньги»;
- 4) реакция адресата речи на правду;
- 5) уместность открытия правды в той или иной ситуации общения.

Рассмотрим репрезентацию каждой из перечисленных характеристик в русской паремии.

Так, в русских пословицах и поговорках отражено представление народа о важности правды для человека. О том, что это нравственное понятие – одно из ключевых для русского мировосприятия, свидетельствуют такие пословицы, как *Правда из воды, из огня спасает; Без правды житьё – вставши, да за вытьё; Не в силе Бог, а в правде* [20]. В отдельных случаях отмечается, что сокрытие правды облегчает жизнь, при этом, однако, отягощая совесть человека: *Без правды жить легче, да помирать тяжело*. Однако, согласно народным представлениям, правда всегда выходит наружу, даже если ее пытаются скрыть: *Правда, что шило в мешке, – не утаишь; Завали правду золотом, затопчи ее в грязь – всё наружу выйdet* [20].

Соотношение понятий «правда» и «ложь» представлено в следующих русских пословицах: *С ложью правда не дружит; Как ни хитри, а правды не перехитришь; Какова резва ни будь ложь, а от правды не уйdet* [20]. Как показывают приведенные примеры, в народном представлении противопоставленные понятия «правда» и «ложь» тесно связаны. При этом понятие «ложь» в отдельных случаях сближается с понятием «хитрость»; ложь представлена как нечто активное, стремящееся к доминированию, тогда как правда выступает в каче-

стве инвариантного, не нуждающегося в активных действиях по своему продвижению явления.

Что касается корреляции между правдой и деньгами, то в целом ряде собранных нами пословиц и поговорок с сожалением и горечью отмечается, что золото зачастую заставляет человека отказаться от правдивости. Например: *И правда тонет, коли золото всплывает; Когда деньги говорят, тогда правда молчит.*

Правда не всегда воспринимается собеседником позитивно, зачастую ее неприятно слышать, что подчеркивается в таких пословицах, как *Правда глаза колет; Всяк про правду трубит, да не всяк правду любит; Правда, как оса, лезет в глаза* [20]. Тем не менее считается, что правда, пусть и тяжелая, предпочтительнее лжи: *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Правда груба, да нам любя* [20].

В некоторых пословицах отмечается, что правда не всегда бывает уместна. Например: *Не всякому слуху верь, не всякую правду сказывай!* [20]. В частности, подчеркивается необходимость дипломатичности в семейных отношениях, причем в найденном нами примере отражен мужской взгляд на данный вопрос: *Не всяку правду жене сказывай* [20].

В сознании русского народа, отраженном в пословицах и поговорках, правда ассоциируется с чистотой, надежностью, постоянством: *Топчи правду хоть в лужу, а она все чистой будет; Мир только правдою держится* [20].

Таковы представления о правде, отраженные в русской паремии и свидетельствующие о значимости данного нравственного концепта в русской языковой картине мира.

К числу важных для понимания особенностей русской языковой картины мира относится также концепт *счастье*.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля представлены два значения слова *счастье*: 1. Рок, судьба, часть и участь, доля (*Для счастья ума не надо*); 2. Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная

жизнь, без горя, смут и тревоги; покой и довольство; вообще все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его [19].

*У кого хлебушко, у того и счастье. Не родись красивым, а родись счастливым* [20] – эти примеры иллюстрируют ядерную понятийную составляющую концепта «счастье».

К его базовым слоям можно отнести такие дополнительные когнитивные характеристики, как:

- 1) источник счастья (любовь, богатство, здоровье, семья, труд и т.д.);
- 2) пути его достижения;
- 3) свойства счастья и их речевые презентации.

Если говорить об источниках счастья, то в общеязыковой картине мира, отраженной в пословицах и поговорках, счастье зачастую связано с трудовой деятельностью: *Счастье и труд рядом живут; Счастье тому бывает, кто в труде и ученье ума набирает; Счастье не в богатстве, а в труде.* Русскому национальному сознанию свойственно представление о том, что счастья необходимо добиваться (см. пословицы *Счастье не ищут, а делают, Счастье в воздухе не вьётся, руками достается, Счастье не птица: само не прилетит, Кто за счастье борется, к тому оно и клонится* и др. [20]).

Вместе с тем в ряде пословиц и поговорок в значении слова *счастье* актуализируются семы «неожиданность», «случайность» и пассивность самого человека: *Счастье придет – и на печи найдет; Кому счастье служит, тот ни о чем не тужит* [20].

В большинстве случаев счастье представлено в русской паремии как мимолетное, мгновенное, временное состояние: *Легко найти счастье, а потерять и того легче; Легче счастье потерять, чем найти его; Счастье что волк: обманет, в лес уйдет* [20].

Ассоциативное поле концепта «счастье» в русской языковой картине мира преимущественно представлено сравнением счастья с птицей. Это находит отражение в следующих пословицах и поговорках: *Счастье – вольная птичка: где захотело,*

там и село; *Счастье как жар-птица – не каждому даётся; Счастье в руки не поймать* [20].

В случае необходимости выбора между счастьем и правдой более предпочтительным оказывается счастье, о чем свидетельствует пословица *Правда хорошо, а счастье лучше* [20].

Проведенный нами анализ позволил установить особенности отражения в русских пословицах и поговорках националь-

ного представления о понятиях «правда» и «счастье», входящих в число ключевых концептов русской языковой картины мира.

Изучение специфики репрезентации базовых слоев названных концептов в русской паремии наглядно иллюстрирует представление о традиционных нравственных ценностях русского народа и заставляет задуматься об актуальности этих представлений в настоящее время.

\* \* \*

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие. М. : Флинта, 2010. 224 с.

2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–68.

3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.

4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1990. 246 с.

5. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.

6. Воробьев В.В. Лингвокультурология : монография. М. : РУДН, 2008. 336 с.

7. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.

8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.

9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд., дораб. М. : МГУ, 2004. 352 с.

10. Урысон Е.В. Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М. : Индрик, 1999. С. 11–26.

11. Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 153–174.

12. Левонтина И.Б. Милый, дорогой, любимый... // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 238–246.

13. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

14. Веснина Л.Е. Изучение паремий как способ приобщения к культуре в процессе изучения русского языка как иностранного // Лингвокультурология : ежегодный сборник науч. трудов. Екатеринбург : УрГПУ, 2018. Вып. 12. С. 55–60.

15. Румеус Н.А. Автомобиль как ценность и объект оценки в русской языковой картине мира // Лингвокультурология : ежегодный сборник науч. трудов. Екатеринбург : УрГПУ, 2018. Вып. 12. С. 189–198.

16. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. От авторов // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 9–13.

17. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. М. : МГУ, 1996. 400 с.

18. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие. Минск : ТетраСистемс, 2004. 266 с.

19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://runivers.ru/lib/book3178/> (дата обращения: 17.03.2018).

20. Пословицы русского народа : сборник В.И. Даля. 4-е изд., стер. М. : Русский яз. Медиа, 2009. 814 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА  
CHALLENGING ISSUES IN MEDICAL DISCOURSE STUDIES**

© 2019

К.В. Максакова

K.V. Maksakova

Доступ к специализированному медицинскому дискурсу в настоящее время не ограничен привилегированным меньшинством. Становясь достоянием общества, специальные знания подвергаются обсуждению и оценке. Необходимость общаться, принимать во внимание другого (пациента, студента-медика, широкую общественность и т.д.), необходимость думать об этических последствиях общения и осознавать факторы, которые имеют решающее значение для успешности общения, – все это ключевые условия для установления плодотворного и динамичного диалога между медицинской наукой и обществом. Указанные факторы способствовали увеличению интереса к изучению медицинского дискурса в самых разных его проявлениях и с различных точек зрения. В статье предлагается обзор исследований, проводившихся в рамках различных теоретических дисциплин (например, социологии, корпусной лингвистики), в которых рассматриваются ключевые лингвистические и этические аспекты медицинского дискурса (использование метафор, относящихся к раку, важность этики в медицинской документации, адресованной пациентам, и др.), дается дискурсивный анализ некоторых фундаментальных медицинских жанров.

**Ключевые слова:** медицинский дискурс; корпусная лингвистика; медицинские жанры; метафоры рака; дискурсивные маркеры; лингвистические продукты; медитация; осознанность; метонимические проекции; научно-популярные статьи.

Access to specialized discourse is no longer restricted to the privileged minority and entering the public arena medical knowledge becomes the subject to discussion and evaluation of society. The need to communicate, take into account the interlocutor (patient, medical student, general public, etc.), the need to be aware of the ethical implications and be aware of the factors that are crucial for successful communication are all key aspects for achieving success in communication, establishing a fruitful and dynamic dialogue between science, that is medicine, and society. On the other hand, these aspects have undoubtedly contributed to an increase in interest in the study of medical discourse in a variety of its aspects and from different points of view. The article observes the research in different theoretical spheres (for instance, social studies, corpus linguistics), that highlight such crucial linguistic and ethical issues of medical discourse as employing metaphors on cancer, importance of ethics in medical papers for patients, etc., provides the discursive analysis of some fundamental medical genres.

**Keywords:** medical discourse; corpus linguistics; medical genres; cancer metaphors; discursive markers; linguistic products; meditation; awareness; metonymic projections; popular scientific articles.

Анализ научной литературы показывает, что изучению медицинского дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике посвящено немало работ.

В коллективной монографии Г.Н. Носачева и В.В. Павлова рассматриваются методики и техники налаживания общения, целенаправленной беседы, купирования нежелательных реакций пациента [1]. По мнению авторов, психология общения представляет основу социальной психологии и является ее частью в системе отношений «врач – пациент». В работе общение рассматривается с коммуникативной, интерактивной и перцептивной точек зрения, формулируются рекомендации для психо-

терапевтического общения, определяются способы разрешения конфликтов.

В статье «Медицинский дискурс» Л.С. Бейлинсон [2] дает характеристики медицинского дискурса, называет его основные ценности, рассматривает соотношение медицинского и терапевтического дискурсов, выделяет стратегии и жанры медицинского дискурса. Автор делает акцент на близости медицинского и религиозного типов дискурса, чем объясняет суггестивность медицинского общения врача с пациентом.

В работе С.Л. Мишлановой «Когнитивный аспект медицинской коммуникации» [3], посвященной изучению специфики концептуализации и вербализации ме-

дицинского знания, разные типы медицинского дискурса описываются в аспекте когнитивной метафоризации. Автор анализирует русскоязычные метафорические модели медицинского дискурса, выявляет наиболее продуктивную метафорическую область медицинского знания, каковой является человек. На основе исследования даются рекомендации о форме и качестве сведений, которые врач передает больному.

Изучению речи врача-фармаколога посвящена монография Т.В. Кочетковой. В работе анализируется определенный тип внутринациональной речевой культуры и языковая личность отдельно взятого человека [4]. Рядом авторов (Е.П. Иванян, Х. Кудлинской-Степень Х., И.Н. Никитиной) [5] изучались характеристики эвфемизмов медицинской тематики. В работе Е.Н. Малыгиной [6] дается лингвистический анализ использования эвфемизмов медицинской речи в текстах художественной литературы XIX–XXI вв., определяются способы образования медицинских эвфемизмов, прослеживаются особенности изменения их состава и функционирования в речи врачей-персонажей в диалогии.

Е.В. Харченко рассматривает моделирование речевого поведения специалистов сферы «человек – человек» (в том числе и модели общения врача с пациентом) с точки зрения психолингвистики. В работе определяются стереотипы восприятия врача-профессионала, некоторые модели его коммуникативного поведения в общении с пациентами, характеризуются особенности речевого поведения врача с учетом меняющихся социально-экономических отношений [7].

В работе В.В. Жура исследуются общие закономерности запрашивания информации на различных этапах медицинского консультирования. К глобальным целям такой коммуникации автор относит получение достоверной информации о состоянии здоровья пациента с целью постановки диагноза, выбора оптимального способа лечения и контроля за его ходом [8]. Отмечается, что наиболее распространенной формой запрашивания информации в ходе медицин-

ской консультации являются вопросы. Наряду с ними используются побудительные и повествовательные предложения, иллюкутивными целями которых выступают побуждение и выражение желания говорящего получить новую информацию [8].

Один из ключевых вопросов в современном медицинском дискурсе – популяризация, направленная на то, чтобы специализированные медицинские знания стали доступны для неспециалистов. Согласно М. Готти [9], популяризация сильно повлияла на медицинский дискурс, усиливая как новые текстовые реализации (например, такой жанр, как научно-популярная статья), так и новые форматы распространения знаний и обмена ими. Работа М. Готти [10] раскрывает сложность этого явления, которое предполагает переформулировку и реконтекстуализацию, чтобы гарантировать успешность передачи информации. Эти процессы, в свою очередь, поддерживаются определенными лингвистическими, текстовыми и когнитивными механизмами, такими как использование метафор [11] с целью облегчить понимание специализированного (медицинского) содержания путем построения познавательно-объяснительного дискурса. Популяризация медицинского дискурса в то же время приводит к анализу этических вопросов, возникающих из доступа населения к информации и непонимания или неправильного понимания им медицинского контента.

Смещение акцента в сторону здравоохранения, ориентированного на пациента, вызвало интерес к вопросам коммуникаций, который, как отмечает С. Саранги [12], привел к включению обучения навыкам общения в программы подготовки медицинских работников. Эта новая перспектива, как объяснили В. Монтальт и М. Шаттлворт [13], вызвала сдвиг в общении от монологической парадигмы (когда единственный голос, к которому стоит прислушиваться, – это голос врача) к диалогической. Кроме того, признание факта, что для более успешного общения необходимо содействие плодотворному и динамичному взаимодействию

врача и пациента, заставило ученых рассматривать устный дискурс в качестве основного, именно он является объектом значительного количества исследований [см., напр.: 14–17].

Еще одна тенденция, которая формировала медицинский дискурс в течение последних лет, – это развитие дополнительной и альтернативной медицины, которая становится все более популярной в западном обществе [см., напр.: 18–20]). Это также обуславливает смещение фокуса в медицинском контексте и отражается в рассмотрении понятия «здоровье» в более интегративном, целостном и ориентированном на пациента аспекте. В целом это еще один пример того, как современный медицинский дискурс поощряет диалог между различными точками зрения и становится все более интегрированной областью знаний, в которой учитывается важность удовлетворения потребностей общества.

Медицинский дискурс, таким образом, является интерактивным и социальным, и как медицинскому работнику, так и лингвисту для достижения успешного общения в соответствии с различными целями и параметрами важно знать, как он сформирован.

Изучение медицинского дискурса постепенно открывает новые перспективы, что связано с интеграцией с другими смежными областями, такими как прикладная лингвистика, социология, корпусная лингвистика и когнитивная лингвистика, с обращением к некоторым ключевым теоретическим вопросам, таким как исследование жанров и использование корпусов, а также с акцентом на реалиях, т.е. на изучении реальных случаев, реальных контекстов и реальных видов медицинского общения медицинских работников, врачей и пациентов, текстов в средствах массовой информации и т.д.

Наша работа представляет обзор исследований, проводившихся в рамках различных теоретических дисциплин (например, социологии, корпусной лингвистики), в которых рассматриваются ключевые ас-

пекты медицинского дискурса, такие как использование метафор, относящихся к раку, важность этики в медицинской документации, адресованной пациентам, и связанные с этим языковые проблемы; также в ней проводится дискурсивный анализ некоторых фундаментальных медицинских жанров.

Несмотря на то, что вклад ученых разнообразен и широк, все исследования схожи в том, что в них вопрос рассматривается не только в рамках современного состояния медицинского дискурса, но и в виду культурных перспектив. Риторика медицины рассматривается в различных контекстах (СМИ, академические и образовательные контексты, примеры реального взаимодействия врача и пациента и т.д.), расширение круга которых позволяет выдвигать новые идеи в области изучения медицинского дискурса.

М. Готти [21] сосредоточивает внимание на связи между социально ориентированными факторами идентичности и текстовыми вариациями. На основе анализа специализированного дискурса на английском языке в различных академических областях у носителей английского языка и лиц, владеющих английским языком как иностранным он рассматривает некоторые текущие исследовательские проекты, посвященные изучению особенностей формирования личности, связанных с «местными» или «дисциплинарными» культурами. Он также обсуждает результаты, полученные в рамках проекта CERLIS, который был направлен на выяснение того, в какой степени англоязычный дискурс различных в культурном, лингвистическом, профессиональном, социальном или национальном отношении референтных групп подвергается влиянию английского как языка международного общения. Это исследование показывает влияние на реализацию медицинского дискурса в академической среде таких факторов, как принадлежность авторов к различным профессиональным, идеологическим или этногеографическим культурам.

С акцентом на образовательный контекст Б. Белес-Фортуньо [22] представляет корпусный анализ двух медицинских жанров (научно-исследовательской статьи и научно-популярной статьи), стремясь показать учебную значимость научно-популярных статей для студентов-медиков. Автор проводит сравнительное исследование структуры текстов обоих жанров и использования в них оценочных средств и дискурсивных маркеров, основываясь на специальном корпусе статей на одну и ту же тему (артрит), полученном с сайта Science Daily и из медицинского журнала The Lancet. Результаты позволяют автору сделать вывод, что научно-популярные статьи, которые, как правило, проще и короче, чем научные, могут быть использованы в качестве педагогического инструмента для облегчения понимания студентами медицинского дискурса, особенно в первые годы обучения, когда чтение научных статей представляет для них некоторые трудности.

М. Пилегард [23] сосредоточивается на текстовых жанрах, адресованных пациентам. Автора интересует аспект этичности документов об информированном согласии (ИДС); он сравнивает в этом аспекте устные и письменные способы общения, подчеркивая сложность проблем переводчиков и авторов медицинских текстов этих жанров.

В своей работе М. Пилегард [24] акцентирует внимание на этических вопросах, связанных со здравоохранением, и утверждает, что необходимо принять ориентированный на пациента подход и адаптировать коммуникацию к конкретному уровню знаний пациента и его информационным потребностям. С интегративной точки зрения М. Пилегард защищает модель анализа, основанную на системно-функциональной лингвистике и включающую в себя аспекты других прикладных лингвистических дисциплин, таких как теория жанров, теория перевода и дискурс-анализ, чтобы охватить все факторы, которые влияют на этичность дискурса. Автор проводит многомерный анализ реальных ИДС, используемых в Дании для получения

согласия на участие в медицинских исследованиях. Полученные результаты позволяют выявить общее отсутствие этичности: структурные паттерны не всегда подходящие; выбор лексических средств показывает отсутствие учета уровня знаний читателя; читатель описан как объект исследования, а не отдельный адресат; использование экспертом некоторых особенностей языка создает барьер между ним и дилетантом (адресатом). Все эти факторы вредны как с этической точки зрения, так и собственно медицинской, так как затрудняют общение в ходе медицинских исследований.

В. Монтальт и И. Гарсиа-Искеердо [25] предпринимают целостный и много-сторонний анализ устных и письменных образцов медицинского дискурса и указывают на то, что позволяет сблизить два способа общения, улучшив взаимодействие между врачом и пациентом. Отправной точкой исследования является признание возможных культурных и концептуальных асимметрий между пациентами и докторами. Авторы отмечают, что больший прогресс был достигнут в изучении и оптимизации устного, а не письменного общения, фокусируясь в заключительной части своей работы на Calgary-Cambridge Guide. Утверждая, что некоторые асимметрии могут быть лучше разрешены через письменные тексты, авторы подробно исследуют сходство и расхождение между устным жанром «консультации» и материалами письменных коммуникаций.

Ряд исследователей обращается к использованию в медицинском дискурсе метафор, обозначающих рак.

На основе корпуса, содержащего тексты трех разных жанров, которые часто используются, когда речь качается проблем онкологии (исследовательские работы, научные новости и статьи в прессе), Я. Габриэль анализирует использование метафоры и ее функции в текстах названных жанров медицинского дискурса [26]. Автор приводит различные точки зрения на понятие метафоры, затем обращается к характеристике типов в теории концептуальной метафоры в терминах соответствий между доменами. Далее

в исследовании изучаются и обсуждаются когнитивные функции метафоры, такие как категоризация и концептуализация, а также коммуникативные функции, такие как преднамеренное и новое использование. Кроме того, иллюстрируются и обсуждаются когнитивные и коммуникативные функции условных метафор во множестве жанров медицинского дискурса. Исследователь предполагает, что метафорическое использование может быть более или менее осознанным и обдуманым в зависимости от жанра, и анализирует функции, которые метафоры выполняют в текстах каждого жанра.

М. Домингес [27 ; 28] исследует использование метафор в медицинском дискурсе о раке в испанской прессе и то, как они способствуют созданию образа болезни в массовом сознании. Чтобы определить, какой тип метафоры используется чаще других, автор подвергает анализу корпус текстов, размещенных в шести самых читаемых газетах и четырех самых популярных спортивных журналах и освещающих новости о трех событиях, связанных со знаменитостями футбольного клуба «Барселона».

М. Домингес утверждает [28], что военные метафоры передают множество негативных установок, таких как необходимость вести бой с очень сильным противником, неизбежность уничтожения побежденного, что указывает на возможность поражения и производит негативное впечатление на больного раком. Тем не менее, как показано в этой работе, в прессе метафора войны преобладает в дискурсе о раке, даже в спортивном контексте, где можно было бы ожидать, что более частыми будут спортивные метафоры. Автор выступает за замену военных метафор спортивными, которые создают более обнадеживающие образы для тех, кого коснулась болезнь.

В работе А. Сильвестра-Лопеса [29] на материале анализа ряда лингвистических продуктов рассматривается вопрос о повышении эффективности процедур формирования осознанного отношения больного к его болезни. Автор подчеркивает значимость метафоры в общении, обеспечивающей такую осознанность. Вопрос об осо-

знанности входит в широкую сферу знания, связанного со здоровьем, которая в последнее время значительно расширилась, особенно в психологии, психиатрии и нейробиологии. Осознанность фокусируется на процессах внимания и восприятия ощущений, эмоций и мысли. Медитация, ведущая к осознанности, в экспериментальной и клинической психологии стала принятой процедурой при лечении ряда состояний, таких как стресс, беспокойство и депрессия. Тем не менее, как указывает автор, лингвистическое измерение осознанности все еще требует углубленного исследования. Выбирая когнитивно-лингвистический подход, А. Сильвестр-Лопес стремится установить, что анализ «дискурса осознанности» может сказать о ментальных представлениях, которые лежат в основе опыта и практики формирования осознанности. Он инкапсулирует с лингвистической точки зрения субъективный опыт, связанный с осознанностью, опираясь на лингвистические продукты участников и руководителей серии специальных курсов и определяя ряд концептуальных метафор и метонимических проекций, которые в них периодически используются. В исследовании предполагается, что анализ такого рода дискурса может привести к более эффективному обучению медитации, ведущей к осознанности, к созданию эффективных психотерапевтических программ, может стать источником данных для дальнейших психологических экспериментов.

Таким образом, медицинский дискурс, являясь одним из типов институционального дискурса, находится на пересечении интересов психолингвистики, деонтологии, этики, когнитивной лингвистики, социолингвистики и других дисциплин. Европейские исследователи демонстрируют растущий интерес к медицинскому дискурсу в самых разных его проявлениях, исследуют его с различных точек зрения. Обзор работ отечественных авторов, посвященных медицинскому дискурсу, показывает, что подобная работа пока ведется не столь активно и наименее изученным остается лингвистический аспект темы.



\* \* \*

1. Носачев Г.Н., Павлов В.В. Общение с пациентом. Психология общения в системе «врач – пациент». Самара : Перспектива, 2000. 150 с.
2. Бейлинсон Л.С. Медицинский дискурс // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград : Перемена, 2000. С. 103–117.
3. Мишланова С.Л. Когнитивный аспект медицинской коммуникации // Теория коммуникации & прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации : сборник науч. трудов. Вып. 1 / под ред. И.Н. Розиной. Ростов н/Д : ИУБиП, 2002. С. 91–98.
4. Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте. Саратов : СГУ, 1998. 216 с.
5. Иवानян Е.П., Кудлинская-Стемпень Х., Никитина И.Н. Деликатная тема на разных языках : монография. Самара : Инсома-пресс, 2012. 332 с.
6. Малыгина Е.Н. Характеристика эвфемизмов медицинской речи в художественных текстах русской литературы XIX–XXI вв. // Вестник СамГУ. 2006. № 10/2(50). С. 170–179.
7. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск : ЮУрГУ, 2003. 336 с.
8. Жура В.В. Запрос информации в жанре медицинской коммуникации // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс : сборник науч. трудов. Волгоград : Парадигма, 2006. С. 231–238.
9. *Advances in Medical Discourse Analysis: Oral and Written Contexts* / eds. M. Gotti and F. Salager-Meyer. Bern ; Oxford : Peter Lang, 2006. 492 p.
10. Gotti M. Reformulation and recontextualization in popularization discourse // *Ibérica*. 2014. № 27. P. 15–34.
11. Gotti M. The experimental essay in early modern English // *European Journal of English Studies*. 2001. № 5/2. P. 221–239.
12. Sarangi S. Towards a communicative mentality in medical and healthcare practice // *Med språket som arbetsredskap: Sju studier av kommunikation i vården* / eds. K. Anna-Malin, M. Landqvist and H. Rehnberg (pp. 13–34). Stockholm : Södertörns Högskola, 2012. P. 13–34. (Modified and updated version of the inaugural editorial published as: Sarangi S. [2004] Towards a communicative mentality in medical and healthcare practice // *Communication & Medicine*. 2012. № 1(1). P. 1–11.
13. Montalt V. and Shuttleworth M. Research in translation and knowledge mediation in medical and healthcare settings // *Linguistica Antverpiensia*. 2012. № 11. P. 9–29.
14. Bowles H. Conversation analysis and health communication: Updating a developing relationship // *Advances in Medical Discourse Analysis: Oral and Written Contexts* / eds. M. Gotti and F. Salager-Meyer. Bern ; Oxford : Peter Lang, 2006. P. 43–64.
15. Candlin S. Constructing knowledge, understanding and meaning between patients and nurses // *Advances in Medical Discourse Analysis: Oral and Written Contexts* / eds. M. Gotti and F. Salager-Meyer. Bern ; Oxford : Peter Lang, 2006. P. 65–86.
16. Cordella M. *The Dynamic Consultation. A Discourse Analytical Study of Doctor – Patient Communication*. Amsterdam ; Philadelphia, PA : John Benjamins, 2004. 254 p.
17. *Routledge Handbook of Complementary and Alternative Medicine: Perspectives From Social Science and Law* / eds. N.K. Gale and J.V. McHale. Abingdon ; New York : Routledge, 2015. 410 p.
18. Weingart P. The moment of truth for science: The consequences of the ‘knowledge society’ for society and science // *EMBO Reports*. 2002. № 3 (8). P. 703–706.
19. Salager-Meyer F., Alcaraz Ariza M.A., Pabón, M. and Zambrano N. Paying one’s intellectual debt: Acknowledgments in scientific/conventional and complementary/alternative medical research // *Advances in Medical Discourse Analysis: Oral and Written Contexts* / eds. M. Gotti and F. Salager-Meyer. Bern ; Oxford : Peter Lang, 2006. P. 407–403.
20. Sharma U. Medical pluralism and the future of CAM // *Complementary and Alternative Medicine. Challenge and Change* / eds. M. Kellner, B. Wellman, B. Pescosolido and M. Saks. Abingdon ; New York : Routledge, 2000. P. 211–222.
21. Gotti M. *Investigating Specialized Discourse*. 3rd edn. Bern : Peter Lang, 2011. 230 p.

22. Bellés-Fortuño B. A Spoken Academic Discourse Contrastive Study: Discourse Markers in North-American and Spanish Lectures : monográfico. Logroño : Revista de la Asociación Española de Lingüística Aplicada, 2008. 198 p.

23. Pilegaard M. and Ravn H.B. Explorative study of patient information sheet: In search of a feasible intervention design to enhance lay friendliness // *Communication and Medicine*. 2013. № 10(3). P. 201–211.

24. Pilegaard M. Review of Marurizio Gotti and Françoise Salager-Meyer: *Advances in Medical Discourse Analysis: Oral and Written Contexts* // *LSP and Professional Communication*. 2007. № 7(2). P. 113–118.

25. García-Izquierdo I. and Montalt V. Equigeneric and intergeneric translation in patient-centred care // *Hermes*. 2017. № 51. P. 39–53.

26. Gabriel Y. Researchers as storytellers: storytelling in organizational research // *Narratives in Academic and Professional Genres* / eds. M. Gotti and C. Sancho Guinda. Bern : Peter Lang, 2013. P. 105–122.

27. Domínguez M. The metaphorical species: Evolution, adaptation and speciation of metaphors // *Discourse Studies*. 2015. № 17(4). P. 433–448.

28. Domínguez M. On the origin of metaphors // *Metaphor and Symbol*. 2015. № 30. P. 240–255.

29. Silvestre-López A.J. Metáfora y metonimia en la construcción del espacio conceptual y lingüístico en la práctica de la atención plena // *Anuario de Letras. Lingüística y Filología*. 2016. Vol. 4, № 2. P. 335–398.

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ РЕФЛЕКСОВ \*DJ  
В ЧАСОСЛОВАХ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА**

**PROTO-SLAVIC REFLEXES \*DJ  
IN THE BOOKS OF HOURS OF THE MIDDLE OF THE 17<sup>th</sup> CENTURY**

© 2019

Е.А. Миронова

E.A. Mironova

Рефлексы праславянских сочетаний \*dj занимают особое место в ряду спорных и нерешённых вопросов истории русского языка. В период исправления богослужебной литературы в рамках церковной реформы середины XVII века реализация рефлексов \*dj сыграла значительную роль, в связи с чем возникает необходимость рассмотрения направлений правки текста Часослова (1652 г., 1653 г., 1658 г., 1666 г., 1668 г.) как одной из самых востребованных канонических книг. В качестве материала для анализа были отобраны лексемы с корнем -rod-, поскольку они наиболее частотны и значимы, в том числе и за счёт функционирования в тексте молитвы «Символ веры». В системе глагольных образований и группе «отдельных слов» южнославянский по происхождению рефлекс жд функционирует наряду с исконным эквивалентом ж, что приводит к сложному генетическому фону Часослова. В процессе исправления в текстах памятника закрепляется жд<\*dj, что свидетельствует об усилении церковнославянской стихии в ходе правки богослужебной литературы именно в процессе церковной реформы XVII в.

**Ключевые слова:** русский язык; церковнославянский язык русского извода; церковная реформа середины XVII века; правка богослужебной литературы; Часослов; генетически соотносительные рефлексы праславянских сочетаний; реализация рефлексов \*dj; морфологические корреляции.

The reflexes of the pre-Slavic combinations \*dj are a controversial and unresolved question of the history of the Russian language. In the period of correction of liturgical literature in the middle of the 17th century, using the reflexes \*dj was especially significant, therefore it is necessary to consider aspects of editing the text of The Book of Hours (1652, 1653, 1658, 1666, 1668). As a material for the analysis, lexemes with the root -rod- were selected, because these language units are frequent and significant due to the content of the “Symbol of Faith” prayer. In the system of verbal formations and the group of “separate words”, the South Slavic жд functions along with the original equivalent ж. This account for a complex genetic background of the Book of Hours. In the process of correction in the texts of The Book of Hours, and later in the Russian language system, the жд<\*dj gets fixed, which means the importance of the Church Slavonic element in editing liturgical literature as a characteristic feature of the church reform of the 17<sup>th</sup> century.

**Keywords:** the Russian language; the Church Slavonic language in Russian manuscript; church reform of the middle of the XVII century; editing liturgical literature; The Book of Hours; genetically correlative reflexes of the proto-Slavonic combinations; the reflexes \*dj functioning; morphological correlations.

Генетически соотносительные рефлексы праславянских сочетаний представляют собой наиболее значимые «диагностирующие признаки» [1, с. 181], играющие ведущую роль в выявлении особенностей взаимовлияния русского и церковнославянского языков. При этом вопрос о реализации южнославянского по происхождению рефлекса \*dj является наиболее дискуссионным и вплоть до настоящего времени нерешённым [2, с. 6–7]. В связи с этим целью данного исследования становится ана-

лиз соотношения праславянских рефлексов \*dj, реализующихся в различных редакциях Часослова времени церковной реформы и правки религиозной литературы середины XVII в.

Для исследования церковной литературы периода книжной справы XVII века особенно важно привлечение методов текстологического анализа, заключающихся в выявлении направления правки Часослова. В качестве основного метода выбран лингвогенетический, выявляющий генетику язы-

ковых элементов, а также особенности их реализации и соотношения.

Значение Часослова как одной из самых распространённых книг для ежедневного чтения колоссально, поскольку в его состав вошли молитвы, псалмы, песнопения и другие тексты литургического богослужения. В то же время Часослов представляет собой одну из первых книг, подвергшихся правке в период церковной реформы [3, с. 11]. Источниками настоящего исследования служат Часослов 1652 г. (17.03.1652 г. (4.12 – 17.03.7160) Алексей, Иосиф 364 л.), Часослов 1653 г. (22.07.1653 г. (21.03 – 22.07.7161) Алексей, Никон 388 л.), Часослов 1658 г. (1.03.1658 г. (7166) Алексей, Никон 132 л.), Часослов 1666 г. (15.08.1666 г. Алексей, Собор епископов более 415 л.) и Часослов 1668 г. (11.1668 г. (7177) Алексей, Иосиф II 288 л.) [4].

Наиболее частотным корнем, реализующим в текстах Часослова разновременных редакций праславянский рефлекс \*dj, является корень -род-. Об этом свидетельствуют статистические данные представления в текстах слов с рефлексами \*dj (см. табл. 1).

Таблица 1

**Частотность корня -род- в системных глагольных образованиях по отношению к реализациям других корней с рефлексами \*dj**

Памятник	Частотность
Часослов 1652 г.	50,7%
Часослов 1653 г.	49,9%
Часослов 1658 г.	34,8%
Часослов 1666 г.	40,8%
Часослов 1668 г.	43,5%

В ходе анализа текстов Часослова редакций периода 50–60-х годов XVII века были выявлены праславянские рефлексивы \*dj на материале фиксации корня -род-, реализующиеся в системных глагольных образованиях [5, с. 12–13]: имперфективах с суффиксами -а- и -ива-; причастных формах: страдательных причастиях про-

шедшего времени с суффиксом -ен-, действительных причастиях прошедшего времени с суффиксом -ьш-, а также отглагольных именах существительных, реализующих суффикс -ениj-. Сплошная выборка системных образований показывает разную соотносённость генетически неоднородных рефлексивов \*dj в различных редакциях Часослова (табл. 2). Следует отметить, что «частотность использования рефлексивов не может определить специфику распределения генетически соотносительных рефлексивов в истории языка и причины их закреплённости в современном русском литературном языке» [6, с. 49].

Таблица 2

**Частотность реализации рефлексивов \*dj в системе глагольных образований (на материале фиксации корня -род-)**

Памятник	Рефлексивы, %	
	жс	жд
Часослов 1652 г.	75,6	24,4
Часослов 1653 г.	75	25
Часослов 1658 г.	0	100
Часослов 1666 г.	0	100
Часослов 1668 г.	0	100

Отметим, что во всех редакциях Часослова в системе глагольных форм и причастий фиксируется исключительно жд<\*dj: предтечи раждаеть [7, с. 283], истинна, рожденна, несотворенна [8, с. 155], воистини рождьшию намь Бгѣ [9, с. 62] и др. Наличие восточнославянского ж фиксируется в отглагольных существительных типа рождение (при наличии эквивалентов в южнославянском оформлении: слпный в рождения [10, с. 422], время рождения [7, с. 212] и др.) в текстах Часословов 1652 г. и 1653 г., при этом количество реализаций лексемы достаточно высоко и составляет 75,6% и 75% соответственно, аналогичные формы отсутствуют в редакциях Часослова 1658 г., 1666 г. и 1668 г.

Следует подчеркнуть, что отглагольные существительные представляют наиболее характерную морфонологическую позицию для реализации южнославянских по происхождению рефлексов *\*dj* в истории русского языка [11 ; 12]. Однако формы отглагольных существительных в Часословах 1652 г. и 1653 г. свидетельствуют о противоположной тенденции, противоречащей их реализации в глагольных формах и причастиях [13].

Реализация праславянских рефлексов *\*dj* в группе системных глагольных образований в Часословах 1652 г. и 1653 г. может быть охарактеризована как реализация «смешанного типа» [6, с. 65], что в целом соответствует русскому и церковнославянскому языкам периода середины XVII века [14]. Более поздние редакции Часослова (1658 г., 1666 г., 1668 г.) закрепляют жд<*\*dj* в системе глагольных образований.

Необходимо отметить наличие варианта *-ражд-*, например: предтечи раждаеть [7, с. 283], раждается намь [7, с. 154] и др. Данная форма фиксируется в Словаре русского языка XI–XVII вв.: раждати – 1) рождати, рожать, 2) родить, производить что-либо родственное по природе, 3) порождать, вызывать к жизни, 4) быть беременной [15, с. 128–129] и раждатися – 1) рождаться, 2) родиться, 3) нарождаться, 4) возникать [15, с. 129]. Форма рождати фиксируется исключительно в значении ‘порождать’ [16, с. 197], при этом наличие возвратного глагола в Словаре не фиксируется. В «Полный церковно-славянский словарь», составленный протоиереем Григорием Дьяченко (1900 г.), варианты с *-ражд-* не включены [17, с. 533–567].

Группа «отдельных слов» [18, с. 75] может интерпретироваться как «индикатор генетического фона» [6, с. 67]. В рамках данного исследования целесообразно рассмотреть функционирование в текстах Часословов одновременных редакций лексемы рождество/рожество (табл. 3).

Таблица 3

## Реализация лексемы рождество/рожество

Памятник	Лексема	
	<i>рождество</i>	<i>рожество</i>
<i>Часослов 1652 г.</i>	–	+
<i>Часослов 1653 г.</i>	–	+
<i>Часослов 1658 г.</i>	–	+
<i>Часослов 1666 г.</i>	+	+
<i>Часослов 1668 г.</i>	+	–

Часословы 1652 г., 1653 г. и 1658 г. фиксируют восточнославянское оформление лексемы *рожество* в примерах типа преславнымъ си *рожествомъ* соединивши [7, с. 47]. Часослов 1666 г. содержит примеры «отдельных слов» с восточнославянским ж и южнославянским жд: и величаем *рождество* твое [19, с. 327], *рождшая* спасение наше, аже прежде *рожества* двѣ [19, с. 314] и др., наличие подобных реализаций свидетельствует о сложном генетическом фоне канонического текста. Существование в языке генетически неоднородной пары *рождество* – *рожество* приводит к дублетности [20], которая требует устранения одного из вариантов близкочастичных однокоренных слов [2, с. 109], вследствие чего исконное оформление данной лексемы заменяется южнославянским. Текст Часослова 1668 г. отражает данную тенденцию и закрепляет жд<*\*dj*: *рождшая* спасение наше: аже прежде *рождества* двѣ, и в *рождествѣ* двѣ, и по *рождествѣ* паки пребываеши двѣ [8, с. 214].

Праславянские рефлексы *\*dj* представляют особый элемент системы церковнославянского и русского языков. Анализ соотношения в текстах Часословов 1652 г., 1653 г., 1658 г., 1666 г. и 1668 г. реализаций корня *-род-* позволяет сделать вывод, что установившимся альтернативом в системных глагольных образованиях и группе «отдельных слов» стал южнославянский по происхождению рефлекс жд. Данный факт свидетельствует о том, что внедрение и закрепление жд<*\*dj* в системе русского языка не соотносится с так называемым периодом «второго южнославянского влияния», а становится следствием правки богослужебной литературы в период церковной реформы середины XVII в.

\* \* \*

1. Бекасова Е.Н., Москальчук Г.Г., Прокофьева В.Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис. М. : Спутник+, 2013. 217 с.
2. Бекасова Е.Н. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний). Врно : Tribun EU, 2016. 194 с.
3. Сазонова Н.И. «...Да не порушится греческих переводов расположение» (Некоторые тенденции церковной реформы патриарха Никона на материалах исправления Часослова) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1(52). С. 10–15.
4. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках : сводный каталог. М. : ГБЛ, 1958. 152 с.
5. Бекасова Е.Н. Генетический фон древнерусского текста. Оренбург : ОГПУ, 2010. 208 с.
6. Бекасова Е.Н., Миронова Е.А. О специфике реализации рефлексов праславянских сочетаний \*dj в древнерусском языке // Русский язык в славянском мире: история и современность : сборник науч. статей / под ред. И.Ю. Абрамовой. Нижний Новгород : ННГУ, 2018. С. 46–53.
7. Часослов. М. : Печ. Двор, 1652. 363 л. (Российский государственный архив древних актов. № 959).
8. Часослов. М. : Печ. Двор, 1668. 288 л. (Российская государственная библиотека. № 113).
9. Часослов. Иверский монастырь. 1658. 132 л. (Российская государственная библиотека. № 3584).
10. Часослов. М. : Печ. Двор, 1653. 385 л. (Российский государственный архив древних актов. № 966).
11. Бекасова Е.Н. Статус рефлексов \*dj в памятниках церковнославянского языка русского извода // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2008. Вып. 3. С. 5–11.
12. Бекасова Е.Н. О морфонологической обусловленности отбора гетерогенных рефлексов праславянских сочетаний в истории русского языка // Язык и речь в синхронии и диахронии : материалы пятой междунар. науч. конференции, посвященной памяти проф. П.В. Чеснокова. Таганрог : ТГПИ, 2014. С. 59–67.
13. Бекасова Е.Н. О морфонологической обусловленности образования отглагольных существительных // Науковий вісник університету. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Вип. 27. Ужгород : Говерла, 2012. С. 17–20.
14. Бекасова Е.Н. Соотношение южнославянских и восточнославянских по происхождению элементов в памятниках церковнославянского языка // Вестник Оренбургского педагогического института. Серия «Филологические науки. Актуальные проблемы современной филологии». 1996. № 4. С. 16–41.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. Прочный – Раскидати / под ред. Г.А. Богатовой. М. : Наука, 1995. 280 с.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. Раскидаться – Рященко / под ред. Г.А. Богатовой. М. : Наука, 1997. 298 с.
17. Дьяченко Г.М. Полный церковнославянский словарь: (со внесением в него важнейших древнерус. слов и выражений). М. : Отчий дом, 2004. 1120 с.
18. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М. : Учпедгиз, 1941. 288 с.
19. Часослов. М. : Печ. Двор, 1666. Более 415 лл. (Микросъемка. Российская государственная библиотека. № 1658/18).
20. Бекасова Е.Н. О специфике словообразовательной и морфонологической вариантности отглагольных существительных в истории русского языка // Русская устная речь : материалы все-рос. науч. конференции с междунар. участием. Саратов : Амирит, 2016. С. 23–27.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЯ *ОНО*STYLISTIC FUNCTIONS OF THE PRONOUN *ОНО*

© 2019

А.Н. Моргунова

A.N. Morgunova

Автор статьи обращается к характеристике омокомплекса *оно*. Как показало исследование, он включает: 1) местоимение; 2) субстантиват; 3) частицу; 4) множество синкретичных образований, содержащих черты разных частей речи: местоимения, существительного, союза и частицы. Автор рассматривает причины формирования омокомплекса *оно* и подчеркивает его специфику, проявляющуюся в том, что он занимает промежуточное положение между знаменательными и служебными частями речи. В статье анализируются случаи функционирования в тексте местоимения *оно* двух типов: когда предшествующим прономинативу именем является (1) существительное и (2) описательный оборот. Автор делает вывод, что, будучи представлен местоимением, омокомплекс *оно* способен выполнять стилистические функции: формировать элемент интриги при разнесении анафоры и предшествующего имени по разным планам повествования (объективное повествование, прямая речь и несобственно-прямая речь); «эксплуатировать» гендерное начало грамматической категории среднего рода; участвовать в явлении эвфемизации и пр.; если предшествующим местоимению *оно* именем является прономинатив или описательный оборот, то степень конкретности таких высказываний пониженная или низкая.

**Ключевые слова:** омокомплекс *оно*; субстантивация; синкретичность; местоимение; частица; функциональные омонимы; дейктический компонент; структурно-семантическое направление; прономинальная лексика; стилистические эффекты; сема указательности; категория рода; анафора.

In the article the author characterizes omocomplex *оно*. It includes 1) pronoun; 2) substantivator; 3) particle; 4) a big number of syncretic units that possess the features of different parts of speech: pronoun, noun, conjunction and particle. The author analyses why the omocomplex has been developed and focuses on its specific features since it is something in between a notional and an auxiliary part of speech. The paper presents the ways of two types of the pronoun *оно* functioning in the text: pronominator is (1) a noun and (2) a descriptive phrase. The author concludes that as a pronoun omocomplex *оно* is able to perform the following stylistic functions: to add intrigue when using anaphora and the precedent word in different planes of narration (objective narration, direct speech, reported speech); “exploit” gender aspects of the grammar category of neuter gender; to be a part of euphemization, etc.; if the pronoun is preceded with pronominal or a descriptive phrase, the level of specific features tends to decrease or it is low.

**Keywords:** omocomplex *оно*; substantivation; syncretic features; pronoun; particle; functional omonyms; deictic component; structural and semantic aspects; pronominal vocabulary; stylistic effects; seme of denotation; category of gender; anaphora.

Цель настоящей статьи состоит в характеристике омокомплекса *оно*. В качестве методологической основ исследования прономинальной лексики берем постулаты структурно-семантического направления научной школы В.В. Бабайцевой [1 ; 2]. Делаем акцент на проблему бытования омокомплекса *оно* в русском дискурсе; на выявление многообразия стилистических эффектов, которые порождает особая семантика и грамматика синкретичного слова *оно*.

Понятие *омокомплекс* является обобщающим, включает функциональные омонимы и многочисленные синкретичные образования, имеющие одинаковую звуко-

вую оболочку. Как отмечает В.В. Бабайцева, омокомплекс не входит в группу функциональных омонимов, он объединяет эту группу, выступая в качестве её полномочного представителя в словарях и грамматиках [2, с. 7].

Как показало осуществлённое исследование, омокомплекс *оно* включает: 1) местоимение; 2) субстантиват; 3) частицу; 4) множество синкретичных образований, содержащих черты разных частей речи: местоимения, существительного, союза и частицы.

Методологическая целесообразность применения термина «омокомплекс» обу-

словлена тем, что фактически омокомплекс *оно* объединяет не только функциональные омонимы (местоимение *оно*, субстантиват *оно* и частицу *оно*), но и синкретичные образования, которые представлены в дискурсе диффузно, в результате чего их точная квалификация затруднена. Здесь и далее омокомплексом *оно* будет называться соответствующая языковая единица в тех случаях, где не нужна частеречная квалификация.

Специфика омокомплекса *оно* проявляется в том, что он занимает промежуточное положение между знаменательными и служебными частями речи. Со сферой знаменательных частей речи *оно* роднит синтаксическая функция: в ряде случаев слово *оно* выполняет функцию подлежащего или дополнения. Со сферой служебных частей речи *оно* объединяет десемантизация, отсутствие номинативного лексического значения.

Охарактеризуем функциональные омонимы и синкретичные образования.

Местоимение *оно*, будучи этимологически указательным, содержит в своей семантической структуре сема указательности (дейксиса) и анафоричности (отсылочности). Прототипической для местоимения является сема указательности. В дальнейшем на её базе путём метафорического переноса развилась анафорическая сема. Внимание на этот процесс обратила Е.М. Федорова [3, с. 10].

В настоящее время грамматическая сторона субстантивации описана достаточно подробно (см. работы А.А. Потемни [4], А.А. Шахматова [5], А.М. Пешковского [6], а также И.В. Высоцкой [7 ; 8], Н.П. Голубевой [9], В.Н. Мигирова [10] и других ученых). Сущность субстантивации понимается лингвистами как «перевод явно выраженных признаков в чисто внутреннее, идеальное существование при сокращённом знаке» [1, с. 136].

Внимание современных исследователей привлекают случаи семантической субстантивации (О.В. Редькина [11]; У.Н. Фысина [12]; И.Е. Шувалова [13] и др.). Отмечается, что, с семантической стороны, цель

субстантивации заключается в обеспечении потребности человека в выражении мысли имеющимися языковыми средствами без создания единиц с новым морфемным составом [7, с. 3].

В.В. Виноградов указывал: «...С средним родом сочетается самое отвлечённое представление» [14, с. 82]. Н.И. Греч отмечал, что «местоимение третьего лица может относиться ко многим, различным, неопределённым предметам, и одушевлённым, и вещественным, которые означаются выражением их близости, отдаления, присутствия и т.п.» [15, с. 234]. Совокупность названных факторов предопределила то, что местоименная форма *оно* стала источником образования группы функциональных омонимов.

Каковы же условия употребления *оно* в качестве местоимения третьего лица? Они просты. Местоимение должно выполнять функцию анафоры. Анафорические отношения возникают между языковыми единицами, если объект речи упоминается в тексте более одного раза, они заключаются в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к другому [16]. Исходное имя в лингвистике называют *антецедентом*, а производное – *анафором*. Именно анафорические отношения обеспечивают связность текста. С точки зрения структуры под анафорой в узком смысле понимают отношения с препозитивным существительным или субстантивированным образованием.

Омонимизирующие личные местоимения при наличии двух препозитивных существительных приводят к возникновению «неоднозначных синтаксических конструкций» [17, с. 3]. Е.В. Шкурко отмечает, что местоимения третьего лица, указывают на любой предмет или явление, что и порождает возможность ошибки. Исследователь перечисляет условия возникновения конструкций с омонимизирующими местоименными словами: 1) наличие нескольких компонентов, с которыми формально может соотноситься прономинатив; 2) ди-



станционный разрыв между местоимением и замещаемым им словом [17].

В научной школе В.В. Бабайцевой не применяют понятия «антецедент» и «анафор», пользуются термином «препозитивное/постпозитивное существительное или субстантивированные слова других частей речи» и определяют вид денотата: 1) предметный, 2) ситуативный и 3) контекстный. Субстантиват с предметным денотатом отсылает к препозитивному существительному или группе субстантиватов, обозначающей предмет. Предметный и ситуативный денотаты соотносятся с миром предметных реалий, а контекстный денотат относится к миру мыслей и чувств, описываемых в тексте. В структурно-семантическом направлении изучения местоименных омокомплексов делается оговорка о некоторой условности подобного деления денотатов [2, с. 45–49]. Всё же для практики определения ступеней познания действительности (чувственной и логической) это распределение удобно.

Для решения задач нашего исследования, и особенно для описания стилистического аспекта бытования омокомплекса *оно* в дальнейшем, мы избрали описательный оборот с прозрачной внутренней формой «предшествующее прономинативу имя».

Итак, простым способом грамматической квалификации *оно* является соблюдение следующего условия: если омокомплекс *оно* содержит предшествующее прономинативу имя, то это – местоимение, например:

(1) – Видели это кино, ещё довоенное? Его, между прочим, часто показывают. / – Видели! Видели! – загудело над столом. / – Как же оно называется? Никто не помнит, как оно называется? (А. Дмитриев. Воскобоев и Елизавета. 1992).

В (1) предшествующее имя – существительное кино.

(2) Он показал на сердце: пошаливает. Я, помню, сказал, что нельзя так много работать, надо и остановиться. Борис Андреевич ответил: «Само остановится». Оно и остановилось. Возле «Метрополя»

ему стало плохо (Дм. Щеглов. Самый смешной человек страны // Совершенно секретно. 07.07.2003).

Пример (2) интересен тем, что реализация дейктического контекста (*он показал на сердце*) осуществляется в авторской речи, но дейктик в прямой речи не назван (*пошаливает*), прямая речь сменяется реализацией дейктического контекста, то есть авторской речью, потом следует новая смена прямой речью (*Само остановится*), дейктический компонент снова подразумевается, но не назван. Расстояние между препозитивным существительным и местоимением всё увеличивается, что усиливает знаменательность *оно*.

(3) Но всё это уже было совершенно не нужно – и пожарная машина, и футбол, и лук, и купанье в озере, и Колюня так ничего ему и не рассказал про ночное существо – оно запретило о себе рассказывать (А. Варламов. Купавна // Новый мир. 2000. № 10–11).

(4) Есть бытие, но именем каким / Его назвать? Ни сон оно, ни бденье; / Меж них оно, и в человеке им / С безумием граничит разумье (Ю. Буйда. Город палачей // Знамя. 2003. № 2–3).

Мы привели примеры, в которых первое – это предшествующее имя, выраженное конкретным существительным или абстрактным, одушевленным или неодушевленным, а второе – это местоимение, причем местоимение и предшествующее имя находятся в разных планах повествования: предшествующее имя – в объективном повествовании, а местоимение – в несобственно-прямой речи (внутреннем размышлении субъекта речи). Первое свидетельствует о многообразии анафорических отношений, в которые может вступать омокомплекс *оно*; второе обозначает путь формирования переходных явлений в области употребления слова *оно*; при таких употреблениях связь между предшествующим именем и анафорическим местоимением затемняется, что способствует актуализации стилистической функции, которая может усиливаться графическими средствами текста.

Текст газетной статьи В. Костинова «Станет ли сказка былью» о жанре послания президента народу членится на части с подзаголовками «Библейские пожелания», «Большой ноготь Ельцина», «Умиряющий жанр». В связи с этим интересно употребление омокомплеса *оно*. Предшествующее имя *послание* находится в конце части «Большой ноготь Ельцина», а омокомплекс *оно* начинает следующую часть «Умиряющий жанр»:

(5) *В результате в послании оказывалась масса «сора», а порой и фантастических ошибок.*

### Умиряющий жанр

*Оно* было необходимо Б. Ельцину как элемент престижа: чтобы было «как в Америке» (В. Костинов. Станет ли сказка былью // Аргументы и факты. 04.04.2001).

В (5) стилистическая функция усилена а) помещением анафорического местоимения за пределами текстовой части, в которой находится предшествующее имя; б) написанием омокомплеса *оно* с прописной буквы; такое написание актуализирует интертекстему *оно*.

Приведённые примеры свидетельствуют: факт употребления *оно* в качестве местоимения не лишает омокомплекс возможности участвовать в языковой игре, выполнять различные стилистические функции.

Приведем пример «эксплуатации» гендерного начала местоимения третьего лица:

(6) – *Ты пропустил, дружок, «и обхода моря и земли», – усмехнулось, почесываясь, залетное чудо и, покручиваясь на кресле, пристально меня рассматривало. Оно меня оценивало* (В. Скрипник. Тинга // Октябрь. 2002. № 8).

В. Скрипник использует местоимение *оно* при описании встречи авторизованного рассказчика с мистическим персонажем Льноволосым. Местоимение среднего рода в тексте употреблено для противопоставления Льноволосого обычному человеку.

Возникает вопрос: может ли омокомплекс *оно* быть местоимением в случае, если предшествующее имя выражено описательным оборотом типа *то, что...?*

Рассмотрим следующий пример:

(7) [Описание начала беспорядков и революции, которую персонажи воспринимают как праздник.] *...Она смотрела поверх домов, поверх крыши на молодой остророгий месяц, уже клонившийся к закату. Такой молоденький, такой смешной – как девушка, которая мечтает и боится сказать кому-нибудь о своих мечтах, и светит только для себя.*

– *Когда он станет полным...*

– *Не надо! Не надо, – перебила меня жена с непонятным мне испугом. – Не надо говорить о том, что будет. Зачем? Оно боится слов. Пойдем сюда* (Л. Андреев. Из рассказа, который никогда не будет окончен. 1907).

(8) *И вообще отличный способ избавиться от того, что тебя беспокоит. Повтори много раз, и оно исчезнет* (А. Геласимов. Рахиль // Октябрь. 2003. № 9).

(9) *Но он всегда забывает о том, что у него уже есть. Всегда. Это такой закон. То, что ты получил, – оно сразу исчезло* (А. Геласимов. Рахиль // Октябрь. 2003. № 9).

Полагаем, что если предшествующее имя выражено описательным оборотом и за ним следует омокомплекс *оно*, то это – местоимение, оно замещает описательную конструкцию. Сказанное не исключает возникающий при этом стилистический эффект ореола неопределённости, загадочности, который актуализирует местоимение *оно*, следуя после описательного оборота с пониженной степенью конкретности.

В целом описательный оборот, предшествующий местоимению *оно*, может обозначать предмет с разной степенью конкретности: низкой, если выражен прономинальной лексикой и она не «разбавлена» номинативной (см. (10)); пониженной, если прономинальная лексика сочетается с номинативной и конкретизируется последней ((11), (12)):

(10) *А что, если заложили туда и такое, что может взорваться? И оно взорвется?* (О. Форш. Михайловский замок. 1946);

(11) *Озеро в небо смотрит, небо – в озеро. И есть ли ещё что на земле – неведомо, поверх леса – не видно. А если что и есть – оно сюда не нужно, лишнее* (А. Солженицын. Крохотки. 1958–1960);

(12) – *Что такое завтра?*

– *То, что наступит после сегодня.*

– *А кому известно, какое оно будет – то, что наступит после сегодня?* (В. Панова. Который час. Сон в зимнюю ночь. 1941–1943).

В (12) представлена сегментированная синтаксическая конструкция, единица русского экспрессивного синтаксиса. Наличие окказиональных препозитивных и постпозитивных субстантиватов (*завтра* и описательного оборота с той же семантикой) понижают степень конкретности.

(13) [О ситуации несвободы и страха в 70-е годы XX века] *Мой двоюродный брат – житель Свердловска, искусствовед (так и хочется добавить по известному анекдоту – «в штатском»).*

– *Ты ведешь дневник? Но ведь это опасно...*

*Его мечта (неосуществленная) быть доктором технических наук, копаться со своими «железками» и ни к чему «этому» не быть причастным. Голубая мечта так называемого порядочного мещанина. Увы, тоже неосуществимая. «Это» лезет отовсюду, оно – везде* (М. Поповский. Семидесятые. Записки максималиста 1971 // Новый журнал. 2002).

В (13) ситуация несвободы и страха эвфемизируется при помощи прономинатива *это*, см. об эвфемизации *это* в «Словаре эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной [18, с. 456–457]. В ситуации, когда и предшествующее имя, и анафора выражены прономинальной лексикой и эта лексика не дополняется номинативной, представлена

низкая степень конкретности. Сравним со следующими примерами:

(14) [О памятнике Петру I в Москве] *Не поленитесь, сходить посмотреть на ЭТО, и если вы поймёте, что **ОНО** не нужно вашему (и нашему) городу, напишите* (С. Мостовщиков. Без царя в голове. 1997 // Столица. 01.06.1997).

(15) *Там есть тот или то, чего я боялся ещё маленьким. Оно, то или тот, вошло только по тёмным углам, в подполье, в подвале, в старых стенах кладовок, амбаров или на чердаках. И вот оно объявилось в темнеющих зарослях польского селения* (В. Астафьев. Затеси // Новый мир. 1999).

В (14) представлено два эвфемизма (*это* и *оно*). Факт особого, эвфемистического употребления графически отмечен прописными буквами. Последовательность местоимений в текстовом сегменте обусловлена логикой развития мысли: сначала представлен прономинатив с доминирующей семой указательности (*это*), потом местоимение (*оно*) с доминирующей семой отсылочности (анафоричности). Следуя за антецедентом *ЭТО* слово *оно* является местоимением.

В (15) представлена череда предшествующего имени – анафоры, препозитивного и постпозитивного субстантивата и снова анафоры, но все компоненты выражены прономинальной лексикой и описательными оборотами, потому степень конкретности в примере – низкая.

Таким образом, омокомплекс *оно* представлен местоимением, если содержит предшествующее имя. Предшествующее имя может быть выражено именем существительным: конкретным или абстрактным, одушевлённым или неодушевлённым. Будучи представлен в тексте местоимением, омокомплекс *оно* способен выполнять различные стилистические функции: формировать элемент интриги при разнесении анафоры и предшествующего имени по разным планам повествования (прямой ре-

чи и несобственно-прямой речи); «эксплуатировать» гендерное начало грамматической категории среднего рода; участвовать в явлении эвфемизации и пр. Если место-

имению *оно* предшествует прономинатив или описательный оборот, то степень конкретности таких высказываний оказывается пониженной или низкой.

\* \* \*

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа, 2000. 640 с.
2. Бабайцева В.В. Местоимение *это* и его функциональные омонимы. М. : Флинта : Наука, 2014. 168 с.
3. Федорова Е.М. Омокомплекс *так* и его функции в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004. 24 с.
4. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков : Мирный труд, 1913. 225 с.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. : Учпедгиз, 1956. 512 с.
7. Высоцкая И.В. О «каскадности» трансформационных процессов (на примере омокомплекса «главное») // Активные процессы в современном русском языке : сборник науч. трудов, посвященный 80-летию со дня рождения В.Н. Немченко. Н. Новгород : Николаев, 2008. С. 44–47.
8. Высоцкая И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности. Новосибирск : НГПУ, 2009. 192 с.
9. Голубева Н.П. К вопросу о причинах возникновения так называемых субстантивированных прилагательных // Филологические науки. 1970. № 2. С. 125–131.
10. Мигирин В.Н. Опыт построения классификаций, прогнозирующих развитие местоимений и словообразовательных парадигм // Филологические науки. 1973. № 3. С. 68–75.
11. Редькина О.В. Субстантивация как семантическое явление : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. 22 с.
12. Фысина У.Н. Субстантиваты в русском языке (стилистический и семантический аспекты) : дис. ... канд. филол. наук. М. : МГОУ, 2007. 196 с.
13. Шувалова И.Е. К вопросу о субстантивации местоимений в русском языке. Межкатегориальная транспозиция местоимений // Вестник Челябинского университета. 2009. № 43(181). Филология. С. 153–158.
14. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. : Высшая школа, 1986. 640 с.
15. Греч Н.И. Пространная грамматика русского языка. Т. 1. Изд. 2-е, испр. СПб. : Типография издателя, 1830. 408 с.
16. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. : Наука, 1985. 272 с.
17. Шкурко Е.В. Влияние прономинативов на синтаксическую структуру простого предложения // Вестник Днепропетровского университета. Серия «Мовознавство». 2007. Т. 2. URL: <http://movoznavstvo.com.ua/зміст-журналу/мовознавство-2007-том-2/> (дата обращения: 09.07.2015).
18. Сенчикова Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.

## КТО ОНА, «МУ-МУ» В ПРАГМАТОНИМАХ? WHO IS SHE – “MUMU” IN PRAGMATONYMS?

© 2019

Н.Д. Осипова

N.D. Osipova

В статье приведены разные точки зрения отечественных исследователей на положение прагматонимов в русском ономастическом пространстве. Показано, что, вопреки сложившемуся в современной ономастике мнению, будто в названиях конфет наблюдается строгая ориентация на мелиорацию (моделирование положительных эмоций), современные номинаторы, расширяя круг потенциальных потребителей, выходят за рамки мелиоративной лексики. Брендное наименование «Му-Му» охарактеризовано с ортологической точки зрения. Проанализированы точки зрения на происхождение данного прагматонима (на основе звукоподражания или использования литературного онима). Указаны новые прагматонимы, эксплуатирующие известный бренд (дериваты данного номена). С целью раскрытия ассоциативного потенциала прагматонимов описано явление языковой игры и его применение в практике номинации конфет (на примере актуализации прецедентной ситуации в прагматониме «Герасим и Му-Му»). Показано, что в данном случае обыгрывается контаминация нескольких значений онима «Му-Му». Выявлена и описана динамика осмысления данного прагматонима и его дериватов в российском ономастическом пространстве.

**Ключевые слова:** оним; прагматоним; бренд; названия конфет; отонимный прагматоним; прецедентный оним; ономастическое пространство; дискурс; номинатор; звукоподражание; ономатопоэзия; мелиорация; мелиоративная номинация; языковая игра; лингвокреативность; контаминация.

The article focuses on the pragmatonyms in Russian onomastics. It proves that in spite of the common opinion about ameliorative in the names of the candies, lately they have been given other names, too, and this has increased the number of customers. Brand name “Mumu” is characterized in terms of the ortology, described modern pragmatonyms which use popular brand (derivative of the nomen). Several ideas on the origin of the pragmatonym are analyzed (onomatopoeic theory principle or literary onym use). The paper gives the new pragmatonyms based on this brand (derivatives of this name). It describes the linguistic game and the ways it can be used when giving names to candies (as exemplified in the precedent situation foregrounding in the pragmatonym “Gerasim and Mumu”). In this case the contamination of several onym meanings “Mumu” is played upon. The dynamics of comprehension of the pragmatonym and its derivatives in the Russian onomastics is displayed.

**Keywords:** onym; pragmatonym; brand names of sweets; onymlike pragmatonym; precedent onym; onomastic area; discourse; nominator; onomatopoeic theory; onomatopoeia; amelioration; ameliorative nomination; linguistic game; linguistic creativity; contamination.

Под прагматонимом в современной отечественной ономастике понимают любое словесное обозначение (номен) сорта, марки, товарного знака [1, с. 110].

Яркие рекламные имена, которые метафорически описывают внешний вид и свойства изделия, при этом давая ему оценку, изучала Т.П. Романова [2]. Но существует и большое количество наименований-символов, не связанных с признаками товара [3, с. 68].

Прагматонимы – названия конфет изучали И.И. Исангузина и Ван Мяо. Исследование И.И. Исангузиной посвящено изучению названий разных кондитерских изделий (мороженого, печенья, шоколада), и в том числе конфет, в семантическом,

лингвокультурологическом и синтаксическом аспектах [4]. Интересна работа Ван Мяо, в которой дается сопоставительная характеристика названий конфет в русском и китайском языках [5]. Автор делит прагматонимы на тематические группы в соответствии с номинативными интенциями именуемого субъекта, учитывающего объект номинации и/или возрастные и национально-культурные особенности потенциального потребителя, отмечая при этом, что русские номинаторы чаще тяготеют к духовной культуре, ориентируясь при этом в большей степени на адресата-ребенка. Л.Е. Ермакова в связи с изучением разнообразных функций прагматонимов в рекламных текстах, показом их «мощного

манипулятивного потенциала» [6, с. 100] приводит в качестве примеров и названия конфет.

В настоящее время в номинациях конфет происходят динамичные процессы, на наших глазах изменяется языковая мода. Сказанное свидетельствует о новизне нашего исследования, объектом которого являются отонимные прагматонимы – названия конфет. Предмет рассмотрения в данной статье – прагматоним «Му-му» и другие названия конфет, эксплуатирующие это название.

Прежде чем перейти к характеристике прагматонима «Му-Му» и его дериватов, следует остановиться на более общих вопросах. Существует две точки зрения на место прагматонимов в ономастическом пространстве русских онимов. Согласно мнению В.И. Супруна [7, с. 12–17], ономастическое пространство делится на ядерную зону (в которой различаются собственно ядро – антропонимы и околядерное пространство, представленное антропонимоподобными единицами) и периферию (к которой относятся различные в структурно-семантическом отношении разряды имен собственных, обладающих чертами апеллятивно-онимического пограничья); прагматонимы следует отнести к периферийным единицам.

Этой же точки зрения придерживается Н.Л. Шведова, которая отмечает, что «для прагматонимов характерны слабые структурированность и системность, использование для обозначения однотипных объектов названий, разнообразных по структуре: аббревиатуры, многокомпонентные словосочетания и предложения, сочетания с буквенными и числовыми индексами. Прагматонимы недолговечны, орфографически не стабильны, подвержены влиянию языковой моды» [8, с. 7]. К периферийной зоне ономастического пространства относит прагматонимы и И.В. Крюкова [9], выделяя идентифицирующий, условно-символический и символический принцип номинации, отмечая при этом общее мелиоративное значение у всех прагматонимов.

Согласно второй точке зрения, которую высказывают некоторые ученые (И.И. Исангузина [4], О.Е. Яковлева [10] и др.), в последнее десятилетие отмечается смещение прагматонимов из периферии к ядерной зоне ономастического поля. Как представляется, говорить о подобном переходе с уверенностью можно лишь в рамках коммерческого дискурса, но не русского дискурса в целом.

Материалом для исследования послужили следующие наименования конфет, представленные на сайтах кондитерских фабрик и в свободном доступе в сети Интернет: «Му-Му» («Славянка», г. Старый Оскол), «Му-Му» (кондитерский концерн «Бабаевский», г. Москва), «Крошка Му-Му» («Ламзурь», г. Саранск), «Сливочная Му» («Невский кондитер», г. Санкт-Петербург), «Герасим и Му-Му» («Шоколадные традиции» (ранее «Столица», г. Новосибирск).

Как видим, название конфет «Му-му» использовалось в разное время и в разных вариантах несколькими кондитерскими компаниями. В 1990-е годы в связи с принятием Закона о товарных знаках [11] оно зарегистрировано как бренд кондитерской фабрикой им. К. Самойловой (г. Санкт-Петербург), хотя существовало еще в советское время (рис. 1). О советских конфетах вспоминают так: «Ириски – “Му-му” (квадратные, типа как бульонные кубики “магги”), “молочные”. Ничего особенного, кроме как вырванные из зубов пломбы» [12].



Рис. 1. Обертка конфеты «Му-Му», 1960-е гг.

Что же имели в виду номинаторы, называя изделие подобным образом? Попробуем разобраться.

Согласно основной версии, рассматриваемый прагматоним возник на основе звукоподражания. Не стоит забывать, что основная часть потенциальных потребителей конфет – дети, а в развитии детской речи (примерно от 1 года до 3 лет) немалую роль играют звукоподражательные слова: *Ав-ав* (собака), *Мяу-мяу* (кошка), *Пи-пи* (цыпленок), *Га-га-га* (гусь). Звукоподражание (ономатопея) – условное воспроизведение звуков природы (например криков птиц и других животных), рефлексивных восклицаний людей, звуков, производимых предметами, и т.п.; создание слов, звуковые оболочки которых в какой-то мере напоминают такие звуки (например в русском языке *мяу-мяу*, *ха-ха*, *тик-так*) [13, с. 456]. Эту точку зрения разделяет И.И. Исангузина: «Имея в виду именно детскую аудиторию, номинаторы черпают названия из мира, окружающего малыша, школьника, подростка. С этим, к примеру, связаны первые звукоподражательные названия конфет “Кис-кис”, “Кря-кря”, “Му-му” или мороженого “Сделай Ам!”» [4, с. 992]. Данная версия вполне логична и потому, что на обертках конфет данного наименования неизменно изображена корова.

Данную точку зрения подвергает сомнению Т.Н. Толстая: «Давно и привычно раздражаюсь при виде конфет “Му-Му”. Изображена корова. Но никто и никогда не передает мычание коровы как “му-му”. Так же как бляение овцы не обозначается звукоподражанием “бе-бе”» [14]. Писательница считает, что люди знают повесть И. Тургенева и должны понимать, что Муму – это кличка собаки, которую утопил глухонемой Герасим. С такой позиции изображение коровы на обертке конфет «Му-Му», конечно, выглядит как малая осведомленность номинаторов, что и высмеивает Т. Толстая в своем блоге на сайте «Живой Журнал». Т. Толстая приводит также пример прагматонима «Фру-фру», который в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

был кличкой погубленной лошади Вронского, а с лёгкой руки современных номинаторов стал названием фруктового мармелада. «Полтора года лет подряд это были собачка и лошадь. Две невинные жертвы людских страстей. Милые такие имена, и за обоими судьба и гибель. Теперь это кривая корова и недофрукт. Глупеем» [14], – подытоживает Татьяна Никитична.

Нужно заметить, что многие носители русского языка рефлексируют по поводу относительного характера звукоподражательных номинаций. Приведем фрагмент рассуждения, представленного в одном из блогов «Живого Журнала»: «В нашем прудике завелась лягушка! <...> И сразу начала квакать. “Кво-кво, кво-кво, кво...” Точь-в-точь как курочка-несушка, я то их знаю. <...> А вот почему общепринято говорить, что лягушки квакают? Они же квокают!» (орфография и пунктуация сохранены. – Н.О.) [15]. Возвращаясь к аргументам Т.Н. Толстой, стоит согласиться, что звукоподражание «му-му», конечно, лишь приблизительно передает мычание коровы.

Насколько же точно ономатопея должна передавать природные звуки? Полагаем, что чаще всего имеет место именно подражание, а не передача звуков окружающей среды, которая, в частности, зависит от восприятия носителей того или иного языка. Доказательством сказанного может стать тот факт, что в разных языках передача звуков одного и того же животного или птицы может значительно отличаться. Сравним русское *ку-ка-ре-ку*, английское *cock-a-doodle-doo*, немецкое *kikeriki*, китайское *wowo* и еще несколько десятков вариаций изображения крика петуха.

Что же касается происхождения анализируемого нами прагматонима, то в рассказе И. Тургенева звуко сочетание «Муму» также можно считать изначально возникшим как звукоподражание – мычанию глухонемого человека. Окружающие именно так воспринимают и имитируют звуки, которые может издать Герасим, и называют так его собачку.

Современная номинативная ситуация в России характеризуется усилением ориентации на языковую игру (лингвокреативность), на интерактивное общение с потребителем. Доказательством сказанного могут быть, к примеру, такие названия конфет, как «Заводная теща», «Укус женщины», «Без комплексов» и т.п. Такие номинации вызывают у потребителей улыбку, актуализируют юмористическую функцию прагматонима.

Т.А. Гридина под языковой игрой понимает процесс «направленного (программирующего) ассоциативного воздействия на адресата, достигаемого при помощи различных лингвистических механизмов» [16, с. 10]. Она анализирует проблему проявления ассоциативного потенциала слова как центральной единицы языка в процессе языковой игры.

Отметим, что в последние годы номинаторы всё чаще выходят за рамки мелиоративной лексики, не столько моделируя положительные эмоции и ностальгические воспоминания, сколько стремясь привлечь внимание потребителя оригинальным и неожиданным наименованием. В связи с этим иногда они нарушают нормы лингвоэкологии русского языка. Так, Е.П. Иванян отмечает, что «лингвоэкология и лингвокреативная деятельность находятся преимущественно в контрадикторных отношениях, поскольку игровая деятельность говорящего основана на игровых нарушениях установленных норм, правил» [17, с. 209].

Таким образом, в современных прагматонимах – названиях конфет помимо устоявшейся тенденции к использованию мелиоративной номинации, вызывающей умиление, удовлетворенность, настраивающей на лирический лад [18] (о мелиоративных номинациях см.: Л.Р. Ермакова [6], И.И. Исангузина [4], Е.С. Сухинина [19] и др.), наблюдается и попытка расширить круг потребителей, привлекая их такими названиями, как «Без комплексов», «Кочегар Петя» и т.п., которые лишены мелиоративного оценочного значения.

В этом плане интересен прагматоним «Герасим и Му-му» (рис. 2), используемый Новосибирской кондитерской фабрикой «Столица» (в настоящее время «Шоколадные традиции»).

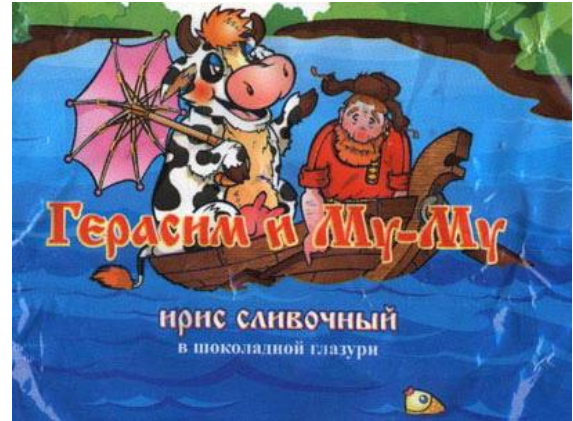


Рис. 2. Обертка конфеты «Герасим и Му-Му»

Это пример актуализации прецедентной ситуации: на фантике изображены Герасим и Му-му в лодке, но при этом Му-Му – корова. Некоторые потребители иронизируют на форумах: «Похоже, собачка Муму приняла мученическую смерть совсем не так, как писал классик. На нее просто СЕЛА КОРОВА!»; «Может это рисовал тот, кто понятия не имеет что Му-му это собачка?» (орфография и пунктуация сохранены. – Н.О.) [20].

Считаем, что в данном случае имеет место языковая игра. Креативный потенциал брендового прагматонима «Му-Му» раскрывается через второй оним – имя главного героя повести И.С. Тургенева. Таким образом, мы наблюдаем контаминацию: одно значение прагматонима «Му-Му» как звукоподражательного обозначения коровы накладывается на второе его значение – кличку собаки из литературного произведения. Прецедентный оним юмористически обыгрывается как вербально, так и графически.

Подведем итог осуществленного исследования.

Нам удалось обнаружить новую тенденцию номинации конфет. Постепенно отступая от традиции использовать в их названиях лексемы, выражающие мелиора-



тивную оценку, производители все больше стремятся с помощью названия привлечь внимание потребителя, в частности молодое поколение. По нашему мнению, они ориентируются на человека думающего, способного улавливать аллюзии и проводить параллели между разными пластами материальной и духовной культуры, а также обладающего чувством юмора (способного оценить людическую функцию прагматонима – названия конфет).

Рассмотрев происхождение прагматонима «Му-Му», мы пришли к выводу, что он образован на основе звукоподража-

ния, что, однако, не исключает его связи с литературным источником – одноименной повестью И.С. Тургенева. Совмещение в одном ониме двух значений (звукоподражательного обозначения коровы и клички собаки из литературного произведения) становится основой для языковой игры в названии конфет «Герасим и Му-Му» (которая к тому же усиливается графическим изображением на обертке), создающей людический эффект. Таким образом актуализируется ассоциативный потенциал прагматонима и меняется его восприятие и осмысление современным потребителем.

\* \* \*

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.
2. Романова Т.П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник Самарского государственного университета / под ред. Г.П. Ярового. Самара : СГУ, 2007. № 5/2(55). С. 204–214.
3. Волкова Н.Н. Как назвать изделие? // Русская речь. 1986. № 2. С. 67–70.
4. Исангузина И.И. Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере названий кондитерских изделий) // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 4. С. 990–993.
5. Ван Мяо. Названия русских и китайских кондитерских изделий в прагмалингвистическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 179 с.
6. Ермакова Л.Р. К вопросу об употреблении прагматонимов в рекламных текстах // Научные ведомости. 2015 № 24(211). Вып. 28. С. 100–103.
7. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 76 с.
8. Шведова Н.Л. Функциональная специфика прагматонимов: на материале современной массовой литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 25 с.
9. Крюкова И.В. Основные номинационные процессы в периферийной зоне ономастического пространства // Ономастика Поволжья : материалы VII конференции по ономастике Поволжья. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. С. 168–172.
10. Яковлева О.Е. Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 246 с.
11. Закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу). URL: <http://base.garant.ru/10104505/#ixzz4TGcuUt39> (дата обращения: 29.04.2019).
12. Раззаков Ф.И. Советское детство. М. : Алгоритм, 2014.
13. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Советская энциклопедия, 1993. 1632 с.
14. Толстая Т.Н. Му-Му и Фру-Фру: исчезновение Больших Смыслов. Запись от 18.06.2019 // Живой журнал. URL: <https://tanyant.livejournal.com/45085.html?page=5> (дата обращения: 30.04.2019).
15. Ква или кво? Запись от 23.05.2019 // Живой журнал. URL: <https://valkova2.livejournal.com/2019/05/23/> (дата обращения: 30.04.2019).
16. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург : УрГПУ, 1996. 225 с.

17. Иванян Е.П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива // Уральский филологический вестник. Вып. 2: Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления : материалы междунар. науч. конференции. 27–28 апреля 2018 г. / гл. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург : УрГПУ, 2018. С. 209–215.

18. Осипова Н.Д. Социокультурное значение прагматонимов – названий конфет // Волжский вестник науки. 2017. № 4–6(8–10). С. 67–69.

19. Сухинина Е.С. Сладкая отантропонимика: комплексная характеристика наименований конфет кондитерских фабрик российских городов // Педагогика городского пространства: теория, методология, практика : сборник трудов по материалам всерос. науч.-практ. конференции (Самара, 25–26 марта 2015 года). Самара : Ас Гард, 2015. С. 467–474.

20. Jus. «Му-му» не по классику. Запись от 12.02.2011 // Яплакаль. Развлекательное сообщество. URL: <https://www.yaplakal.com/forum18/topic307306.html> (дата обращения: 30.04.2019).

**ОППОЗИЦИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ  
В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ  
РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ**

**THE OPPOSITION OF CERTAINTY/UNCERTAINTY  
IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE DISJUNCTIVE SENTENCES**

© 2019

О.А. Починяева (Ананьева)

O.A. Pochinyaeva (Ananieva)

В статье описывается одна из основных оппозиций в семантической структуре разделительных предложений – оппозиция определенности/неопределенности. Понятие определенности применительно к разделительным конструкциям достаточно условно, поскольку важным компонентом их семантики, помимо альтернативности, является осознание говорящим гипотетичности вербализуемых вариантов. Как показали результаты нашего исследования, степень предположительности в обозначении альтернатив может быть разной. В связи с этим для разграничения уверенности и неуверенности говорящего в правильности потенциальных вариантов, используемых им для обозначения ситуации, мы выделяем в семантике анализируемых структур семы «определенность» или «неопределенность». Если автор высказывания точно знает, что одна из названных им ситуаций обязательно имеет место, актуализируется альтернативно-определенное значение. Если же он сомневается в адекватности репрезентируемых альтернатив денотативной ситуации и предлагает, как правило, более двух вариантов, то можно говорить об альтернативно-предположительном значении конструкции. Корреляция частных разделительных значений отчасти базируется на типизированной лексике со значением определенности или неопределенности. Альтернативно-определенное и альтернативно-предположительное значения являются семантическими разновидностями общего категориального значения альтернативы: они соответствуют ему абсолютно. В конструкциях с этими значениями отражаемые события, равновероятные в плане идентичности денотату, мыслятся как абсолютно исключающие друг друга из общего плана реализации.

**Ключевые слова:** сложносочиненное предложение; разделительная конструкция; система; семантика; категориальное значение; альтернатива; взаимоисключение; оппозиция; определенность; неопределенность; денотативная ситуация; союз; семантический вариант; семантическая структура.

The article describes one of the main oppositions in the semantic structure of disjunctive sentences – the opposition of certainty-uncertainty. The concept of certainty is applied to these structures on an assumptive base, since an important component of the semantics of the disjunctive structures, in addition to the alternative, is of the hypothetical nature in terms of their verbal character. The results of the research demonstrate that the degree of assumption in the alternatives may be different. In this regard, to distinguish between certainty and uncertainty of the speaker in the correctness of the potential options used to refer to the situation, we distinguish the semes “certainty” or “uncertainty” in the semantics of the structures. If the author of the statement knows exactly that one of the situations he mentioned takes place for sure, an alternative and defining meaning is foregrounded. If he doubts about the adequacy of the represented alternatives to the denotative situation and offers, as a rule, more than two options, then we can talk about the alternative and assumptive meaning of the structure. The correlation of partial disjunctive meanings is partly based on typical vocabulary with the meaning of certainty or uncertainty. Alternative and defining and alternative and assumptive meanings are semantic varieties of the general categorical meaning of the alternative: they completely correspond to it. In the structures with these meanings the events, equally probable in terms of the correspondence to the denotator, are thought to be incompatible in the general plane of implementation.

**Keywords:** compound sentence; disjunctive structure; system; semantics; categorical meaning; alternative; mutual exclusion; opposition; certainty; uncertainty; denotative situation; conjunction; semantic variant; semantic structure.

Системный подход к анализу семантики языковых единиц, предполагающий определение общего, инвариантного, типологического признака и частных, более конкретных значений, основывается на выделении в семантической структуре единицы ряда оппозиций.

Системное изучение разделительных конструкций в настоящее время является одной из актуальных проблем в синтаксисе сложносочиненного предложения, поскольку объектом научного рассмотрения ранее выступали преимущественно предложения с соединительными и противительными

отношениями. Отсутствие целостного, всестороннего описания структурно-семантических особенностей предложений с разделительными союзами не позволяет в полной мере решить вопрос о внутрисистемной организации значений сочинительных конструкций в целом, о соотношении категорий разделительности (дизъюнкции), противительности (адверсативности) и соединительности (конъюнкции).

Сведения о разделительных структурах сравнительно немногочисленны и недостаточно систематизированы, а также дискуссионны. Нет единого мнения относительно количества частных значений, их интерпретации. Не изучен вопрос о том, в каких отношениях находятся разные значения предложений. А между тем эти отношения могут быть разного порядка: отношения тождества одних элементов значений (более общих) и противопоставления других (более частных).

Имеющиеся наработки представляют собой, как правило, результат глубокого анализа отдельных аспектов структуры и семантики разделительных предложений. Эти аспекты изучались отечественными лингвистами Ф.И. Буслаевым [1], Л.А. Булаховским [2], А.А. Шахматовым [3], А.М. Пешковским [4], В.В. Виноградовым [5], А.Н. Гвоздевым [6], В.А. Белошапковой [7], В.З. Санникова [8], Т.А. Колосовой [9], С.А. Шуваловой [10], Н.Н. Холодовым [11], А.Н. Стеценко [12], Е.В. Падучевой [13], В.М. Хегай [14], И.Н. Кручининой [15], А.В. Гладким [16], Н.А. Дьячковой [17], В.Н. Перетрухиным [18], А.В. Колесниковым [19], З.Н. Бакаловой [20], О.А. Починяевой (Ананьевой) [21], работы которых создают надежную основу для определения перспектив более систематического и углубленного изучения категории разделительности.

Цель статьи состоит в описании противопоставленных друг другу отношений отдельного звена семантической классификации разделительных предложений – оппозиции определенности-неопределенности.

Категориальное грамматическое значение разделительных предложений – зна-

чение альтернативы [21, с. 10–11]. Оно является неким «остовом», «фундаментом», «глубинной сущностью» всех выделяемых на его основе семантических вариантов/разновидностей. Несмотря на то, что эти варианты в большей степени определяются контекстом, речевой ситуацией, они включаются в систему языка, поскольку являются результатом определенного обобщения, систематизации отдельных значений, репрезентируемых в тех или иных речевых реализациях. «Множественность возможных типов системно-структурной организации категориального грамматического значения – естественное следствие многомерности соотношения системы языка и системы речи» [22, с. 172].

В конструкциях с собственно-альтернативными значениями соединяются утверждения о несоединимых, несовместимых вообще или в определенный момент времени явлениях. Альтернативный характер перечисляемых событий обусловлен их гипотетичностью: говорящий может лишь предположить, какие из событий могут иметь место в действительности.

1. *Ваше платье забыли принести из пошивочного цеха, **или** оно уже висит в примерочной* (Из разговорной речи).

2. *В другом углу другие две старые пчелы лениво дерутся, **или** чистятся, **или** кормят одна другую, сами не зная, враждебно **или** дружелюбно они это делают* (Толстой. Война и мир).

В приведенных предложениях наблюдаем абсолютную несовместимость явлений: в первом предложении по поводу одного и того же объекта (платья) высказываются два взаимоисключающих предположения – *забыли принести, уже повесили*, а во втором описаны равновероятные, но исключаящие друг друга из общего плана реализации действия, производимые пчелами – *дерутся, чистятся, кормят одна другую*. Говорящий, вербализуя данные предложения, не знает, какое из действий референтно действительности в момент речи. Но при общем гипотетическом фоне степень уверенности говорящего в верно-

сти высказанных альтернативных версий. В первом предложении говорящий уверен, что одна из вербализуемых ситуаций обязательно соответствует денотату; во втором такой уверенности нет. Подтверждением этому служит возможность употребления в контексте первой конструкции предикатов со значением уверенности, а во второй – со значением сложности понимания и соответственно неуверенности в адекватности вербализуемых ситуаций описываемой действительности: *Думаю, что ваше платье забыли принести из пошивочного цеха **или** оно уже висит в примерочной; Не могу понять, что делают две старые пчелы в другом углу: лениво дерутся, **или** чистятся, **или** кормят одна другую, сами не зная, враждебно **или** дружелюбно они это делают.*

В первом модифицированном варианте утверждается наличие только двух альтернатив, одна из которых обязательно исключает другую (*платье **или** забыли принести, **или** оно уже висит*); во втором – отсутствует уверенность говорящего в правильности репрезентируемых альтернатив, в связи с этим их количество больше двух (*пчелы дерутся, **или** чистятся, **или** кормят одна другую*).

Учитывая эти семантические особенности, считаем целесообразным выстроить в структурно-семантической классификации разделительных конструкций оппозицию альтернативно-определенного и альтернативно-предположительного значений.

Сущность альтернативно-определенного значения определяется следующим прагматическим фактором: говорящий знает, уверен, понимает, что в конкретной ситуации возможны только две альтернативы, иными словами, существует некая определенность в обозначении альтернатив при неопределенности, какая из них релевантна действительности:

*Зачем он взял у Вышимирского эти бумаги? Тут могло быть только два решения: **или** для того, чтобы уничтожить все следы этого прошлого, **или** для того, чтобы держать Николая Антоныча в своих*

*руках (Каверин. Два капитана); И Маленков понял: Сталин **или** чем-то недоволен, **или** собирается дать серьезное задание (Рыбаков. Дети Арбата).*

Альтернативно-определенное значение содержит в своей структуре указание на взаимоисключающий характер названных в предложении альтернатив и на обязательность реализации одной из них. Семы ‘взаимоисключение в абсолютном смысле, без каких-либо ограничений’ и ‘обязательность реализации’ определяют специфику данного значения.

Семантической основой взаимоисключения является взаимообусловленность содержания предикативных единиц: если реально содержание первой части, то, следовательно, нереально содержание второй, и наоборот:

*У нас тут только один закон – Софья Александровна, – сказала Варя, – она здесь хозяйка. **Или** мы подчинимся ее требованию, **или** нам придется выметаться отсюда (= если мы не подчинимся, то нам придется выметаться; если подчинимся, то не придется) (Рыбаков. Дети Арбата); **Или** я убью его, **или** он попадет мне в голову, в локоть, в коленку (=если я не убью его, то он попадет в меня; если убью, то, соответственно, не попадет) (Голстой. Война и мир); Скажите им (Каменеву и Зиновьеву. – О.П.), что бы они ни делали, как бы ни выкручивались, им не остановить хода истории. **Или** они будут спасать свою шкуру, **или** подохнут! (= если не будут спасать, то подохнут; если будут, то не подохнут) (Рыбаков. Дети Арбата).*

Скрытое взаимоотрицание, заложенное в семантической структуре конструкций с союзом **или**, может получать и эксплицитное выражение: <...> *страсти – **или** излечиваются, **или, если неизлечимы, кончатся** свадьбой. Нет для меня мирной пристани: **или** горение, **или** – сон и скука!* (Гончаров. Обрыв). Интересным в этом плане представляется построение следующих двух конструкций, между которыми наблюдаются аналогичные разделительные отношения: *И я снова повторяю: **Или** вы*

публично разоружитесь, честным признанием выполнив свой долг коммуниста, и останетесь живы. **Если** же вы **не** разоружитесь, **то** будете расстреляны, а ваше имя будет обесчещено на суде, вы умрете как враг Советской власти (Рыбаков. Дети Арбата).

Разделительные отношения между двумя конструкциями, оформленные с помощью союзов *или... если не..., то*, характеризуются меньшей категоричностью по сравнению со структурами с союзом *или... или*, в большей степени выражающими безапелляционность суждения.

Альтернативно-определенное значение, являясь частной семантической разновидностью категориального значения альтернативы, детерминирована целым рядом факторов, имеет существенную «поддержку» со стороны как структурной организации конструкции, так и ее лексического наполнения.

Так, типовая модель предложений с союзом *или*, представляющая открытый или потенциально открытый ряд предикативных единиц, преобразуется в двухкомпонентную модель с повторяющимся союзом, подчеркивающим, что говорящий мыслит отражаемые явления как взаимоисключающие факты действительности. Например: *Уже к ночи я **или** приду сам, **или** пришлю кого-нибудь побыть с тобой* (Гончаров. Обрыв); *<...> **пел** отвратительно и фальшиво даже в революционных песнях; и обижался, когда смеялись. – **Или** вы все ослы, **или** я осел, – говорил он серьезно и обиженно* (Андреев. Рассказ о семи повешенных).

Взаимоисключающее содержание компонентов в некоторых случаях определяется антонимичным характером лексики (1), иными лексическими показателями, указывающими на возможность только двух способов представления какой-то ситуации, истинным из которых будет один, в момент речи неизвестно какой (2), или же маркерами, направленными на выражение возможности или необходимости выбора какой-то одной из двух альтернатив (3).

1. *Воспоминания – **или** величайшая поэзия*, когда они – воспоминания о живом счастье, **или** – жгучая боль, когда они касаются засохших ран (Гончаров. Обломов); *Необозримое блестяще-желтое поле замыкалось только с одной стороны высоким синееющим лесом, который тогда казался мне самым отдаленным, таинственным местом, за которым **или** кончается свет, **или** начинаются необитаемые страны* (Толстой. Детство); – *Куда же вы? – спросил Самгин. – На Пресню. Оттуда и **треснем**. **Или** **сами** там **треснем*** (Горький. Жизнь Клима Самгина); *Человек, которого унижали в детстве, никогда потом не знает себе цены. Он ее **или** завышает, **или** занижает* (Токарева. Римские каникулы).

2. *Вас ожидает одно из двух (он содрал кожу над левым виском): **или** не додете до армии и мир будет заключен, **или** поражение и срам со всею Кутузовскою армией. И Билибин распустил кожу, чувствуя, что дилемма его неопровержима* (Толстой. Война и мир); *Мне надо застрелить эту собаку, Марка, **или** застрелиться самому; да, что-нибудь одно из двух* (Гончаров. Обрыв); *Но положение было безвыходным: **или** ссориться с Барбарой, **или** терпеть. Марина выбрала второе* (Токарева. Лиловый костюм); *Зверски ошибочно рассуждаете, ибо одно из двух: **или** мужик будет богат, **или** – погибнем «яко обри, их же несть ни племени, ни рода* (Горький. Жизнь Клима Самгина).

3. *Нам предстоял выбор: идти ли всем по леднику и тащить за собой груз, **или** разделить на две партии <...>* (Каверин. Два капитана); *<...> Таким образом, Мрачковскому предоставляется выбор: **или** с партией против Троцкого и тогда жизнь и будущее, **или** со Смирновым за Троцкого и против партии, и тогда ни жизни, ни будущего* (Рыбаков. Дети Арбата); *У Сакромозо был выбор – пронзить негодяев шпагой **или** бежать, не поднимая шума. Он предпочел второе <...>* (Сорокина. Свидание в Петербурге).

Семантика выбора может реализовываться в конструкциях и без специальных

лексических указаний на ее существование. В таких предложениях с помощью повелительного наклонения глаголов выражается побуждение к необходимости выбора чего-то одного из предлагаемого: *Послушайте*, – сказал я, – **или** застрелитесь, **или** повесьте пистолет на прежнее место (Лермонтов. Герой нашего времени); **«Или** страсть подай мне, – вопил он, – **или** скажи решительно, от кого письмо и кого ты любишь» (Гончаров. Обломов). Семантика альтернативного выбора может быть детерминирована и самим характером информативного содержания: *Марина сглотнула наконец. Повернулась к дочери. Раздельно произнесла: – Или я. Или он. – Он,* – ответила Снежана (Токарева. Своя правда); *Но Саша крикнул вдруг: «Кошелек **или** жизнь!»* (Сорокина. Свидание в Петербурге).

Сема 'обязательность реализации', определяющая специфику альтернативно-определенного значения, может эксплицироваться словами и словосочетаниями, обозначающими уверенность говорящего в том, что из всевозможных вариантов описания рассматриваемой ситуации он выбрал два единственно правильных, один из которых точно соответствует действительности: *Соня, она (Наташа) знала, со своим строгим и цельным взглядом **или** ничего бы не поняла, **или** ужаснулась бы ее признанию* (Толстой. Война и мир); *Кажется, ее нельзя учить, да и нечему: она **или** уже все знает, **или** не хочет знать! – решил он про себя* (Гончаров. Обрыв); *Это значит: **или** ваш дом в действительности некрасив, **или** же не так плох, как вы думаете* (Андреев. Профессор Сторицын); *Что это значит? – **Или** он удаляется, чего одного мы должны бояться, **или** он перемещает позицию* (Толстой. Война и мир); *«Вот тебе все и объяснилось! – подумал Берлиоз в смятении, – приехал сумасшедший немец **или** только что спятил на Патриарших. Но следовательно был уверен в том, что Берлиоз бросился под трамвай **или** свалился под него, будучи загипнотизированным* (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Категоричность в выражении семантики взаимоисключения наиболее ярко проявляется в неполных конструкциях с альтернативно-определенным значением: – *Я с тобой. Он покосился на нее. – А надо? – Да,* – твердо сказала она и решительно поставила на стол свою чашку. – *Надо. Или со мной, **или** никак* (Устинова. Мой генерал); *Они так и живут. Или все – **или** ничего* (Токарева. Своя правда); – *Ничего,* – бодро ответил Рыбников. – *Русский солдат как говорит? Или грудь в крестах, **или** голова в кустах* (Акунин. Алмазная колесница).

Конструкции с альтернативно-определенным значением выражают одновременно и определенное знание, и незнание субъектом описываемой ситуации. Знание субъекта речи проявляется в том, что он способен из множества потенциальных ситуаций выбрать только две, одна из которых обязательно имеет место в действительности; незнание определяется тем, что он не способен в момент речи сказать, какая из альтернатив является реальной.

Альтернативно-определенное значение – значение «строгой», «категоричной» дизъюнкции – передает уверенность субъекта речи в правильности обозначенных им альтернативных вариантов, тем самым усиливая характер взаимоисключающих отношений между ними.

В разделительных конструкциях с альтернативно-предположительным значением противопоставлены взаимоисключающие события, одно из которых, возможно, соответствует реальному «положению дел». Признак неуверенности говорящего в справедливости названных альтернативных ситуаций реализуется с помощью слов и словосочетаний, обозначающих незнание или непонимание ситуации (1), или с помощью модальных слов со значением предположения (2).

1. *Подбитый зверь под Бородиным лежал там где-то, где его оставил отбежавший охотник; но жив **ли**, силен **ли** он был, **или** он только притаился, охотник не знал этого* (Толстой. Война и мир); *Попала **ли** пуля в какое-нибудь нервное сплетение,*

*или* рана так болезненно загноилась – не знаю (Каверин. Два капитана).

2. *Да, голова горячая... Это ты, должно быть, простудился или чего-нибудь покушал* (Чехов. Степь); *Предчувствие катастрофы, гибели Земли преследовало ее с самого раннего детства. Может быть, оно было отчасти навеяно иллюстрациями грозных потоков в Библии или же чувствознание было пробуждено ими* (Рерих. У порога Нового мира).

Акцентирование незнания обуславливает открытый характер ряда возможных в данном случае альтернатив. Их количество обратно пропорционально степени осведомленности говорящего: чем больше список предполагаемых ситуаций, тем меньше человек знает об описываемом событии, и наоборот.

1. Слышалось гудение, точно летели пчелы: *это у притвора, не торопясь, вполголоса, отпевали младенца; или живописец, писавший на куполе голубя и вокруг него звезды, начинал тихо посвистывать и, спохватившись, тотчас же умолкал; или Редька, отвечая своим мыслям, говорил со вздохом: «Все может быть!»; или над нашими головами раздавался медленный заунывный звон <...>* (Чехов. Моя жизнь). В этой конструкции говорящий, пытаясь понять источник звука, вербализует четыре альтернативы (их может быть и больше), которые, с его точки зрения, могли бы иметь место.

2. *Сын уже давно погасил свет в кухне и затих в своей комнате. Спит или читает «Всадника без головы»* (Белоглазова. Ритка). Здесь автор речи обладает большей информацией об описываемом объекте, чем в первой, и предполагает на основе устоявшихся привычек сына два возможных вида его занятий в указанный момент.

Предположительный характер перечисляемых альтернативных вариантов может быть вызван:

1) отсутствием необходимой информации: *Она не знала, затерялись ли ее письма или он не внял им* (Николаева. Битва в пути); *Одно точно: он женился и уехал*

*в Москву, а вот бросил ли он службу окончательно или вернулся к ней, озверев от семейной жизни, этого я с уверенностью сказать не могу* (Соротокина. Трое из навигационной школы); Неизвестно в точности, *была ли то военная проба пера перед началом утренних занятий или вообще собакам запрещалось пребывание на оккупированной территории, но только шавочка враспяжку уже лежала на снегу возле Полиных ног* (Леонов. Русский лес);

2) нечеткостью восприятия – слухового (а), зрительного (б), неясностью ощущений (в):

(а) *И она не знала, послышалось ей или отец действительно прошептал: – Жалей маму* (Андреев. Жизнь Василия Фивейского); *Мелькнет узкая рука, в озарении любви и душистого тепла колыхнется что-то нежное: шепот ли, слившийся с шелестом платьев, или заглушенная слеза: мать – сестра – невеста* (Андреев. Сашка Жегулев); *Из людской слышалось шипенье веретена да тихий, тоненький голос бабы. Трудно было распознать, плачет ли она или импровизирует заунывную песню без слов* (Гончаров. Обломов);

(б) – зрительного: *«А бог знает, барин, – сказал он, садясь на свое место, – воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек»* (Пушкин. Капитанская дочка); *Все небо над горизонтом было залито багровым заревом, и трудно было понять, был ли то где-нибудь пожар или же собиралась восходить луна* (Чехов. Степь); *Ему долго не спалось; взошел месяц, светлее стало в избе, ему видно стало в углу Аксинью и что-то, чего он разобрать не мог: армяк ли сын забыл, или кадушку бабы поставили, или стоит кто-то* (Толстой. Поликушка);

(в) <...> *у него болели зубы, болели открыто и злобно, всею полнотою острой сверлящей боли. И уже нельзя было понять, болел ли это вчерашний зуб, или к нему присоединились и другие: весь рот и голова полны были ужасным ощущением боли* (Андреев. Бен-Товит);



– Поздно! Он не знал, была ли это мысль, или чувство, или он вслух произнес его, как слово; оно прозвучало громко и отовсюду и удалилось быстро, как удар грома над головой (Андреев. Губернатор);

3) сложностью понимания и объяснения сложившейся ситуации вообще (а) или в силу давности важных для идентификации событий (б), когда говорящий не может точно соотнести описываемое событие ни с одной из альтернатив:

(а) *В течение пяти недель доктор Любомудров не мог с достаточной ясностью определить болезнь пациента, а пациент не мог понять, физически болен он или его свалило с ног отвлечение к жизни, к людям (Горький. Жизнь Клима Самгина); И теперь она ему нравилась, очень нравилась, но чего-то уже не доставало в ней, или что-то было лишнее, – он и сам не мог бы сказать, что именно (Чехов. Ионыч);*

(б) – Ты давно знаком с ним? – Года два уже. Познакомились на бегах. Он – деньги потерял или – выкрали (Горький. Жизнь Клима Самгина); Говорил ли мне кто-то или приснилось мне, что будто бы Юлий Кесарь обладал способностью делать несколько разных дел одновременно (Булгаков. Театральный роман).

Коммуникативный замысел говорящего в приведенных предложениях заключается в представлении ряда равновероятных событий, одно из которых, возможно, соответствует действительному положению дел. Отсутствие категоричности в перечислении ситуаций, предполагаемо идентичных денотату, несколько нейтрализует значение взаимоисключения. Однако и предполагаемая реальность одного является условием исключения другого.

Таким образом, конструкции с альтернативно-предположительным значением акцентируют неуверенность говорящего в истинности вербализуемых альтернатив по отношению к денотативной ситуации. Однако эти альтернативные варианты осознаются несовместимыми, взаимоисключающими. Отношение взаимоисключения осложняется здесь указанием на трудность выделения из двух или из ряда явлений одного вследствие неопределенности полученного впечатления.

Проанализировав особенности конструкций с альтернативно-определенным и альтернативно-предположительным значениями, мы можем утверждать, что они являются семантическими разновидностями категориального значения альтернативы, соответствуя ему абсолютно. В конструкциях с этими значениями отражаемые события, равновероятные в плане идентичности денотату, мыслятся как абсолютно исключающие друг друга из общего плана реализации. Однако в предложениях с альтернативно-определенным значением акцентируется уверенность говорящего в том, что одна из вербализованных им ситуаций обязательно имеет место; в конструкциях с альтернативно-предположительным значением такой уверенности нет, говорящий сомневается в адекватности репрезентируемых альтернатив денотативной ситуации.

Определение оппозиции определенности-неопределенности в семантической классификации разделительных конструкций дает возможность ставить вопрос о системном строении разделительных конструкций в целом и о принципах их противопоставления смежным соединительным и сопоставительно-противительным предложениям.

\* \* \*

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959. 622 с.
2. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к литературному русскому языку. Киев : Радянська школа, 1939. 305 с.
3. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М. : Едиториал УРСС, 2001. 605 с.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. : Учпедгиз, 1956. 511 с.
5. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М. : Наука, 1965. С. 7–15.
6. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. В 2 ч. Ч. II: Синтаксис. М. : Просвещение, 1973. 273 с.
7. Белошапкина В.А. Сложное предложение // Грамматика современного русского литературного языка. М. : Наука, 1970. С. 652–741.
8. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М. : Языки славянских культур, 2008. 624 с.
9. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж : ВГУ, 1980. 164 с.
10. Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М. : Московский ун-т, 1990. 234 с.
11. Холодов Н.Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Ч. 2. Смоленск : Смоленский гос. пед. ин-т им. К. Маркса, 1975. 88 с.
12. Стеценко А.Н., Холодов Н.Н. Об основных тенденциях и путях развития системы сочинения в русском языке // Вопросы языкознания. 1980. № 2. С. 99–110.
13. Падучева Е.В. Опыт логического анализа значения союза ИЛИ // Философские науки. 1964. № 6. С. 145–148.
14. Хегай В.М. Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 21 с.
15. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М. : Наука, 1988. 212 с.
16. Гладкий А.В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М. : Наука, 1985. 250 с.
17. Дьячкова Н.А. Полипредикативные разделительные конструкции с союзом «то... то» в современном русском языке и их функционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 20 с.
18. Перетрухин В.Н. Типы разделительных отношений и способы их выражения в простом предложении // Ученые записки Курского пединститута. Курск : Курский пед. ин-т, 1971. Т. 92, вып. 4–5. С. 4–38.
19. Колесников А.В. Средства выражения разделительных отношений в синтаксисе целого текста // Русский язык : сборник статей. Воронеж : Воронежский гос. пед. ин-т, 1977. Т. 191, вып. 3. С. 77–78.
20. Бакалова З.Н., Починяева О.А. О взаимосвязи системного и коммуникативно-функционального изучения языковых единиц // Язык как функционирующая система : доклады междунар. науч.-практ. конференции. Самара : ПГСГА, 2013. С. 25–32.
21. Ананьева О.А. Полипредикативные разделительные предложения с союзом *или*: строение и семантика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 20 с.
22. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТРОПОВ «ДЕРЕВО – ЖИВОТНОЕ»  
В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XIX–XX ВЕКОВ

SEMANTIC FEATURES OF THE TROPES “TREE – ANIMAL”  
IN RUSSIAN POETRY OF 19<sup>th</sup> – 20<sup>th</sup> CENTURIES

© 2019

М.Г. Соколова

M.G. Sokolova

В статье рассматриваются тропы, составляющие образную парадигму «дерево – животное», как средство репрезентации эстетически значимых семантических признаков дендронимов в поэтическом языке. Охарактеризована структура образной парадигмы «дерево – животное», включающая частные лексические реализации исходного соответствия (частные парадигмы): «дерево – зверь», «дерево – рыба», «дерево – птица», «дерево – насекомое». Определен состав образов сравнения, характеризующих дендронимы в контексте тропов. Установлено, что в качестве образов сравнения чаще всего выступают видовые обозначения различных животных, а также частей целого, особенностей поведения, повадок животных.

Выявлены семантические признаки дендронимов, с помощью которых формируется образ поэтического сезонного пейзажа: ‘цвет’, ‘широкие резные листья’, ‘густота лиственного покрова’, ‘звук’, ‘форма’. Показано, как обозначенные семантические признаки соотносятся с образами сравнения, организующими различные тропы.

Доказано, что выявленные семантические признаки основаны на наглядно-чувственном восприятии изображаемых реалий: прямой тонкий ствол тополя, произрастание тополя вдоль дорог, цвет золотых осенних листьев клена, густая, раскидистая, широкая крона клена и др.

Продемонстрированы направления семантического и эмоционально-экспрессивного обогащения эстетического значения дендронимов в контексте тропов: представления о движении, перемещении в пространстве, о сиянии, блеске или безжизненности, мрачности и тревожности.

**Ключевые слова:** русская поэзия; лингвопоэтика; поэтическая семантика; эстетическое значение; семантический признак; эмоционально-экспрессивная коннотация; дендронимы; образная парадигма; образ сравнения; тропы; зооморфный образ; пейзаж; родовидовые отношения; устойчивость поэтического образа.

The article discusses the tropes, components of the figurative paradigm “tree – animal”, as a means of representing aesthetically meaningful semantic characteristics of dendronyms in the poetic language. It describes the structure of the figurative paradigm “tree – animal”, which includes particular lexical revelations of the original match (particular paradigms): ‘tree – animal’, ‘tree – fish’, ‘tree – bird’, ‘tree – insect’. It determines what the images of comparison that characterize dendronyms in the context of tropes include. It establishes that names of species of various animals, as well as parts of the whole, peculiarities of behavior and habits of animals are often employed as images of comparison.

The article identifies the semantic features of dendronyms through which the image of a poetic seasonal landscape is built: “color”, “wide carved leaves”, “thick foliage”, “sound”, “form”. It is shown how these semantic features correlate with the images of comparison as parts of various tropes.

It proves that the semantic features identified in the research are based on the visual and sensory perception of the depicted realities: a straight thin trunk of a poplar, poplar growing along the roads, the color of the golden autumn leaves of a maple, dense, spreading, wide crown of a maple, etc.

It demonstrates the ways of semantic and emotionally expressive enrichment of aesthetic value of dendronyms in terms of tropes: ideas of movement, movement in space, radiance, brilliance or lifelessness, gloominess and anxiety.

**Keywords:** Russian poetry; linguistic poetics; poetic semantics; aesthetic value; semantic feature; emotional and expressive connotation; dendronyms; figurative paradigm; comparison image; tropes; zoomorphic image; landscape; genus-species relations; stability of the poetic image.

Троп в поэтическом тексте является не только важным приемом его организации, но и средством создания поэтической картины мира [1]. В основе множества тропов в русской лирике XIX–XX веков лежит образ-

ная парадигма «дерево – животное», то есть уподобление растительных реалий различного вида животным, частям их тела, особенностям поведения. В теории воспроизводимости поэтического образа парадигма

понимается как устойчивое ассоциативное соответствие (инвариант), включающее множество частных образов (тропов) на основе определенных семантических отношений [2 ; 3]. В лингвистических исследованиях обращалось внимание на важную роль тропов с опорными словами «птица», «змея», «зверь», «растение» для обозначения человека, отвлеченных понятий в русской литературе XIX–XX веков [4 ; 5 ; 6]. Лексикографическое описание тропов с опорными словами «растение», «животное» представлено в словарях Н.А. Кожевниковой, З.Ю. Петровой [7], Н.В. Павлович [8], Н.Н. Ивановой [9], Ю.Н. Исаева [10]. Отдельные аспекты исследований в области языка художественной литературы – эволюция тропов в поэтическом языке [11 ; 12], поэтика образных средств [13].

Предмет анализа в данной статье – образная парадигма «дерево – животное», рассмотренная в аспекте репрезентации эстетически значимых семантических признаков дендронимов как компонентов различного вида тропов. Мы исходим из принятого в лингвистической семантике и лингвопоэтике положения, согласно которому смысл лексической единицы в тексте преобразуется в поэтический [14]. Свообразием поэтического (эстетического) значения слова являются «двуплановость семантики» [15], «внутренняя форма» [16], «семантические обертоны» [17], «эмоционально-экспрессивные коннотации», наслаивающиеся «на тот минимум признаков, который представлен в формулировке значения» в общелитературном языке [18, с. 122]. Особенно ярко отмеченная особенность эстетического значения лексической единицы проявляется в контексте тропов.

Цель предлагаемой статьи – выявить семантические признаки дендронимов, актуализируемые в поэтическом языке XIX–XX веков посредством тропов, составляющих образную парадигму «дерево – животное».

Исследование выполнено на материале поэтического корпуса Национального корпуса русского языка [19]. Объем рас-

сматриваемого материала – 828 поэтических контекстов, содержащих тропы с лексемами *тополь* и *клен* в качестве предмета сравнения. Из них 26 примеров включают тропы с образами сравнения, обозначающими животных, части их тела, особенности поведения.

Образная парадигма «дерево – животное» включает частные (то есть лексические трансформации исходного образного соответствия) парадигмы, объединенные родовидовыми отношениями: «дерево – зверь», «дерево – рыба», «дерево – птица», «дерево – насекомое». Далее частные парадигмы пополняются рядами образов сравнения, обозначающими видовой разновидности соответствующих животных, а также части тела, особенности их поведения и повадок: «дерево – звереныш, телка, конь, шкура, лапа, линять», «дерево – орел, стая, крылья, оперенье», «дерево – бабочка, паека», «дерево – допотопные чудища».

Представленные образы сравнения группируются по семантическим признакам, в основе которых находится наглядно-чувственное восприятие денотата: 'цвет', 'широкие резные листья', 'густота листового покрова', 'звук', 'форма'. Приведем соответствующие примеры:

1) 'цвет' – *огненный кочет* (*Как огненный кочет с насеста, / Слетают багряные клены* (Д. Самойлов. *Ветреный вечер*. 1966)); *черный* (*Надо мною / Черных тополей шуришала мгла, / Шелестела сумрачной листвою, / Крыльями взлетевшего орла* (Б.К. Лившиц. *Мэри*. 1935–1937); *и клен чернеет и кричит, что грач* (С.В. Петров. *Весенний день с замашкой колориста...* 1965)); *седая стая* (*Тополей седая стая, / Воздух тополиный...* (Э.Г. Багрицкий. *Дума про Опанаса*. 1926)); *шкура плеса* (*Пойдем туда дорогой колеистой, / где в шкуре плеса тополь серебристый – / алмаз, не уступающий черте* (И.Ф. Жданов. *Пойдем туда дорогой колеистой...* 1978–1991));

2) 'широкие, резные листья' – *бабочка* (*Бабочка это? / Нет, клена красный листок уносит осень* (И.Н. Голенищев-Кутузов. *Бабочка это?...* 1960); *Клен броса-*

*ет же охапки. / Листья бабочками плавно / Опускаются, как ряса* (В.И. Нарбут. Осенняя заводь. 1909); *Пробуждаются клены от сна, / Чтоб, как бабочки, листья захлопали* (Н.А. Заболоцкий. Уступи мне, скворец, уголок... 1946)); *рыба (Клен в сапожки расписные обут, / Падают листья и рыбой плывут* (П.Н. Васильев. Круг по воде и кося трава... 1929–1930));

3) ‘густота лиственного покрова’ – *линять, оперенье, очесывание коня (И озими влажны, и сизая ворона / На поределом оперенье клена* (И.В. Чиннов. Особенно когда осенне-одиоко... 1972); *Настало время говорить о розах, о том, как пахнет свежая земля, как серьги осыпаются с березы, пернатые линяют тополя...* (О.Ф. Берггольц. О листьях. 1934); *И жёлтый ветер осенницы / Не потому ль, синь рябью тронув, / Как будто бы с коней скребницей, / Очёсывает листья с клёнов* (С.А. Есенин. Сорокоуст. 1920));

4) ‘звук’ – *крылья орла, крик грача, пасека (Надо мною / Черных тополей шуриала мгла, / Шелестела сумрачной листвою, / Крыльями взлетевшего орла* (Б.К. Лившиц. Мэри. 1935–1937); *и клен чернеет и кричит, что грач* (С.В. Петров. Весенний день с замашкой колориста... 1965); *Усыпал, такая жара стояла, а проснулся: небо заволокло, тополя гудят как восставшая псека, занавеска бросается из окна, спала жара, окончилась перестройка* (М.Н. Айзенберг. Даже сбросил ненужное одеяло... 1988));

5) ‘форма’ – *ноги телки (И ноги босые, как телки под ворота, / Уткнули по канавам тополя* (С.А. Есенин. Русь советская. 1924)); *скелеты чудиц (Скелеты чудиц допотопных, / Шестисотлетних тополей, / Стоят толпой скалоподобной, / Костей обветренных белей* (В.Т. Шаламов. Наверх. 1937–1956)).

Эстетическая значимость выявленных наглядно-чувственных признаков дендронимов проявляется в том, что они формируют поэтический образ сезонного пейзажа. Их художественное воплощение отличается большим авторским своеобразием. Обратимся к приведенным выше иллюстратив-

ным примерам. Так, у Д. Самойлова эстетически значимый признак ‘цвет’ (золотых осенних листьев клена) передается через ассоциацию с огненным кочетом. Значение дендронима осложняется смысловой коннотацией – ‘движение’, благодаря чему возникающий образ достигает эмоционального напряжения. У С.В. Петрова весенний, лишенный листьев клен уподобляется грачу по цветовому признаку ‘черный’, при этом значение дендронима дополняется признаком ‘звук’.

Пейзажный образ тополя формируют семантические цветовые признаки – ‘седой’ и ‘черный’, которые актуализируются в контекстах с помощью зооморфных ассоциативных соответствий «тополь – стая» (у Б.К. Лившица), «тополь – крылья орла» (у Э.Г. Багрицкого). Последняя ассоциация имплицитно также признак ‘звук’, а эстетическое значение тополя приобретает тревожную, мрачную эмоционально-экспрессивную коннотацию. Звуковая характеристика тополя создается еще одним зооморфным образом *восставшей псеки*, в котором передается впечатление от гудящих во время летнего зноя деревьев.

Устойчивым, повторяющимся семантическим признаком дендронима *тополь* является признак ‘переливаться’. По нашим наблюдениям, частотность его воспроизводимости в поэтическом языке двух веков составляет 7% [20]. Поэтические образы, выражающие этот признак, встречаются у И.А. Бунина, И.С. Тургенева, М.А. Волошина, В.В. Набокова, В.М. Саянова, В.И. Иванова, И.Н. Молчанова, Е.И. Дмитриевой, А.И. Введенского.

В рамках парадигмы «дерево – животное» данный признак репрезентируется через образ сравнения «тополь – шкура плеса» (плес – спокойный участок реки). О том, что эта «шкура плеса» блестит и переливается, свидетельствуют другие характеристики тополя в стихотворении И.Ф. Жданова – *серебристый, алмаз*.

Семантический признак, отраженный в словарном определении лексемы «клен» – ‘широкие резные листья’, получает в поэ-

тическом языке яркое воплощение с помощью образа *бабочки*, который неоднократно повторяется в творчестве поэтов И.Н. Голенищева-Кутузова, В.И. Нарбута, Н.А. Заболоцкого. Обозначенный признак листьев также передается с помощью зооморфного сравнения – *рыбой плывут*.

Пора листопада – одна из самых любимых тем русской пейзажной лирики. Поэтическое воплощение осеннего листопада связано с четырьмя зооморфными образами сравнения, ассоциативно выражающими семантический признак дендронимов ‘густота лиственного покрова’. Например, облетание желтой листвы осенью сравнивается С.А. Есениным с очесыванием коня скребницей. У И.В. Чиннова, О.Ф. Берггольца деревья также могут *линять*, терять *оперенье*, словно птицы. Сравнение облетающих листьев с *бабочками*, кроме эстетической актуализации формы листьев, выражает также признак ‘летать’ (как бабочка).

Посредством уподобления дерева животному в поэтическом языке находит выражение еще один семантический признак дендронима *тополь* – ‘форма’. Из повседневного опыта известно, что тополь имеет прямой высокий ствол. Эти особенности изображаемой реалии послужили основанием для образа сравнения «тополь – скелеты допотопных чудищ», который реализует также семантический признак ‘безжизненный’. Характерная форма ствола и произрастание тополя вдоль дорог позволили С.А. Есенину сравнить тополь с *босоногой телкой*. В последнем поэтическом образе эстетически значимым оказывается также семантический признак дендронима – ‘ходить’.

Таким образом, образная парадигма «дерево – животное» включает четыре част-

ные парадигмы, представляющие собой варианты исходного соответствия: «дерево – зверь», «дерево – рыба», «дерево – птица», «дерево – насекомое». Данные парадигмы представлены тропами с образами сравнения, обозначающими видовой разновидности соответствующих животных, а также части тела, особенности их поведения и повадок: *телка, конь, шкура, лапа, линять, орел, стая, крылья, оперенье, бабочка* и др.

Образная парадигма «дерево – животное» занимает важное место в выражении семантических признаков дендронимов, имеющих эстетическую значимость в пейзажных описаниях: ‘цвет’, ‘широкие резные листья’, ‘густота лиственного покрова’, ‘звук’, ‘форма’. Выявленные семантические признаки основываются, как правило, на наглядно-чувственном восприятии изображаемых реалий: прямой тонкий ствол тополя, произрастание тополя вдоль дорог, цвет золотых осенних листьев клена, густая, раскидистая, широкая крона клена и др.

Вовлечение дендронимов в контекст различных зооморфных тропов приводит к семантическому и эмоционально-экспрессивному обогащению их эстетического значения и формируемого образа-понятия. В частности, с возникающими образами тополя и клена в поэтическом языке связываются представления о движении, перемещении в пространстве, о сиянии, блеске или безжизненности, мрачности и тревожности.

Отмеченная особенность образной репрезентации эстетического значения дендронимов в контексте зооморфных тропов является одной из важнейших черт художественной семантики – «активизация образной формы понятия, стоящего за словом, усиление его экспрессии» [18, с. 119].

\* \* \*

1. Кожевникова Н.А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы / сост. Е.В. Красильникова, Е.Ю. Кукушкина, З.Ю. Петрова ; под общ. ред. З.Ю. Петровой. М. : Знак, 2009. С. 473–497.
2. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., исправ. и доп. М. : Азбуковник, 2004. 527 с.
3. Кожевникова Н.А. Гнезда тропов русской литературы XIX–XX веков // Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы / сост. Е.В. Красильникова, Е.Ю. Кукушкина, З.Ю. Петрова ; под общ. ред. З.Ю. Петровой. М. : Знак, 2009. С. 601–604.
4. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке / В.П. Григорьев [и др.] ; отв. ред. В.П. Григорьев. М. : Наука, 1994. 271 с.
5. Киндеркнехт А.С. Образ птицы в поэтических формулах с компонентом «сердце» // Гуманитарные исследования. 2015. № 3(55). С. 92–99.
6. Биджиева А.А. Когнитивная флористическая метафора в русской литературе первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 21 с.
7. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: Растения. М. : Языки славянской культуры, 2015. 448 с.
8. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков. В 2 т. Изд. 2-е, стереотип. М. : Эдиториал УРСС, 2007. 2 т.
9. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века) / Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова. М. : АСТ, 2004. 667 с.
10. Исаев Ю.Н. Фитонимический концептуарий как словарь нового типа на материале чувашского и русского языков) : монография. Чебоксары : Чувашское книжное изд-во, 2013. 191 с.
11. Очерки истории языка русской поэзии XX века: образные средства поэтического языка и их трансформация / Н.А. Кожевникова [и др.] ; отв. ред. Е.А. Некрасова. М. : Наука, 1995. 262 с.
12. Кожевникова Н.А. Эволюция тропов // Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы / сост. Е.В. Красильникова, Е.Ю. Кукушкина, З.Ю. Петрова ; под общ. ред. З.Ю. Петровой. М. : Знак, 2009. С. 531–600.
13. Григорьев В.П. Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. М. : Наука, 1979. 343 с.
14. Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М. : Либроком, 2014. 336 с.
15. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики / авт. предисл. и коммент. В.Г. Костомаров, Ю.А. Бельчиков. М. : Высшая школа, 1981. 320 с.
16. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1959. 492 с.
17. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя : избранные статьи / вступ. статья А. Федорова. Л. : Художественная литература, Ленинградское отделение, 1974. 285 с.
18. Поцепня Д.М. Семантика слова в языке и художественной речи // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография / сост. Л.А. Ивашко [и др.] ; отв. ред. Д.М. Поцепня. СПб. : СПбГУ, 2002. С. 114–127.
19. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.04.2019). Все примеры приводятся по данному источнику.
20. Соколова М.Г. Развитие семантических признаков дендронима 'тополь' в поэтическом языке XIX–XX веков // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1(26). С. 148–152.

# Актуальные вопросы методики обучения русскому языку

## Challenging Issues in the Russian Language Teaching Methodology

---

УДК 81-139

**КОММЕНТИРОВАНИЕ ТЕКСТА НА СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ  
КАК ЧАСТЬ ПОДГОТОВКИ ШКОЛЬНИКОВ К ОЛИМПИАДЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ  
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)**

**GIVING A COMMENT ON A TEXT IN THE OLD SLAVIC LANGUAGE AS PART OF  
TRAINING SCHOOLCHILDREN FOR THE RUSSIAN LANGUAGE OLYMPIAD  
(SHARING THE EXPERIENCE)**

© 2019

Ю.А. Белкина

J.A. Belkina

Автор статьи обосновывает значимость организации комментирования текстов на древнерусском языке («Остромирово Евангелие», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Домострой») в процессе подготовки школьников 9–11 классов к олимпиаде по русскому языку и делится опытом такой работы. Типология заданий по русскому языку определяется в зависимости от направления анализа (от того, что «дано», к тому, что нужно «найти» или «доказать»). Приводятся примеры типовых заданий, направленных на обучение школьников анализу архаичного текста в рамках занятий по подготовке к олимпиаде. Автор подчеркивает, что школьное комментирование имеет иную цель, чем комментирование текста в вузе, – это прежде всего развитие интереса к русскому языку.

**Ключевые слова:** олимпиада по русскому языку; комментирование текста; развитие интереса к русскому языку.

The author of the article proves the importance of commenting on texts in the old Slavic language (“The Ostromir Gospels”, “Vladimir Monomakh’s Instruction”, “The Tale of Igor’s Campaign”, “Zadonshchina”, “Domostroy”) in the process of their training for the Russian language Olympiad and shares her own experience. The typology of the assignments comes from the analysis aspect (from what is given to what is to be found out or proved). The examples of the tasks aimed at teaching schoolchildren how to analyze archaic texts when training them for the Olympiad are given. The author emphasizes that the goal in that case is different from commenting such texts at the university. This is arousing schoolchildren’s interest in learning the Russian language.

**Keywords:** the Russian language Olympiad; commenting on the text; arousing interest in learning the Russian language.

Современная олимпиада по русскому языку ставит своей задачей развитие интереса к языку, расширение лингвистического и культурологического кругозора и углубление знаний в различных областях лингвистики [1–3].

Этими задачами обусловлен характер предлагаемых заданий: они ориентированы не только на выявление фактических знаний по всем разделам русского языка в пределах

школьной программы, но и на установление степени самостоятельности мышления и начитанности учащихся, на определение уровня их творческих способностей. Поэтому большое место в комплектах занимают задания, требующие сообразительности, догадливости, языковой рефлексии, умения самостоятельно описать и классифицировать языковые факты. Основное место среди них занимают задания по этимологии, истории языка,



а также задания творческого характера, связанные с различными аспектами анализа текста.

Рассмотрим задания по тексту, предлагавшиеся с 2000-го по 2012 годы в олимпиадах по русскому языку (в том числе и всероссийского уровня), исходя из опыта подготовки автором статьи школьников к данным олимпиадам.

Возможны задания по тексту следующих типов:

- «Напишите сочинение-миниатюру на лингвистическую тему»;
- «Определите стилевую принадлежность фрагмента текста»;
- «Переведите на современный язык следующие фрагменты русских летописей...»

Укажем, что критерии оценивания заданий нацелены на определение наличия у учащихся языкового чутья и умения наблюдать за языковым явлением. Именно такие навыки требовались при выполнении комментария к архаичному тексту, а вовсе не вузовские знания в области древнерусского или старославянского языков.

В зависимости от направления анализа (от того, что «дано», к тому, что нужно «найти» или «доказать») эти задания можно распределить на несколько групп.

1. От текста к языку. В заданиях этого типа предлагается текст, высказывание или словоупотребление; требуется сделать вывод о свойствах языковых единиц как элементов языковой системы. Выполнение заданий требует навыков аналитического чтения, обеспечивающего правильное понимание текста.

2. От языка к тексту. Здесь моделируется активная речевая деятельность, то есть процесс письма с целью выражения и сообщения мысли. Исходным условием являются правила, закономерности языка, свойства языковых единиц. Требуется применить эти сведения к анализу предложенных фактов речи.

3. От языковых фактов к системе языка. Эту группу представляют довольно раз-

нородные задания структурно-лингвистического характера, по типу противостоящие предыдущим. Выполняя их, учащиеся не должны ни опираться на предложенный текст, ни самостоятельно составлять соответствующий условиям текст. Ответы на поставленные вопросы требуют аналитического подхода к материалу. Необходимо показать понимание системных связей как на одном уровне языковой системы, так и межуровневых.

Опыт автора, на протяжении 15 лет готовящего к олимпиадам учащихся 9 и 11 классов, позволяет назвать наиболее часто встречающиеся тексты, фрагменты которых предлагаются: «Остромирово Евангелие», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Домострой».

Предлагаем вашему вниманию апробированную и результативную методику работы по комментированию текста. Рассмотрим ее на примере работы с текстом «Остромирова Евангелия» (в разные годы для анализа предлагались самые разные его фрагменты).

1. Прочтение текста и попытка первичного его перевода школьниками позволяет оценить уровень их готовности к подобной работе и построить индивидуальный образовательный маршрут для каждого участника олимпиады.

2. Прослушивание информации о данном тексте (рассказ учителя с презентацией).

3. Чтение фрагмента текста школьниками и создание с помощью преподавателя его перевода на современный русский язык.

4. Предъявление эталонного перевода (выведение его на экран). Выявление расхождений между переводами школьников и эталонным, их комментирование.

5. Беседа по тексту, основой которой являются следующие вопросы:

- Как вы объясните название текста?
- Какие сведения о создании текста содержатся в исторических источниках?
- Кто подготовил первое научное издание данного текста?

– Каковы особенности структуры рассматриваемого текста в целом и предлагаемого для анализа отрывка в частности?

6. Выполнение заданий по тексту фрагмента, например:

– С помощью толковых словарей русского языка установите лексические значения слов, неясных при первом прочтении текста.

– При помощи этимологического словаря объясните происхождение этих слов.

Работа со словарями и неоднократное вдумчивое прочтение предлагаемого отрывка позволит обучающимся соотнести факты

архаичного текста и его перевода на современный русский язык.

На наш взгляд, предлагаемые вопросы и задания к фрагментам текстов направлены на научение школьников объяснять изменения в истории русских слов и словоформ, свободно пользоваться приёмами анализа, сравнения и обобщения данных, полученных из нескольких источников. Также предлагаемые задания позволяют учащимся самостоятельно изучить те вопросы, которые вызвали у них особый интерес, что немаловажно при подготовке к олимпиаде по предмету.

\* \* \*

1. Казбек-Казиева М.М. Подготовка к олимпиадам по русскому языку. 5–11 классы. М. : Айрис-пресс, 2006. 160 с.

2. Методические рекомендации по разработке заданий и требований к проведению школьного этапа Всероссийской олимпиады школьников в 2016/2017 учебном году по русскому языку. URL: [http://www.rosolymp.ru/?Itemid=6877&option=com\\_xmap&sitemap=1](http://www.rosolymp.ru/?Itemid=6877&option=com_xmap&sitemap=1) (дата обращения 12.02.2018).

3. Подготовка учащихся к олимпиаде по русскому языку и литературе (Из опыта работы учителей русского языка и литературы) / сост.: Т.О. Скиргайло, Г.Х. Ахбарова. 2-е изд., доп. Казань : ИРО РТ, 2017. 295 с.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ  
ОСОБЕННОСТЕЙ  
ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ  
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ  
RESEARCH ON FEATURES OF VOCATIONAL TRAINING LEARNERS  
OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

© 2019

Ш.А. Махмудов, Н.В. Уваровская

Sh. A. Makhmudov, N.V. Uvarovskaya

В статье описывается организация исследования особенностей обучения русскому языку как иностранному. (РКИ). По проблеме обучения русскому языку как иностранному имеется большое количество научных исследований. Однако особенностям профессионально ориентированной организации занятий РКИ в средних специальных и профессионально технических учебных заведениях уделено недостаточное внимание. У иностранных обучающихся, прошедших краткосрочные курсы по русскому языку на родине, как правило, имеются минимальные навыки произношения русских звуков, чтения и аудирования, их лексический запас ограничен разговорно-бытовой тематикой. Актуальным представляется сфокусировать внимание на особенностях восприятия и использования иностранными учащимися терминов и формул профессиональной трудовой коммуникации. Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней могут быть рассмотрены концептуальные особенности профессионально обусловленного подхода к грамматике русского языка как иностранного. Материалы исследования, его результаты и основные положения могут быть использованы при реализации курсов, адресованных иностранным студентам средних специальных учреждений, а также при разработке методических рекомендаций. Они могут быть полезны преподавателям-практикам при отборе, подаче и организации учебного материала для иностранных студентов, обучающихся по техническим профилям.

**Ключевые слова:** образование; обучение русскому языку как иностранному; подготовка иностранных студентов; учебные заведения среднего профессионального и высшего профессионального образования; технический профиль; профессиональная лексика; мастер-нефтяник.

The article describes the features of teaching Russian as a foreign language. There is a large amount of research on the problem of learning Russian as a foreign language. However, the specific character of teaching it in magnet and vocational schools hasn't been covered yet. Foreign trainees who have passed the stage of short-term courses in the Russian language in their native area, as a rule, have insufficient skills in the pronunciation of Russian sounds, reading and listening, their vocabulary consists of conversational and everyday topics only. It seems to be relevant to focus on the features of the perception and use of professional vocabulary and means of communication for specific purpose. The theoretical significance of the work lies in the fact that it describes the approach to studying the grammar of Russian as a foreign language in terms of vocational training. We believe that the research materials, its results and main findings can be applied in courses for foreign students at secondary magnet schools as well as in the guidelines for teachers. They can be helpful for teachers-practitioners in the process of choosing, introducing and presenting teaching material to foreign students majoring in technical spheres.

**Keywords:** education; teaching Russian as a foreign language; training foreign students; educational institutions of secondary vocational and higher vocational education; technical profile; professional vocabulary; foreman in oil work.

Интеграция российской системы профессионального образования в мировую систему требует дальнейшего совершенствования обучения русскому языку как иностранному (РКИ).

Проблемы преподавания РКИ в России активно изучаются с конца 1950-х – начала 1960-х гг. Был создан специальный вуз – Российский университет дружбы народов (первоначально – Университет дружбы

народов им. Патриса Лумумбы), где на специальной кафедре решались вопросы обучения русскому языку иностранных при подготовке инженеров для зарубежных стран. Видимо, по этой причине преобладали исследования по профессиональной специфике преподавания РКИ в вузе.

По проблеме обучения русскому языку как иностранному имеется большое количество научных исследований и отражающей их результаты учебной литературы [1–9 и др.]. Так, на основе теории обучения русскому языку как неродному осуществляется обучение научному стилю речи [1 ; 10 ; и др.]. Изучению толерантных/интолерантных форм русского коммуникативного поведения основное место уделяется в учебных пособиях по РКИ А.А. Акишиной и О.Е. Каган [11], Н.И. Формановской [12], А.Л. Максимовой А.Л. [13] и др.

Рабочим специальностям в средних специальных и профессионально-технических учебных заведениях России обучались в основном нерусские учащиеся из союзных республик Средней Азии и Кавказа. К тому же в данных учебных заведениях работают, как правило, словесники-практики, не занимающиеся наукой. Отсюда, возможно, и недостаточное внимание исследователей к особенностям преподавания РКИ, в частности к профессионально ориентированной организации занятий РКИ в средних специальных и профессионально-технических учебных заведениях.

Иностранцы, прошедшие краткосрочные курсы по русскому языку на родине, как правило, владеют минимальными навыками произношения русских звуков, чтения и аудирования, их лексический запас ограничен разговорно-бытовой тематикой. Основную трудность для них представляет восприятие и создание текстов профессионально-технического и делового характера как в устной, так и в письменной форме. В нефтедобывающей промышленности в систему необходимых знаний входит язык мастера-нефтяника.

Получение специального образования нами понимается как освоение специального (профессионального) знания, предполагающее овладение языком соответствующей специальности, базовыми элементами которого являются терминологические единицы – «непосредственные минимальные носители научного знания» [14, с. 25].

Актуальным представляется сфокусировать внимание на особенностях восприятия и использования иностранными учащимися необходимых для их профессиональной деятельности терминов и формул трудовой коммуникации. Требуют исследования содержательные смыслы, реализуемые посредством профессиональной лексики и синтаксических конструкций, и применение последних в практике преподавания русского языка как иностранного.

По своей сути термин является носителем как собственно языкового, так и научного знания. Это даёт возможность в процессе профессионального обучения рассматривать формирование языкового и специального знания как две взаимосвязанные стороны единого процесса.

Для полноценной реализации этого положения на практике необходимы, во-первых, системное представление предназначенного для усвоения фрагмента специального знания и его выражение через термины и, во-вторых, адекватная методическая интерпретация систематизированного знания.

Первую задачу можно решить, построив нормативно-научную картину мира (её фрагментов) и положив в основу лингводидактической организации выделенного терминологического материала учёт двусторонней сущности термина, для чего требуется внимание как к собственно языковой, так и к предметной составляющей терминологических единиц.

Думается, что уровень владения языком специальности и уровнем предметного знания взаимосвязаны: высокий уровень владения языком специальности, как правило, свидетельствует о высокой профессио-

нальной компетенции, и наоборот. Поэтому контроль за освоением терминов может быть и эффективным средством контроля за формированием профессиональных знаний.

Специфика обучения русскому языку как иностранному в нефтяном колледже имеет свои особенности, в числе которых:

- конкретная профессиональная направленность обучения,
- возраст обучаемых,
- статус дисциплины – непрофильный.

Данные условия «диктуют» отбор методических приёмов, дидактического материала, языковых единиц, методических приёмов и т.д.

Целью специального исследования должно быть, на наш взгляд, выявление и интерпретация сложных для восприятия иностранными учащимися особенностей функционирования профессиональной лексики и синтаксических конструкций русского языка.

Это предполагает постановку и решение ряда задач:

- определить объем, содержание и статус базовых понятий, которыми должен владеть мастер-нефтяник, в целях обеспечения точности и однозначности использования обучаемыми в профессиональной речи соответствующих терминов;
- дидактически интерпретировать тезаурус мастера-нефтяника, по возможности с учётом родного языка обучаемых;
- определить наиболее типичные лексические и грамматические ошибки обучаемых;
- рассмотреть предпосылки осмысления обучаемыми грамматических категорий русского языка и формирования навыков использования ими грамматических средств (в частности, предлогов) в речи;
- предложить интерпретацию лингвистических особенностей речи нефтяников на основе концептуального подхода к грамматике русского языка как иностранного с учетом особенностей восприятия русской профессиональной лексики и грамматики носителями зарубежных лингвокультур.

Цели исследования, особенности контингента, профессиональная направленность обучения и его условия определяют выбор используемых методов:

- сопоставительный метод – сопоставительно-сравнительный анализ семантики терминологической лексики и профессиональных выражений русского языка и языка обучаемых;
- аналитический метод – описание грамматической системы (грамматических категорий и средств их выражения) русского языка на фоне языка обучаемых;
- метод контекстного анализа – установление функциональных свойств языковой единицы путём анализа её контекстного окружения;
- метод лингво-когнитивного анализа – моделирование тех концептуальных схем, которыми руководствуются учащиеся при создании текстов на неродном языке.

Цели обучения русскому языку в нефтяном колледже состоят в научении свободной речевой деятельности и в формировании у обучаемых элементарной лингвистической компетенции. Курс русского языка предполагает развитие и совершенствование у учащихся всех видов речевой деятельности (чтения, письма, аудирования, говорения). В соответствии с этим он содержит те языковые факты, законы и правила, усвоение которых обеспечивает формирование умений и навыков, необходимых для того, чтобы правильно и хорошо говорить, слушать, читать и писать на русском языке.

Отобранные для изучения в иноязычной аудитории профессиональная лексика и грамматические сведения должны включать в себя также историю вопроса и, при необходимости, исторический комментарий. Это может создать условия для более глубокого осознания иностранными студентами семантики слов и грамматических правил, особенно так называемых исключений из них. Проведение каталогизации типичных ошибок, допускаемых носителями иной лингвокультуры, позволяет определить «проблемные

места» восприятия русской лексики и грамматики иностранными учащимися. Тем самым можно выявить области неполного понимания лексики и грамматики, которые требуют дополнительного объяснения и экскурса в этимологию.

Чтобы помочь иностранным учащимся осознать ту русскую языковую картину мира, тот культурно-исторический опыт народа, которые отразилась в языке, курс русского языка также должен включать этнокультуроведческий компонент, что способствует формированию осознанной грамотной речи.

Таким образом, представляется, что в преподавании русского языка как иностранного в процессе подготовки в колледже специалиста-нефтяника, необходимо усилить такие его функции, как мотивационная, коммуникативная, организационно-процессуальная, контролирующая.

Теоретическую основу исследования должны составлять лингводидактика, психолингвистика, лингвокультурология, социоллингвистика.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней могут быть рассмотрены концептуальные особенности профес-

сионально обусловленного подхода к грамматике русского языка как иностранного. Материалы исследования, его результаты и основные положения, считаем, можно применить в курсах, адресованных иностранным студентам средних специальных учреждений, а также при разработке методических рекомендаций. Они могут быть полезны преподавателям-практикам при отборе, подаче и организации учебного материала для иностранных студентов, обучающихся по техническим профилям.

Таким образом, исследование позволит проверить следующие положения:

1) речевая компетенция формируется в основном на лексическом и грамматическом уровне;

2) при коммуникативно-профессиональном подходе к освоению лексики немаловажную роль играет её этимология и контекстуальная семантика;

3) при коммуникативно-профессиональном подходе к грамматике в фокусе внимания оказывается грамматическая семантика и формальные средства ее выражения, что в ряде случаев предполагает обращение к истории языка.

\* \* \*

1. Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г. Методика преподавания русского языка как иностранного : учебное пособие для преподавателей и студентов. М. : РУДН, 2007. 185 с.

2. Мотина Е.И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. 2-е изд., испр. М. : Русский язык, 1988. 176 с.

3. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного : учебное пособие для вузов. М. : Высшая школа, 2003. 334 с.

4. Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному : учебное пособие по специальности «Русский язык и культура речи», «Русский язык как иностранный». 7-е изд. М. : Флинта : Наука, 2017. 477 с.

5. Максимов В.И. Русский язык и культура речи : учебник для технических вузов. М. : Юрайт, 2009. 470 с.

6. Амельчонок А.А. Обучение чтению литературы по специальности на русском (иностранном) языке : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1975. 31 с.

7. Гурин А.Б. Обучение учащихся подготовительного факультета технического вуза абстрактной терминологической лексике (на материале преподавания русского языка франкоговорящим билингвам Африки) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1994. 16 с.

8. Филатова Е.А. Место прагматического компонента в современном учебном пособии для иностранцев // Методика преподавания РКИ: Традиции и современность : сборник материалов науч.-практ. конференции, посвященной 40-летию кафедры РКИ ГосИРЯ / отв. ред. М.А. Осадчий. М. : МГУ, 2015. С. 204–208.

9. Вятюгнев М.Н. Методические аспекты современного учебника русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. 1988. № 3. С. 71–75.

10. Сурыгин А.И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. СПб. : Златоуст, 2000. 233 с.

11. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: для преподавателей русского языка как иностранного. Изд. 2-е, испр., доп. М. : Русский язык, 2002. 256 с.

12. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. 2-е изд. М. : ИКАР, 2005. 250 с.

13. Максимова А.Л. Русский язык для вас : пособие для иностранцев. Л. : Златоуст, 1992. 250 с.

14. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Либроком, 2014. 146 с.

## Наши авторы

---

**Алимпиева Лариса Владимировна**, кандидат филологических наук, исполняющий обязанности доцента кафедры русского языка, Международный университет «Ала-Тоо» (Бишкек, Киргизия).

E-mail: alimpieva.larisa@gmail.com.

**Баженова Татьяна Евгеньевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: tatyabazhenova@yandex.ru.

**Бакалова Зинаида Николаевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: abakalov1941@yandex.ru.

**Белкина Юлия Алексеевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: belkina@pgsga.ru.

**Гасек Богумил**, кандидат филологических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой русского языка, Институт славянской филологии Вроцлавского университета (Вроцлав, Польша).

E-mail: bogumil.gasek@uwg.edu.pl.

**Гладышева Анна Сергеевна**, студент-бакалавр, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: gladyshevaanna1111@gmail.com.

**Гурова Ирина Владимировна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры дошкольного образования, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: gurovaiv2009@yandex.ru

**Денисова Виктория Сергеевна**, учитель русского языка и литературы, основная общеобразовательная школа с. Яблонево Овраг муниципального района Волжский (Самарская область, Россия).

E-mail: vikulechka.denisova@yandex.ru.

**Долгова Елена Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: dolgova@pgsga.ru.

**Иванова Полина Сергеевна**, студент филологического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: po18li4na@mail.ru.

**Иванян Елена Павловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: ivanyan@pgsga.ru.

**Карякина Валентина Леонидовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

E-mail: kariackina.v@yandex.ru.



- Краснова Елена Александровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Самарский государственный университет путей сообщения (Самара, Россия).  
E-mail: eakrasnova@mail.ru.
- Литовченко Анастасия Сергеевна**, аспирант, преподаватель кафедры иностранных языков, Сургутский государственный университет (Сургут, Россия).  
E-mail: anastassiya.litovchenko@gmail.com.
- Лунина Татьяна Петровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).  
E-mail: luninatatjana@bk.ru.
- Максакова Ксения Вячеславовна**, аспирант кафедры иностранных языков, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).  
E-mail: maksakovakv@gmail.com.
- Махмудов Шамиль Ахмедович**, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).  
E-mail: makhmudov@pgsga.ru.
- Миронова Екатерина Александровна**, ассистент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Россия).  
E-mail: mironova\_k.a@mail.ru.
- Моргунова Анна Николаевна**, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, Самарский медико-технический лицей (Самара, Россия).  
E-mail: a595282@rambler.ru.
- Мордань Михал (Mordañ Michal)**, кандидат филологических наук, ассистент кафедры исследований языка пограничья, Институт восточнославянской филологии, Университет в Белостоке (Белосток, Польша).  
E-mail: michal1437@gmail.com.
- Осипова Наталья Дмитриевна**, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).  
E-mail: natasha.osipo@yandex.ru.
- Починяева (Ананьева) Ольга Анатольевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).  
E-mail: olyaananieva@mail.ru.
- Сергиенко Наталья Анатольевна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Сургутский государственный университет (Сургут, Россия).  
E-mail: nas\_surgut@mail.ru.
- Соколова Марина Геннадьевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия).  
E-mail: msok71@mail.ru.
- Уваровская Наталья Вячеславовна**, магистрант 2 курса, направление подготовки «Педагогическое образование», программа академической магистратуры «Русский язык в среднем общем и высшем образовании» кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).  
E-mail: Vorontzova.nata@yandex.ru.

## Our Authors

---

**Alimpieva Larisa Vladimirovna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language “Ala-Too”, International University (Bishkek, the Kyrgyz Republic).

E-mail: alimpieva.larisa@gmail.com.

**Bazhenova Tatiana Evgenievna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: tatyabazhenova@yandex.ru.

**Bakalova Zinaida Nikolaevna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: abakalov1941@yandex.ru.

**Belkina Julia Alekseevna**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: belkina@pgsga.ru.

**Denisova Viktoriya Sergeevna**, Teacher of the Russian language and Literature, secondary school in Yablonovy Ovrage-Village, Volzhskiy District (Samara Region, Russia).

E-mail: vikulechka.denisova@yandex.ru

**Dolgova Elena Yurievna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: dolgova@pgsga.ru.

**Gasek Bogumil**, PhD, Assistant Professor, Acting Head of Russian Language Department, University of Wroclaw (Wroclaw, Poland).

E-mail: bogumil.gasek@uwr.edu.pl.

**Gladysheva Anna Sergeevna**, 2<sup>nd</sup> year Student of Bachelor’s Degree Programme, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: gladyshevaanna1111@gmail.com.

**Gurova Irina Vladimirovna**, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of Department of Pre-school Education, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: gurovaiv2009@yandex.ru.

**Ivanova Polina Sergeevna**, Student of Faculty of Philology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: po18li4na@mail.ru.

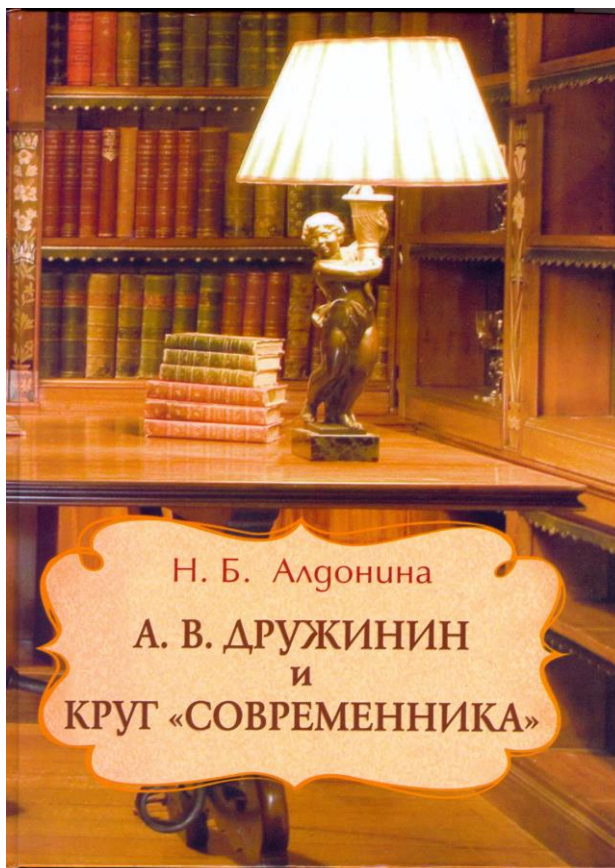
**Ivanyan Elena Pavlovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: ivanyan@pgsga.ru.

**Karyakina Valentina Leonidovna**, Candidate of Philological Science, Associate Professor of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: kariackina.v@yandex.ru.

- Krasnova Elena Alexandrovna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Linguistics, Samara State Transport University (Samara, Russia).  
E-mail: eakrasnova@mail.ru.
- Litovchenko Anastasia Sergeevna**, Post-Graduate Student, Teacher of Department of Foreign Languages, Surgut State University (Surgut, Russia).  
E-mail: anastasiya.litovchenko@gmail.com.
- Lunina Tatyana Petrovna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Russian as a Foreign Language, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).  
E-mail: luninatatjana@bk.ru.
- Makhmudov Shamil Akhmedovich**, Doctor of Pedagogy, Professor of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).  
E-mail: makhmudov@pgsga.ru.
- Maksakova Kseniia Vyacheslavovna**, Post-Graduate Student of Department of Foreign Languages, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).  
E-mail: maksakovakv@gmail.com.
- Mironova Ekaterina Aleksandrovna**, Assistant Professor of Department of the Russian Language and Teaching Methodology of the Russian Language, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia).  
E-mail: mironova\_k.a@mail.ru.
- Mordan Michal**, PhD, Research Assistant of Section for Studies on Language of Borderland (Institute of East Slavic Studies), University of Bialystok (Bialystok, Poland).  
E-mail: michal1437@gmail.com.
- Morgunova Anna Nikolaevna**, Candidate of Philological Sciences, teacher of the Russian Language and Literature, Samara Medical and Technical Lyceum (Samara, Russia).  
E-mail: a595282@rambler.ru.
- Osipova Natalia Dmitryevna**, Postgraduate Student of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).  
E-mail: natasha.osipo@yandex.ru.
- Pochinyaeva (Ananieva) Olga Anatolyevna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).  
E-mail: olyaananieva@mail.ru.
- Sergienko Natalia Anatolyevna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Surgut State University (Surgut, Russia).  
E-mail: nas\_surgut@mail.ru.
- Sokolova Marina Gennadyevna**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language, Literature and Linguistic Criminalistics, Togliatti State University (Togliatti, Russia).  
E-mail: msok71@mail.ru.
- Uvarovskaya Natalya Vyacheslavovna**, 2<sup>nd</sup> year Student of Master's Degree in Pedagogical Education, Academic Master's Degree Programme "The Russian Language in General Secondary and Higher Education" of Department of the Russian Language, Culture of Speech and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).  
E-mail: Vorontzova.nata@yandex.ru.



В издание вошли статьи и исследования по истории русской литературы и критики 40–60-х гг. XIX в. В них рассматриваются различные аспекты жизни и творчества А.В. Дружинина, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, И.И. Панаева, Д.В. Григоровича и других писателей, связанных с кругом «Современника». Вводимые в научный оборот факты, в том числе архивные, позволяют по-новому представить литературный процесс середины века, уточнить эстетические позиции писателей и критиков в литературно-общественной борьбе этого времени.

В разделе “In memoriam” помещены статьи памяти известных ученых-филологов Б.В. Мельгунова, Г.В. Краснова и А.А. Демченко. В разделе «Приложение» публикуются три анонимные работы, атрибутированные автором А.В. Дружинину.

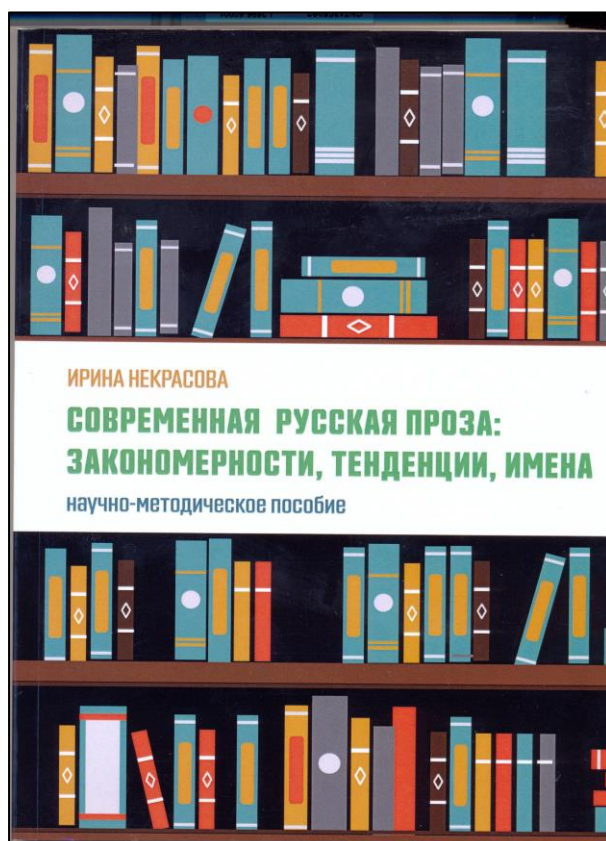
Издание рассчитано на специалистов, преподавателей вузов, а также всех интересующихся отечественной историей и литературой.

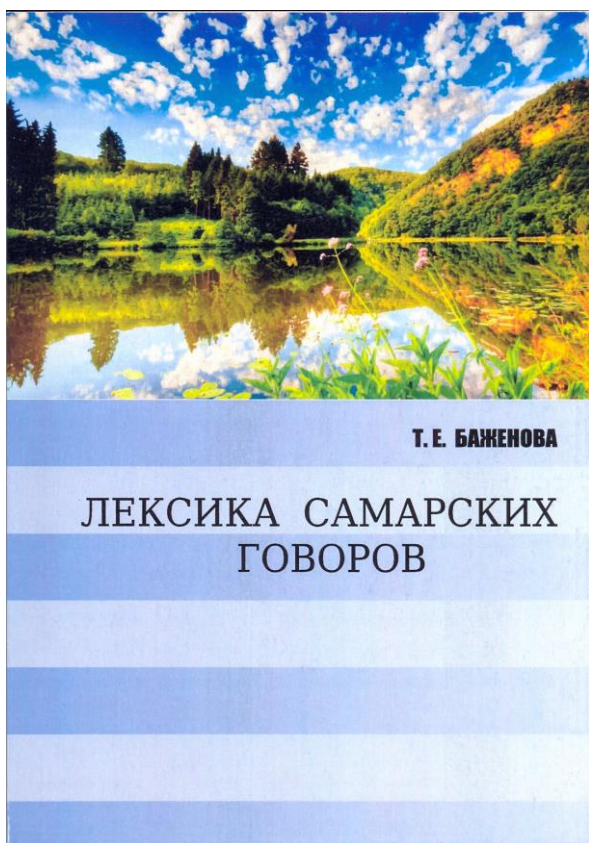
Научно-методическое пособие включает обзор современного литературного процесса, исследования, посвященные творчеству авторов современных прозаических произведений, планы практических занятий и другую учебную и научно-методическую информацию.

В книге представлены некоторые значимые тенденции, происходящие в современной русской прозе, освещены отдельные тематические, жанрово-стилистические проблемы, названы и проанализированы заметные современные авторские стратегии.

В основу пособия положены апробированные и утвердившиеся в современном литературоведении понятия и термины.

Пособие адресовано бакалаврам, магистрантам, учителям-словесникам, может быть использовано старшеклассниками и абитуриентами. Оно должно помочь им понять специфику современного литературного процесса, его истоки и развитие.





В выпуске сборника представлены материалы научной конференции «Язык. Культура. Личность», которая состоялась на филологическом факультете Самарского государственного социально-педагогического университета 20 декабря 2018 г.

В разделе «Актуальные вопросы русистики» представлены тезисы докладов по различным аспектам изучения современного русского языка. В разделе «Художественный текст как феномен культуры» собраны статьи, объединенные проблемой изучения языка в его эстетической функции. Вопросам функционирования языковых единиц в средствах массовой информации, виртуальном общении и медиатекстах посвящен раздел «Функционирование языковых единиц в современном информационном пространстве». Раздел «Языковая личность в парадигме филологических и культурологических знаний» составили статьи участников, интересующихся проблемами изучения и преподавания русского языка.

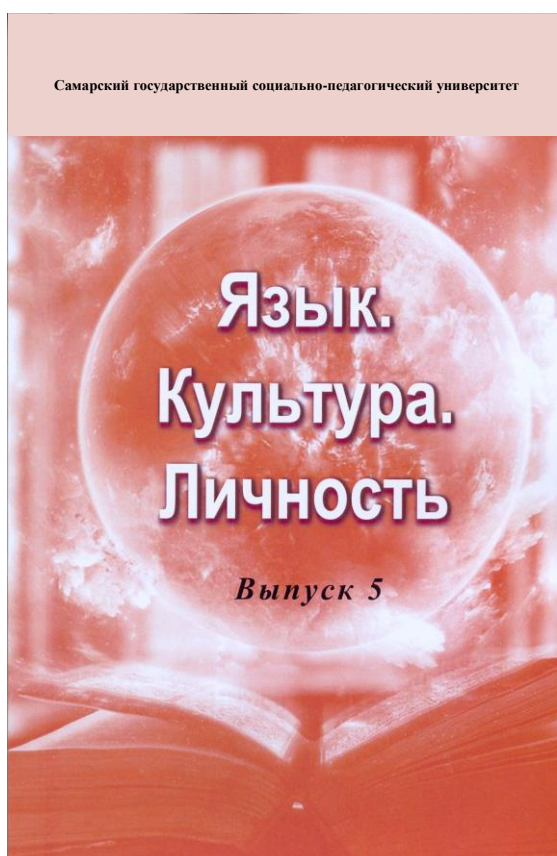
Материалы сборника могут быть полезны начинающим филологам-исследователям, студентам-гуманитариям всех направлений и профилей.

В издании представлены результаты исследования, посвященного комплексному изучению лексики говоров Самарской области.

В исследовании рассматривается проблема системных связей между диалектными лексическими или лексико-семантическими единицами в составе тематических групп. Основное внимание уделяется проблеме толкования слов и их ареально-типологической характеристике.

Материал по лексике самарских говоров отчасти накоплен автором во время диалектологических экспедиций 2006–2017 гг. Значительная часть слов извлечена из ответов на вопросы программы ЛАРНГ, составленных участниками диалектологических экспедиций под руководством автора, а также из рукописных материалов 1930–1980 гг., хранящихся в диалектологическом архиве педагогического вуза Самары.

Книга адресована широкому кругу исследователей языка, истории и культуры. Представленные в ней материалы могут помочь в процессе преподавания гуманитарных дисциплин, а также в краеведческой работе.



## Требования к публикациям

---

К публикации принимаются статьи по следующим *научным направлениям*: Филологические науки (10.00.00); Педагогические науки (13.00.00); Психологические науки (19.00.00). Материалы подаются в редакцию до 1 марта (№ 1), до 1 июня (№ 2), до 1 сентября (№ 3), до 1 декабря (№ 4).

Статьи размещаются в системе РИНЦ. Статьи публикуются бесплатно.

Редакция проводит *рецензирование* рукописей, а также проверку в корпоративной версии системы «Антиплагиат». Минимальное требование к оригинальности: не менее 80% оригинального текста. Наличие отрицательной рецензии является основанием для отказа в публикации в текущем номере.

**Требования к содержанию статьи.** Статья должна иметь следующие элементы: **1)** постановка проблемы в общем виде и в связи с важными научными и практическими задачами; **2)** анализ последних исследований, в которых рассматривались аспекты проблемы и на которых основывается автор; выделение ранее не разрешенных вопросов; **3)** формулировка цели статьи (постановка задания); **4)** изложение основного материала исследования с обоснованием полученных результатов; **5)** выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий в рамках данного направления; **6)** научный аппарат (не менее 20 наименований, среди которых не менее трех изданий последних пяти лет). *Статьи реферативного характера к публикации не принимаются.*

**Требования к структуре статьи.** Статья должна быть выстроена в соответствии со следующей структурой: **1)** коды УДК (для определения УДК можно использовать ссылки <https://www.teacode.com/online/udc/> или <http://www.naukapro.ru/metod.htm>); **2)** фамилия, имя, отчество автора (авторов) (полностью) (на русском и английском языках); **3)** место работы каждого автора в именительном падеже (на русском и английском языках), должность (указания не должны допускать разночтений); **4)** контактная информация (почтовый адрес с индексом, контактный телефон, e-mail) для каждого автора; **5)** название статьи (на русском и английском языках); **6)** аннотация (не менее 150–200 слов) (на русском и английском языках); **7)** ключевые слова (250–280 символов) (на русском и английском языках). Каждое ключевое слово или словосочетание отделяется точкой с запятой; **8)** список источников, пронумерованный *вручную* (автоматическая нумерация не допускается); нумерация осуществляется *по порядку появления ссылки на источник в тексте статьи* (не по алфавиту); источник, цитируемый в статье неоднократно, указывается в списке *только при первой* ссылке на него.

**Требования к оформлению статьи.** *Текст статьи* представляется в формате Microsoft Word. Объем статьи – от 10 до 16 страниц формата А4 (не считая ссылок). Перед набором текста настройте, пожалуйста, указанные ниже параметры текстового редактора: все поля по 2 см, ориентация листа – книжная, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине, абзацный отступ 0,5 см (абзацы задаются автоматически, а не с помощью пробелов или табуляции; установите автоматическую расстановку переносов. Необходимо ставить неразрывные пробелы между цифрами, между инициалами и фамилией. Не путать тире (–) и дефис (-).

*Научный аппарат* оформляется в виде затекстовых ссылок согласно ГОСТ Р 7.05–2008 (полное название книги, включая подзаголовки и другие сведения, имеющиеся на титульном листе издания, указание издательств, общего числа страниц для книги и местоположения страниц статьи в книге – с ... по). Нумерация сносок в тексте сквозная (от 1 до...); повторной ссылке присваивается номер, использованный первый раз. Так, [8, с. 6] означает, что в восьмой ссылке цитируется шестая страница источника; указание на другую страницу (например, 17-ю) того же источника в дальнейшем тексте статьи будет выглядеть как [8, с. 17].

*Допускается наличие таблиц* (не более трех, объем таблиц не должен превышать 1 печатную страницу), *формул и рисунков* по тексту (не более трех). Суммарное количество таблиц и рисунков не больше пяти. Обязательно наличие подрисуночных подписей и надписей к таблицам. Всем иллюстрациям и таблицам необходимо давать сквозную нумерацию. Необходимо избегать повторений данных в таблицах, графиках и тексте рукописи. Графический материал должен быть представлен без использования сканирования, цветного фона, жирных рамок. Шрифт текста в таблицах, рисунках не меньше 10 pt; текст должен поддаваться редактированию. Не рекомендуется использовать символы, набранные редактором формул. Формат рисунков TIFF или JPEG, режим – черно-белый или градиент серого, разрешение – 300 пикс/дюйм. *При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право изъять таблицы и рисунки из текста статьи.*

Формулы оформляются через редактор формул «Microsoft Equation» или «MathType». Длина формул не должна превышать 80 мм. Размеры символов в формулах (Microsoft Equation, MathType): обычный – 10 pt, крупный индекс – 7 pt, мелкий индекс – 5 pt, буквы латинского алфавита набираются курсивом, греческого алфавита – прямым шрифтом, математические символы cos, sin, max и т.д. – прямым шрифтом. Номер формулы пишется в круглых скобках у правого поля страницы на уровне формулы. Нумеровать следует те формулы, на которые есть ссылки в тексте. Размерность всех характеристик должна соответствовать системе СИ.

**Требования к информации для РИНЦ:**

- название статьи (на русском и английском языках);
- аннотация (на русском и английском языках);
- ключевые слова (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, адрес организации, e-mail (на русском и английском языках) (если авторов несколько, то информация дается на каждого автора);
- научное направление, к которому относится статья: Филологические науки (10.00.00), Педагогические науки (13.00.00), Психологические науки (19.00.00).

**Требования к сопроводительным документам.** Сопроводительное письмо и отзыв (для докторов наук – отзыв доктора наук, для кандидатов наук и аспирантов – отзыв доктора или кандидата наук) в электронном (отсканированном) варианте вместе с текстом статьи пересылаются в редакцию по электронной почте: inessayakovleva2013@mail.ru. Оригиналы сопроводительных документов предоставляются в редакцию лично или почтой по адресу: 443090, г. Самара, ул. Блюхера, 25, ауд. 519, 520, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Яковлевой Инессе Юрьевне.

**Дополнительную информацию** можно получить у ответственного секретаря журнала кандидата филологических наук *Яковлевой Инессы Юрьевны*.

E-mail: inessayakovleva2013@mail.ru; тел.: (846) 207-41-41.